

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Капшутарь Елена Сергеевна

**Становление английской системы терминов уголовного права и отражение
этого процесса в переводе на русский язык**

10.02.04 – Германские языки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук
профессор А.Г. Анисимова

Москва – 2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы исследования английской терминологии уголовного права	9
§1. Англосаксонская система права: общие положения	9
§2. Современные исследования в области терминоведения и языка для специальных целей.....	16
Комментарии к Главе 1	34
Выводы к Главе 1	35
Глава 2. Становление английской терминологии уголовного права с древнейших времен до наших дней.....	37
§1. Становление английской терминологии уголовного права в древнейший период (V-X века).....	37
§2. Становление английской терминологии уголовного права в среднеанглийский период (XI-XIV века)	64
§3. Английская терминология уголовного права в новоанглийский период	92
Комментарии к Главе 2.....	103
Выводы к Главе 2	105
Глава 3. Современное состояние английской терминологии уголовного права и проблема перевода терминов	108
§1. Типология современных англоязычных терминов уголовного права.....	108
§2. Перевод терминов уголовного права в новоанглийский период	143
Комментарии к Главе 3.....	160
Выводы к Главе 3	161
Заключение	164

Введение

Современный мир, открытый для межъязыкового и межкультурного взаимодействия людей, организаций и стран, ставит перед филологами новые задачи. Вероятные трудности, возникающие в процессе коммуникации специалистов из разных стран, связаны с самыми различными областями лингвистики, но самые частотные связаны с лексикологией. Будучи самой динамичной частью любого языка, лексика, в особенности профессиональная, т.е. терминология, представляет собой уникальный объект для изучения как с точки зрения диахронии, так и синхронии.

Терминоведение является достаточно молодой отраслью лексикологии, его история насчитывает менее века: первые исследования специальных единиц языка и речи – терминов – были проведены австрийским исследователем Юдженом Вюстером (Eugene Wüster). В 1931 году он опубликовал свою диссертацию «Международное нормирование речи в технике, в особенности в электротехнике». В 1935 она была переведена на русский и стала обязательной для прочтения студентами, изучающими терминоведение. Можно сказать, что это стало началом развития фундаментальных исследований в этой области в России. Основателями отечественного терминоведения по праву считаются Д.С. Лотте, О.С. Ахманова и А.А. Реформатский. Именно в их работах сформулированы основные требования, предъявляемые к термину и отличающие его от обычного слова: краткость, однозначность, отсутствие синонимов и омонимов, отсутствие экспрессивности¹.

Несмотря на то, что в прошедшие десятилетия терминоведение активно развивалось, существует множество терминологий, которые еще не были подробно исследованы. Одной из них является английская терминология уголовного права.

Настоящая диссертация посвящена изучению особенностей становления английской терминологии уголовного права и отражения этого процесса в переводе. Ее **актуальность** продиктована как растущей важностью такой

¹ Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. // Вопросы терминологии. – 1961. – С. 51

отрасли, как терминоведение в целом, так и необходимостью дальнейших исследований в области языка для специальных целей (LSP) и оптимизации процесса преподавания языков для специальных целей, в основании которых находятся термины.

Теоретической базой работы послужили основные положения, разработанные и разрабатываемые в терминоведении (С.В. Гринев-Гриневич, В.М. Лейчик, А.В. Суперанская, Т.Л. Канделаки, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, А.С. Герд, Ю.Н. Марчук, В.А. Татаринов, С.Д. Шелов и другие).

Особое значение терминологическим исследованиям уделялось в Московском университете, в частности, проводились исследования на филологическом факультете, а также на факультетах иностранных языков и регионоведения и в высшей школе перевода. Значительный вклад в развитие терминоведения внесли такие ученые, как: А.И. Смирницкий, М.Н. Володина, Л.А. Манерко, В.Ф. Новодранова, В.Г. Гак, Е.Р. Сквайрс и другие.

Данная работа выполнена в рамках научной школы кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Базовые положения и теорию, лежащие в основе исследования, разработали и описали такие исследователи, как: О.С. Ахманова, Н.Б. Гвишиани и ее ученики (О.Б. Алексеева, Т.А. Подколзина, И.В. Бондаренко, Л.А. Чернышева и другие). Профессор Т.Б. Назарова в течение многих лет занимается терминами бизнеса в английском языке, а также вопросами преподавания ЯСЦ. Под ее руководством были защищены работы ее учеников: В.А. Богородицкой, Х.А. Дарбишевой, Б.В. Будановой, М.А. Шанаевой и других. Профессор А.Г. Анисимова в течение нескольких десятилетий ведет семинары и курсы по терминоведению, а также руководит работами студентов и аспирантов, посвященными исследованию различных терминосистем современного английского языка (И.Н. Фомина – политическая терминология, Т.В. Шетле – терминология банковского дела, И.Б. Семенова – экономическая терминология, О.А. Яжгунович – терминология гражданского права и другие).

Научная новизна работы состоит, во-первых, в том, что в ней предпринимается попытка всестороннего исследования особенностей становления и развития английской системы терминов уголовного права в диахронии и синхронии. Кроме того, в работе формулируются принципы типологического описания терминосистемы на разных уровнях лингвистического исследования (морфосинтаксическом, семантическом и прагматическом). В работе также впервые исследуются структурно-семантические особенности лексических переводных соответствий английских терминов уголовного права в русском языке.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что, будучи выполненным в рамках терминологических исследований, проводимых кафедрой английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, оно вносит вклад в развитие отечественного терминоведения. В ходе исследования процесса становления терминосистемы уголовного права в работе предлагается типологическая классификация терминов, составляющих данную терминосистему, а также формулируются закономерности перевода терминов с английского языка на русский.

Практическая ценность данной работы заключается в возможности использования материалов и выводов исследования в преподавании курсов по истории английского языка, терминоведения и перевода.

Целями настоящего исследования являются:

- 1) определить особенности становления английской терминологии уголовного права с древнейших времен по настоящее время;
- 2) выделить разнообразные типы английских терминов уголовного права с точки зрения трех планов: содержания, формы и прагматики;
- 3) установить структурно-семантические особенности перевода терминов уголовного права с английского языка на русский.

Для достижения данных целей потребовалось решение следующих **задач**:

- 1) определить статус английской терминологии уголовного права в системе других правовых терминологий;

- 2) изучить особенности становления терминологии уголовного права в древнеанглийский, среднеанглийский и новоанглийский периоды;
- 3) показать системную природу терминологии уголовного права, а также то, что изучаемая терминология стремилась к системному выражению с самого начала своего существования;
- 4) выделить основные типы современных английских терминов уголовного права с точки зрения трех планов: содержания, выражения и прагматики;
- 5) установить структурные и семантические особенности перевода современных терминов уголовного права на русский язык.

Объектом настоящего исследования является английская терминология уголовного права в ее историческом развитии, а также перевод терминов уголовного права с английского языка на русский.

Предмет исследования составляют особенности становления терминосистемы уголовного права в древне-, средне- и новоанглийский периоды, типы современных терминов уголовного права и способы перевода таких терминов с английского языка на русский.

Материал исследования составили английские термины уголовного права, отобранные методом сплошной выборки из исторических словарей английского языка и современных англо-русских юридических словарей, а также из современных учебных материалов по уголовному праву, текстов судебных решений и прочих документов. Упомянутые источники указаны в списке использованных материалов.

Исследуемый материал потребовал **комплексного подхода** к изучению терминологии уголовного права. В рамках этого подхода выделяются сравнительно-сопоставительный метод, метод синхронного и диахронного анализа, метод структурно-семантического анализа, метод сопоставления дефиниций, метод контекстуального анализа, статистический метод определения количественных и процентных характеристик. Общенаучную методологическую базу исследования составили анализ, конкретизация, систематизация, а также

количественный подсчет и различные способы систематического представления материала.

В соответствии с общими целями, сформулированными задачами и избранными методами исследования **на защиту выносятся следующие положения:**

1. Английские термины уголовного права входят в состав терминологии права и образуют самостоятельную терминосистему с присущими ей особенностями, которые проявляются на каждом этапе становления терминосистемы в древне-, средне- и новоанглийский периоды развития английского языка.
2. В древнеанглийский период становления терминологии уголовного права терминологические единицы обладают оценочным компонентом. Этот период образования терминологии обусловлен центробежными тенденциями в развитии языка.
3. Наибольшее количество заимствованных терминов в терминологии уголовного права появилось в среднеанглийский период, что дало основу для процесса конверсии терминов.
4. В XI-XV веках начинает устойчиво проявляться системность терминов уголовного права, несмотря на противоречивые тенденции – к унификации, с одной стороны, и к сохранению региональных особенностей, с другой.
5. Английская терминология уголовного права становится полноценной терминосистемой в новоанглийский период, характеризуемый центростремительными тенденциями.
6. Современные английские термины уголовного права являют собой упорядоченную совокупность различных типов терминов, которые выделяются с точки зрения морфосинтактики, семантики и прагматики.
7. Этимологический фактор оказывает решающее влияние на выбор эквивалента термина в русском языке.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях секции «Филология» на международных форумах «Ломоносов» (Москва, 2012, 2013, 2014, 2015 года) в МГУ имени М.В. Ломоносова, а также на конференции Rotary International Youth Leadership Award Seminar (Освенцим, 2016 год) и отражены в 18 публикациях, 8 из которых изданы в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований. Сделанные выводы применены в процессе преподавания в ВГУЮ РПА Минюста России (Москва, 2016 год), а также в Филиале МГУ в г. Баку (Баку, 2016 год). Установленные закономерности перевода терминов были применены при переводе в рамках сотрудничества с Генеральной прокуратурой РФ (январь-апрель 2016 года), Следственным комитетом РФ (август 2016 года) и Посольством США в РФ (май-август 2017 года).

Работа состоит из введения, трех глав, комментариев к главам, выводов по главам, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Теоретические основы исследования английской терминологии уголовного права

§1. Англосаксонская система права: общие положения

В современном мире право является одной из важнейших категорий, при помощи которой регламентируются и регулируются отношения между людьми, организациями и странами. Едва ли можно переоценить важность изучения самого права, а также связанных с ним областей знаний, одной из которых является юридическая терминология.

Следует отметить, что в последние десятилетия как в России, так и за рубежом проблемы исследования терминов права относят не к юриспруденции или исключительно к лингвистике, а к особой сфере – **юрислингвистике/лингвоюристике** (legal linguistics, forensic linguistics)². В сферу интересов этой области, находящейся на стыке языка и права, входят, с одной стороны, юридический статус языка, статус малых языков, соотношение национального и официального языка и многие другие вопросы. С другой стороны, юрислингвистика также являет собой совокупность лингвистических подходов к юридическим вопросам и связана с составлением и герменевтикой юридических текстов. Юрислингвистика также занимается изучением юридических терминологий разных языков, кроме того, правовая лингвистика тесно связана с юридической лексикографией. Юрислингвистика изучает лексику и ее характеристики, что создает основу для практической работы по составлению словарей и лексиконов³. Автор вышеприведенных слов, Хейкки Маттила, является представителем направления, которое также находится на пересечении лингвистических и юридических вопросов – **сравнительной юрислингвистики** (comparative legal linguistics). Данная отрасль занимается сопоставительными исследованиями.

Что касается непосредственно сферы изучения данной работы, то следует еще раз подчеркнуть важность исследования отраслевой терминологии, так как

² Sanford Schane. Language and the Law: With a Foreword by Roger W. Shuy. – Bloomsberry Publishing, 2006. – 228 pp.; Galdia Marcus. Legal Linguistics. – Peter Lang, 2009. – 434 pp.; Coulthard Malcolm, Johnson. Alison The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. – Routledge, 2010. – 704 pp.

³ Mattila E.S. Heikki. Comparative Legal Linguistics. – London, Ashgate Publishing Company, 2006. – P.21.

право, будучи регулятором общественных отношений, а также и его язык можно изучать в качестве основных частей лингвоправовых культур. Будучи элементом общенациональной культуры, культура правовая – феномен, связанный с правом, юриспруденцией и особой, юридической, терминологией⁴.

Прежде чем приступить к рассмотрению особенностей системы уголовного права Великобритании, необходимо дать общую характеристику основным правовым семьям (системам)*. По утверждению известного историка права Рене Давида, такими семьями являются^{*2}:

- 1. Романо-германская правовая семья.** Данная система развивалась на базе римского права. В странах, где действует эта система, наиболее важное место занимают нормы права (нормы поведения). Начиная с XIX века в этой правовой семье главенствующая роль отведена закону, а в странах, относящихся к этой семье, действуют кодексы. По историческим причинам право выступает в данном случае как средство регулирования отношений. Другие отрасли права появились гораздо позднее и остаются менее совершенными по сравнению с гражданским правом, являющимся основой юридической науки⁵.
- 2. Семья общего права (common law).** Именно к этой правовой семье относится право Англии и США. Исторически эта семья была создана судьями. Норма общего права характеризуется меньшей степенью абстракции, нежели норма права романо-германской правовой семьи. Ее главная цель – разрешение конкретной проблемы, а не создание прецедента, то есть правила поведения. Главнейшая функция норм, связанных с правосудием, судебным процессом, исполнением судебных решений, заключается в восстановлении статус-кво, а не регулирование социального

⁴ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.8-9

⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С.12

порядка⁶. Прилагательное *общее* подразумевает *единство* системы прецедентов, на которые опираются суды при вынесении решений.

3. Социалистическое право (ныне не существует, действовало в СССР).

Помимо этих трех правовых семей выделяются также мусульманское право, а также индусская и иудейская правовые семьи⁷.

Необходимо подчеркнуть взаимовлияние романо-германского и англосаксонского права. Следует отметить, что понятие *англосаксонское право* является юридическим, а не историческим, то есть не имеет прямого отношения к становлению права в Англии.

В настоящее время в странах, где действуют эти правовые семьи, наблюдается необходимость в гармонизации, то есть такого взаимодействия правовых систем, при котором в странах, в которых исторически действовала система общего права, все чаще поднимается вопрос о кодификации, в то время как в странах романо-германского права растет роль прецедента в вынесении судебного решения, то есть по аналогии с прошлыми рассматриваемыми делами и назначенными наказаниями.

Необходимо отметить особенности англо-американской системы уголовного права, которая в настоящее время действует более чем в 60 странах всех без исключения континентов⁸. Так, в англосаксонской системе нет положений, регулирующих действие уголовного закона во времени, следовательно, отсутствует понятие срока давности. При этом в этой системе уникальные составы^{*3} (*примечание мое – Е.К.*), как burglary (взлом и проникновение ночью в чужое обитаемое помещение с целью совершения там тяжкого уголовного преступления)^{*4} (*примечание мое – Е.К.*), public nuisance и другие⁹. Что касается Великобритании, то система уголовного права, действующая в ней, относится к подгруппе некодифицированного уголовного права.

⁶ Там же. С.13

⁷ Там же

⁸ Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 38

⁹ Там же

Следует подчеркнуть, что систему английского права нельзя считать строго ограниченной и окончательно сформированной, поскольку она продолжает формироваться и развиваться. Даже относительно устойчивые её компоненты (например, монархия) значительно изменились с течением времени: так, короли X века не имели власти над всей территорией Великобритании, и их полномочия не ограничивались какими-либо конвенциями, существующими ныне. Когда-то законы формулировались и провозглашались монархом, сейчас это делает демократический парламент. Вплоть до XX века не существовало единой системы апелляций и кассаций в уголовных делах, а в суде припоминание прецедента происходило исключительно в устной форме – адвокаты и судьи вспоминали подробности того или иного дела. Изменения правовой системы в настоящее время подразумевает, в первую очередь, стремление к кодификации. Появление новых средств коммуникации также значительно повлияло на систему взаимодействия между участниками судебных разбирательств, предоставив адвокатам и их клиентам новую – электронную – форму общения. В своё время примерно таким же революционным было появление печатного станка. Все происходящие изменения в системе права неизбежно влияют и на систему терминов, обозначающих новые понятия.

Система уголовного права США, а значит, и лексика, во многом опирается на правовую систему Великобритании¹⁰. Кроме того, как утверждает В.Н. Додонов, американское уголовное право сложилось в XIX-начале XX века как результат кодификации¹¹. Другие исследователи американского права считают несколько иначе¹²: во второй половине XIX века, после Войны за независимость, многие штаты пытались создавать свое право, отличное от британского, в попытке как можно дальше отойти от столь ненавидимого имперского права. Соответственно, если рассматривать особенности терминологии уголовного права до этого периода, следует говорить о

¹⁰ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.17

¹¹ Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 40

¹² Friedman M. Lawrence. A History of American Law. 1st ed. – NY, 2005. – 655 pp.

предтерминах. Кроме того, нельзя сказать, что английское право целиком и без изменений применялось в Америке XVII-XVIII веков. Следует признать, что целенаправленная кодификация сформировала современную систему права, которая продолжает развиваться по сей день.

Как уже отмечалось выше, рассмотрение системы английского права по сути являет собой рассмотрение системы общего права (common law), которое активно формировалось в основном в условиях угрозы устоявшемуся порядку в стране или при возникновении вопросов, которые требовали участия власти короля. Таким образом, оно частично трансформировалось в право публичное, поскольку интересы Короны затрагивали лишь некоторые споры частного характера¹³.

Особенностью права Англии, важной для настоящей работы, является то, что оно изначально не проводило различий между уголовным и гражданским правом. Отличия появились лишь после нормандского завоевания в 1066 году. Первые уголовные суды едва ли имели какие-либо законы, хотя гражданское деликтное право было достаточно хорошо развито и обширно применялось. Развитие государственной системы исполнения наказаний (state dispensing justice) началось только после появления понятия суверенности. Наконец, лишь в XVIII веке в Европе начал создаваться институт полиции, что послужило началом для механизма формирования правоохранительной системы, которая позднее стала достаточно самостоятельной единицей.

Что касается периодизации английского права, крупнейший правовед Р. Давид выделяет следующие периоды:

1. До нормандского завоевания (до 1066 г.);
2. Период становления общего права (с 1066 до 1485 г.);
3. Подъем общего права (с 1485 до 1832 г.);
4. С 1832 г. до настоящего времени¹⁴.

¹³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С.13

¹⁴ Там же. С.14

Помимо разграничения гражданского и уголовного права, немаловажное место занимало разграничение уголовного и наказательного права. В настоящее время уголовной (Criminal) называется отрасль права, которая определяет нормы поведения в разных сферах жизни, а также наказания за нарушение этих норм. Реализация же наказания будет являться правом наказательным (Penal Law). Следует отметить, что в древнем английском праве разница между уголовным и наказательным правом была несколько другого рода: любое уголовное право является карательным, то есть достижение его целей происходит через наказание виновных, однако обратное неверно¹⁵. Необходимо помнить, что в данной работе под *английскими терминами уголовного права* подразумеваются термины уголовного (Criminal Law), уголовно-процессуального (Criminal Procedure), уголовно-исполнительного (Penal Law) права, а также некоторые термины криминологии (criminology) и даже судебной психиатрии.

Крупнейшим государством современности, правовая система которого в значительной мере опирается на систему британскую, является США. При этом американская терминология зачастую порождает некоторые понятия, которые впоследствии заимствуются британской терминологией.

Система уголовного права США обладает целым рядом особенностей, которые следует отметить. Во-первых, правовая система США более разветвлена, нежели система в Великобритании, поскольку существует как федеральное законодательство, так и законодательство отдельных штатов. Разумеется, в случае противоречия региональных законов Конституции США Конституционный суд вынесет соответствующее решение по отмене не соответствующего Конституции закона штата, но, тем не менее, отличия между штатами порой могут быть очень значительными.

Вполне очевидным является и тот факт, что отсчет собственно американского уголовного права начинается лишь с появления первых колоний, то есть с мая 1607 года (Chesapeake Bay). Дальнейшее формирование и

¹⁵ Черри Р. Развитие карательной власти в древних общинах. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – С.9

становление американской правовой системы происходило в следующие периоды:

1. С появления первых колоний до 1787 г.;
2. С 1747 по 1848 гг. до появления первых кодексов в разных штатах;
3. Со второй половины XIX века до настоящего времени¹⁶.

Следует отметить, что в культуре обеих стран существует исторически сложившаяся система понятий, относящихся к области права. Эта система образуется и пополняется под влиянием социально-культурных изменений в жизни общества и государственного устройства. Одной из общих экстралингвистических причин в данном случае является декриминализация, вызывающая детерминологизацию и дальнейший выход термина из употребления.

Неустанный интерес к терминологии права, а также важность таких исследований объясняются тем, что право и закон имеют самое непосредственное отношение ко всем людям. При этом нормы права и статьи закона выражаются средствами языка, в первую очередь – через специальную терминологию. Необходимость исследования терминов права в рамках новой междисциплинарной отрасли, юрислингвистики, продиктована, во-первых, теоретико-методической необходимостью тщательного и всестороннего описания англоязычной терминосистемы уголовного права, во-вторых, практической потребностью в подготовке квалифицированных кадров, которые, помимо знания своей узкой специализации, также могли бы работать в глобальном пространстве, а значит, владели бы иностранными языками и в первую очередь хорошо знали бы профессиональную терминологию в этих языках. Наконец, в условиях глобализации, растет интерес к исследованиям английского как международного языка, следовательно, существует и потребность в рассмотрении частных терминологий.

¹⁶Агабалиева И.Э. Формирование американской правовой системы // Актуальные вопросы юридических наук: материалы международной научной конференции. Челябинск: Два комсомольца. – 2012. – С. 102-105

§2. Современные исследования в области терминоведения и языка для специальных целей

В конце XX-начале XXI века, как в России, так и за рубежом увидели свет многочисленные исследования, посвященные терминологиям различных областей знаний, терминам и их роли в языках для специальных целей, а также таким смежным вопросам, как перевод терминов, оптимизация преподавания языков для специальных целей, упорядочивание терминологий и другие.

Исследования G. Rondeau, J. Sager, E. Wüster, К.Я. Авербуха, Л.М. Алексеевой, А.Г. Анисимовой, О.С. Ахмановой, М.Н. Володиной, Т.Г. Волошиной, Н.Б. Гвишиани, А.С. Герда, Е.И. Головановой, С.В. Гринёва-Гриневича, Т.Л. Канделаки, Л.А. Капанадзе, Е.С. Кубряковой, В.М. Лейчика, Д.С. Лотте, Л.А. Манерко, С.Л. Мишлановой, Т.Б. Назаровой, Е.А. Никулиной, В.Ф. Новодрановой, Х. Пихта, Н.В. Подольской, А.А. Реформатского, В.А. Собяниной, Э.А. Сорокиной, А.В. Суперанской, В.А. Татарина, Р. Теммерман, Е.В. Филипповой, С.Д. Шелова, А.Д. Шмелёва и других лингвистов посвящены теоретическим и практическим проблемам изучения различных терминологий и терминологических систем.

Вопросам языков для специальных целей (LSP) посвящены работы таких отечественных и зарубежных ученых, как А.И. Комарова (2010, 2012, 2013), Т. Hutchinson и А. Waters (2000), Е.А. Никулина (2004), Н.Н. Гумовская (2008), Е. Н. Загрекова (2008), И.И. Чиронова (2009), В.М. Лейчик (2009), К.Я. Авербух и О.М. Карпова (2009), Т.Б. Назарова (2010, 2013, 2014) и многих других.

Изучением проблем, находящихся на стыке английского языка и английского права, занимались в разное время D. Melinkoff, D. Crystal и D. Davy, B.Z. Kielar, V.K. Bhatia, S.D. Beasley, M. Llopis и P.M. Tiersma, H. Matilla.

Прежде чем говорить о частных исследованиях юридических терминов, следует очертить ту сферу, в которой этот язык существует.

С древнейших времен право было неразрывно связано с языком. В первую очередь это касалось исключительно прикладных задач, а именно – герменевтики юридических текстов. При этом в некоторых аспектах языковая составляющая права доминирует – это касается таких сфер, как юридический перевод, лексикографическое исследование правового языка, юридическая риторика и некоторых других.

Юридический язык является, с одной стороны, функциональным вариантом общего языка и базируется на грамматике и лексике общего языка. С другой стороны, он обладает рядом морфосинтаксических, семантических и прагматических особенностей и используется в определенных социальных ситуациях.

Говоря о юридическом языке как о языке для специальных целей (*language for specific purposes*), исследователи имеют в виду в первую очередь особые термины права, выделяющие этот специальный язык среди прочих.

В целом исследователи называют юридический язык особым юридическим стилем, не всегда понятным простым людям, или технолектom (техническим языком). Также упоминается термин *legalese*, что также означает *юридический технолект*. Тем не менее, аудитория сообщений, передаваемых в рамках юридического языка не ограничивается специалистами по праву. Напротив, судебные постановления, законы, акты и кодексы направлены на все население той или иной страны, о языке которой идет речь.

Еще одной особенностью языка права является его длинная история, что объясняется неизменным интересом людей к вопросам регуляции отношений в обществе и установлению справедливости.

В рамках языка права выделяются поджанры, среди которых: жанры, присущие правовым ученым, законодателям, судьям, адвокатам и другим представителям юридических профессий. Каждый из этих поджанров имеет свои особенности. Так, язык судей характеризуется архаичностью, лаконичностью, в то время как язык исследователей права будет богат латинскими выражениями.

Общая черта всех этих поджанров – это присутствие большого количества специальных юридических терминов.

Среди связанных с языком права явлений выделяется также правовой жаргон, к которому некоторые исследователи относят, к примеру, аббревиатуры, а также арго – тайный язык криминальной братии (*criminal fraternity*), также известный как тюремный жаргон.

Что касается особенностей языка права, один из ведущих исследователей в области правовой лингвистики Х. Маттила выделяет следующие:

- Точность и однозначность во избежание вольной трактовки;
- Тавтологичность, объясняемая, с одной стороны, историчностью языка, необходимостью учета прецедентов или уже существующих правовых норм, с другой – тем фактом, что даже язык законодательства не всегда полностью логичен и последователен в употреблении терминов;
- Присутствие в дискурсе дефиниций терминов, причем дефиниций двух типов – подлинных (*real definitions*) и терминологических (*terminological definitions*)¹⁷. При этом граница между этими видами определений часто стирается;
- Плотность информации за счет обилия терминов;
- Универсальность и стилистическая нейтральность языка. Кроме того, подчеркиваются такие особенности, как абстрактность и гипотетичность, безличность и объективизация;
- Метафоричность языка права;
- Системная природа, проявляющаяся во взаимосвязи понятий и терминов, родовидовых отношениях;
- Логичность и последовательность в использовании терминов (при этом см. *тавтологичность*);
- Частотное употребление акронимов и сокращений;

¹⁷ Pieńkos Jerzy. Podstawy jurslingwistyki. Język w prawie – Prawo w języku. – Warsaw: Muza, 1999. – PP.88

- Сложный синтаксис и разнообразие языковых элементов, создающиеся за счет преобладания существительных и номинативных конструкций;
- Значительное количество терминов из других областей знаний (то есть консубстанциональных терминов);
- Архаичность и торжественность языка;
- Консерватизм языковых средств;
- Непрозрачность, то есть неясность языка для простого обывателя¹⁸.

Указанные особенности языка права, не относящиеся напрямую к терминологии, тем не менее, неизбежно влияют и на терминологию, которая обладает также своими уникальными чертами. Эти особенности были исследованы в многочисленных работах отечественных ученых-терминологов.

С конца XX века было написано и защищено значительное количество диссертационных исследований, посвященных разным аспектам англоязычной юридической терминологии: Н.П. Глинская «Юридическая терминология в разных функциональных стилях английской речи» (Москва, 2002); Т.Ю. Тарасова «Проблемы лингводидактики и язык права» (Москва, 2003); С.Д. Оскина «Актуальные проблемы развития и современного состояния английской терминологии гражданского процессуального права» (Омск, 2007); М.Н. Федулова «Прагмасемантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе» (Москва, 2010).

Отдельно следует выделить исследования, посвященные вопросам перевода юридических терминов с русского на английский и с английского на русский. Так, в работе А.Г. Анисимовой «Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук» (Москва, 2010), в основу которой положен тезис о специфической социокультурной составляющей таких терминологий, рассматриваются различные сложности, которые могут встретиться переводчику. Во-первых, имеют место многочисленные эквиваленты перевода одного и того же термина, что осложняет процесс перевода необходимостью выбора верного эквивалента. Решению этой проблемы может

¹⁸ Mattila E.S. Heikki. Comparative Legal Linguistics. – London, Ashgate Publishing Company, 2006. – P.65-98

послужить метод сопоставительного терминоведения – метод установления корреляций в сопоставляемых терминосистемах¹⁹. Автор отмечает, что наиболее часто в настоящее время при переводе с английского на русский переводчики прибегают к методу беспереводного заимствования, что, однако, не всегда является оптимальной стратегией и приводит к засорению русского языка иноязычными терминами. Кроме того, неосторожное введение терминов в язык чревато появлением «ложных друзей» переводчика. В работе также анализируются случаи применения трансформационного метода и метода интерпретирующего перевода, анализируются их достоинства и недостатки. Значимым представляется положение работы о том, что при рассмотрении вопроса о возможности (или невозможности) перевода становится ясно, что основной проблемой является нахождение русского эквивалента термина²⁰. Ценность работы заключается также в том, что одним из методов решения проблемы многовариантности терминов является использование корпуса профессиональных текстов, специально отобранных для решения данной задачи.

Проблеме перевода юридических терминов посвящена кандидатская диссертация Т.П. Некрасовой «Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык» (Москва, 2013), в которой рассматриваются важнейшие вопросы перевода юридических и общественно-политических терминов. Так, в ней анализируются различные факторы, оказывающие влияние на перевод юридической терминологии с русского языка на английский язык. Особую сложность, по мнению автора, представляют трудности юридического перевода, что продиктовано частотностью абстрактных существительных, а также цепочек номинативных конструкций и особенностями предложно-падежных конструкций²¹. Большое внимание в диссертации уделяется проблеме

¹⁹ Анисимова А.Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук. – Saarbrücken. LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING, 2011. – С.402

²⁰ Там же. С. 328

²¹ Некрасова Т.П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 24 с.

«реверсного» перевода на английский единиц, которые изначально пришли в русский язык из английского.

В рамках настоящего исследования заслуживают внимания работы по терминологии уголовного права в других языках: Д.А. Галиева «Концептуальное поле "Право и Закон" как основа учебного идеографического профессионально ориентированного словаря» (Уфа, 2000); П.Г. Мизинкова «Семантическая структура юридической уголовно-процессуальной терминологии XVII в.: на материале документов ГАТО» (Тюмень, 2004); Н.Н. Лыкова «Генезис языка права: начальный этап: на материале французских и русских документов X-XV веков» (Екатеринбург, 2005); М.Н. Николаева «Формирование и развитие терминологии уголовного права в татарском языке» (Казань, 2005); Л.М. Голиков «Развитие терминологии уголовного права в русском языке XVIII века» (Вологда, 2008); М.В. Овчинникова «Терминология уголовного права XVIII века: на материале памятников деловой письменности Забайкалья» (Улан-Удэ, 2008); Г.Х. Шамсеева «Юридическая терминология в английском и татарском языках» (Казань, 2009); Л.Р. Байдавлетова «Концептосфера "Право - Закон - Преступление - Наказание - Милосердие" в русской языковой картине мира» (Стерлитамак, 2013) и другие.

Причины повышенного интереса к терминоведению в целом и к языку права в частности вполне понятны: в результате «информационного взрыва» и ускорения роста научных знаний произошел и «терминологический взрыв» – резкое увеличение числа новых терминов, которые, впрочем, далеко не всегда представляют собой ясную для понимания и четко упорядоченную систему. Кроме того, подавляющее большинство слов, появляющихся в современных языках, составляет именно специальная лексика²², что постоянно создает новые возможности для исследований. Помимо этого, сегодня в силу нарастающих темпов глобализации растет необходимость подготовки квалифицированных специалистов, способных успешно работать в международном сообществе. Также наблюдается процесс активного взаимодействия романо-германского и

²² Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. – М.: Академия, 2008. – С. 5

англосаксонского права: в российской системе все большую роль приобретает прецедентное судебное решение, а в англоязычных странах все чаще говорят о необходимости кодификации (консолидации).

Особого внимания заслуживают диссертации, также увидевшие свет в первой четверти XXI века, которые в значительной степени повлияли на данную работу как с теоретической, так и с практической точки зрения.

К первой группе таких работ можно отнести исследования, посвященные наиболее важным особенностям и процессам в рамках англоязычной терминологии права в целом и включающие рассмотрение определенных закономерностей в англоязычной терминологии уголовного права.

Так, кандидатская диссертация Т.В. Рыженковой посвящена транстерминологизации в английской и русской терминологиях правоведения. Следует отметить, что под транстерминологизацией в данной работе подразумевается переход термина из одной терминологической системы в другую, сопровождающийся различными семантическими трансформациями. Автор отмечает, что данное явление характерно для многих терминологий и объясняется тем, что все науки взаимосвязаны, поскольку имеют единый объект изучения – окружающий мир. Кроме того, лексико-семантический способ терминообразования обладает очень высокой степенью продуктивности²³. При этом, если первый тезис не вызывает сомнений в своей достоверности, второе утверждение относительно частотности терминообразования при помощи лексико-семантического способа не подтверждено фактами или цифрами. Наконец, термины, образующиеся в результате транстерминологизации, уже были изучены О.С. Ахмановой и получили название «консубстанциональные термины», таким образом, транстерминологизация может обозначать сам процесс этого перехода термина из одной системы в другую. В работе значительное внимание уделяется еще одному процессу – ретерминологизации. Различные дефиниции этого термина приводятся в теоретической части исследований. Кроме

²³ Рыженкова Т.В. Специфика процесса транстерминологизации в отраслевой терминосистеме (на материале русской и английской терминологии правоведения): Дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – С.17

того, несомненным достоинством работы является наличие своеобразной типологии терминов (параграф 3.3 «Структурные особенности и специфика использования терминов...»), поскольку подобный обзор позволяет дать более полное представление об исследуемой терминологии.

В работе также производится проработка проблемы транстерминологизации. Так, автор признает, что процесс может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Во втором случае предлагается провести верификацию при помощи составления макро- и микрополей, что является в достаточной степени доказательным средством в рамках терминосистем.

Автор приводит замечания относительно классификации дефиниций терминов и выделяет среди них описательные, перечневые и классификационные и подкрепляет достоверными примерами как из русской, так и из англоязычной правовой системы²⁴.

Что касается собственно терминологии уголовного права, то весьма значимыми представляются данные относительно количества транстерминов в русском и английском уголовном праве, количественного и процентного соотношения транстерминов в равных отраслях права, соотношения транстерминологизованных универбов и словосочетаний по отраслям и представленности транстерминологизованных полилексемных номинантов. Наглядную форму представления этих и других данных также следует отметить как достоинство данной работы.

В диссертации Л.И. Хасиной ставится задача определить положение глаголов и глагольных сочетаний в терминосистеме права, а также выявить особенности их использования.

Предмет исследования являет собой важнейшую часть юридической терминосистемы: несмотря на устоявшееся мнение о том, что термины и терминологические единицы представлены в основном существительными и номинативными конструкциями, в терминологиях также присутствует немалое количество терминов, выраженных и другими частями речи – в первую очередь

²⁴ Там же. С.78-81

глаголов, которые играют важнейшую роль для обозначения действий и процессов.

Кроме того, автор выделяет определенные модели построения глагольных сочетаний, а также разрабатывает классификацию моноксемных единиц, среди которых выделяются глаголы созидательной деятельности, изменения, интенсивной деятельности, приобретения, действия и другие, причем каждая группа проиллюстрирована примерами, которые автор подробно анализирует. Не обойдена стороной и лексическая сочетаемость этих единиц, что также имеет большую практическую значимость.

Работа, посвященная вариологическим аспектам юридических терминов в русском и английском языках, также представляется важной. Во-первых, в ней рассматриваются как английская, так и американская терминологии права. Рассматривается процесс становления и формирования каждой терминосистемы, выявляются определенные особенности, присущие каждому периоду. Выводы автора не вызывают сомнений: речь может идти лишь о правовой лексике, но не о юридических терминах, так как непосредственно юридическая терминосистема сложилась в этих подъязыках лишь в XIX-XX веках²⁵.

В диссертации проводится исследование различных проявлений вариативности (варьирования), которое автор разделяет на формальное и семантическое. Формальное варьирование, в свою очередь, может быть представлено вариантностью и дублетностью (абсолютной синонимией). Семантическая вариативность включает в себя полисемию и омонимию. Данное выделение не вызывает сомнений: действительно, синонимия является, скорее, формальным варьированием, нежели семантическим, что доказывается автором как при помощи теоретического материала, так и с помощью примеров. В то же время омонимия верно отнесена к семантическому варьированию, так как зачастую она является вторичным процессом полисемии (или ее распада).

²⁵ Сандалова Н.В. Вариологические аспекты юридических терминов в русском и английском языках: Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – С. 78-79

К следующей группе работ, заслуживающих более подробного рассмотрения, следует отнести диссертационные исследования, посвященные английской и американской терминологиям уголовного права.

Одной из первых работ начала XXI века, посвященных англоязычной терминосистеме уголовного права, является работа Н.А. Бондаревой²⁶. В данной работе применен метод контрастивных исследований терминологий, что обосновано автором и применяется при составлении фрагмента англо-русского словаря терминов уголовного права. Кроме того, сопоставление английских, американских и русских терминов уголовного права имеет практическую важность для перевода терминов с английского на русский язык. Автор представляет терминологии уголовного права Англии, США и России в виде микрополей, входящих в макрополя юридической терминологии и рассматривает свойства этих терминологий на примере термина *crime*/преступление. Ценным в данной работе является создание уникального словаря терминов уголовного права, а также определенные рекомендации по оптимизации АРМ (автоматизированного рабочего места) переводчика. Большинство выводов автора не вызывают сомнений – например, тезис о том, что системы уголовного права России и США частично схожи, так как в обеих присутствуют субполя «уголовный кодекс» и «конституция», а также «уголовный кодекс»²⁷.

Исследованием, которое безусловно заслуживает внимания, является диссертация Р.Р. Юсуповой, посвященная концептуальным картам ядра англоязычной и русскоязычной терминологии уголовного права.

Автор рассматривает 45 англоязычных и 29 русскоязычных терминов уголовного права и на основе этих терминов делает следующие выводы: ядро семантических полей английских и русских терминов уголовного права состоит из словосочетаний и слов, имеющих отношение к концептам *crime*, *investigation*, *trial*, *punishment*/преступление, следствие, процесс, наказание²⁸. Автором

²⁶ Бондарева Н.А. Прикладные аспекты моделирования терминологии уголовного права: Дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 213 с.

²⁷ Там же, с.11

²⁸ Юсупова Р.Р. Концептуальная карта ядра семантических полей английских и русских терминов уголовного права: Дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2010. – С.140

рассмотрены концепты, которые отражают разные стадии реализации уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, но на самом деле рассматриваемые концепты термины относятся не только к Criminal Law, а еще и к Criminal Procedure и Penal Law. Выбор терминов из сразу трех вышеуказанных отраслей права видится вполне естественным, поскольку данные области тесно взаимодействуют. Далее автор выделяет три вида развертывания семантических карт: эквивалентность, включенность и пересечение (гетеронимия), иначе говоря, сопоставляет термины и концепты в английском и русском языках и выделяет три типа отношений. Так, в работе утверждается, что английским терминами уголовного права присуща стилистическая вариативная отнесенность вербализующих их терминов (британский и американский вариант английского языка)²⁹.

Автор рассматривает термины уголовного права с точки зрения концептологии, а сформулированные в работе положения могут быть использованы для оптимизации процесса преподавания лексикологии в целом и терминологии в частности, а также для решения проблемы терминологической номинации.

Большой интерес вызывает работа, в которой рассматриваются английские уголовно-правовые концепты, написанная К.В. Даниловым³⁰ под руководством д. ф. н. С.П. Хижняка. Автор данной работы, как и авторы двух предыдущих исследований, рассматривает, скорее, не столько термины *crime* и *punishment*, сколько связанные с ними признаки и концепты. Наиболее ценно в данной работе выделение признаков каждого из этих терминов, а именно:

crime: violation of law (ядерный), malice, not tort, punishable, necessity of conviction, circumstance, subjective-objective perception, deceit, public danger, specification of a subject of a crime, specification of an object of a crime, number of subjects of crime, illegal interest, proof, defense;

²⁹ Там же. С.147

³⁰ Данилов К.В. Репрезентация концептов CRIME и PUNISHMENT в британской и американской юридической терминологии: Дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – 209 с.

punishment: necessity of conviction, circumstance, subjective-objective perception, defense, specification of an object of a punishment, deterrence, protection, reformation, retribution, imposed by law.

Данные концепты, по утверждению автора, неразрывно связаны между собой, что проявляется и в совпадении определенных признаков. Кроме того, автор указывает на то, что кроме термина *crime* в английском и американском уголовном праве активно используется термин *offense*, приводит важные факты из истории развития наказательного права в Англии и США и дает обзор философской литературы по вопросу отношения к преступлению.

Автор не только проводит анализ этимологии основных терминов, но и прослеживает эволюцию наказательного права от кровной мести к системе талиона, а также объясняет постепенную эволюцию всей системы уголовно-наказательного права. По его мнению, эволюция системы объясняется историческими процессами – усилением авторитарной власти, являющейся причиной ужесточения наказаний, с одной стороны, и демократизацию государства, с другой.

Наконец, к третьей группе рассматриваемых работ можно отнести исследования становления английской и американской терминологий права в целом.

Первой работой из данной группы является исследование Е.С. Максименко, посвященное национально-культурной специфике английской и американской юридической терминологии и написанное под научным руководством С.П. Хижняка. Следует отметить, что данная работа является одной из наиболее близких теме настоящего исследования, поскольку рассматривает особенности становления национально-культурной специфики английской и американской юридических терминологий.

Наибольший интерес для настоящего исследования представляет Глава 2, посвященная различным процессам, имевшим влияние на становление англоязычной терминологии права. Выводы автора не вызывают сомнений: так, причиной обособленности юридической терминологии от общего языка

называется желание создать некий «тайный» язык для общения «посвященных» – юристов, судей и других специалистов. Именно по этой причине так многочисленны латинские заимствования в англоязычной юридической терминологии. Однако еще одной причиной обширного присутствия латинизмов является отсутствие терминов в заимствующем языке для новых явлений, пришедших в жизнь страны в среднеанглийский период.

Примечательно, что автор уделяет немалое внимание именно терминологии уголовного права (а не, например, терминологии земельного права или гражданскому праву). Автором рассматриваются лексические замены древнеанглийских терминов на латинские (*adfullum*, *urheil* на *ordeal*, *compugation*³¹), приводятся примеры неассимилированных французских заимствований (*autrefois acquit*³²) и детальный разбор изменений, имевших место в наименовании преступлений в английской и американской терминологиях после 1967 года³³.

Автор работы также проводит типологическую классификацию терминов и разбирает понятие системности, в которое входят оппозиции терминов, иерархия (гиперо-гипонимические отношения), синонимия, омонимия и другие особенности³⁴. Также уделяется внимание явлению эвфемизации и приводится серьезное теоретическое обоснование актуальности данного феномена, а также приводятся примеры из терминологии уголовного права с дефинициями и их расшифровкой.

В работе Е.С. Максименко также рассматриваются особые термины, которые автор называет «проприетарными» (термины, которые В.А. Иконникова относит к эпонимам). Автор приводит теоретическое обоснование классификации проприетарных (то есть связанных с именами собственными) терминов по трем группам, подкрепляя каждую из групп примерами и историческим пояснением³⁵.

³¹ Максименко Е.С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем: на материале английской и американской юридической терминологии: Дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2002. – С.59

³² Там же. С. 60

³³ Там же. С. 66

³⁴ Там же. С. 77

³⁵ Там же. С. 93

Диссертационное исследование О.В. Аваковой, в котором рассматривается формирование и функционирование английской юридической терминологии в рамках становления государства и права Англии, представляет значительную ценность сразу по ряду причин: во-первых, это исследование очень подробно описывает как историко-культурологические особенности формирования терминологии в разные периоды, так и лингвистические процессы, характеризовавшие эти периоды. Автор уделяет значительное внимание становлению терминологии уголовного права и анализирует все способы терминообразования в каждом периоде. Выводы относительно этих способов не вызывают сомнений и подтверждены примерами в рамках лингво-понятийного подхода³⁶.

Последняя работа из третьей группы – докторская диссертация В.А. Иконниковой – посвящена исследованию становления культурного компонента в англоязычных юридических терминологиях и охватывает не только Великобританию и США, но и Шотландию.

Работа посвящена вопросу обозначения статуса, особенностей и функций уникальных, синонимичных или полисемичных терминологических единиц. Выдвигается предположение, что эти единицы зависят от историко-территориального и лингвокультурного контекста³⁷. В работе рассматривается достаточно обширный пласт лексики: древнеанглийские юридические термины, предтермины (прототермины), которые стали (или не стали) частью юридической терминосистемы, а также те термины, которые вошли в английский литературный язык в последующие эпохи. Изучаются также термины других наук, связанные с правом, терминологические единицы, в составе которых есть эпонимы (имена собственные), профессионализмы и другие³⁸.

³⁶ Авакова О.В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – С. 182

³⁷ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.3

³⁸ Там же. С.4

Особенностью работы В.А. Иконниковой является ее комплексный лингво-правовой, историко-территориальный, лингвокультурологический и терминоведческий характер. Именно он дает возможность впервые определить и описать особенности возникновения и развития семантики англоязычных юридических терминологических единиц современной англоязычной юридической терминологии³⁹. В работе применяются синхронический подход к исследованию специальной лексики наряду с диахроническим и системно-тематическим подходами, что действительно дает возможность изучить эволюцию культурного компонента в изучаемой терминологии.

Несмотря на то, что работа посвящена целому комплексу юридических терминологий Великобритании, Шотландии и США, в ней имеют место выводы, представляющие важность для исследования терминологии уголовного права. Искключительная ценность данной работы видится в том, что автор рассматривает культурный компонент в свете исторических изменений и изменений системы правительства в изучаемых странах, а также в свете развития английского языка от древнейшего этапа до современности, делая выводы для каждого периода. Именно этот подход, с одной стороны, охватывающий и особенности политико-правовых реалий каждого периода, и особенности языка на каждом этапе его развития видится наиболее подходящим для исследований такого рода.

Автор полагает, что по ряду причин, обусловленных лингвокультурными особенностями, в истории государства и права стран Европы выделяются следующие периоды:

- феодалное право:** 1) раннефеодалная монархия (V-IX вв.);
2) вассально-сениоральная монархия (X-XIII вв.);
3) сословнопредставительная монархия (XIV-XV вв.); абсолютная монархия (XVI-XVIII вв.), право нового времени (XVIII-XX вв.); а также

³⁹ Там же. С.8-9

современное право (1950-е гг. по настоящее время)⁴⁰. Далее, согласно исследователям права США (Friedman), развитие американского права происходило в следующие периоды:

- 1) колониальный период (XVII-XVIII века: от первых поселений до Войны за Независимость);
- 2) 1790-е гг.-1860-е гг.: от образования Соединенных Штатов Америки до Гражданской войны Севера и Юга;
- 3) 1860-е гг.-1940-е гг. от победы Севера в Гражданской войне до Второй мировой войны;
- 4) современный период⁴¹.

Приведенная периодизация видится вполне соответствующей истине и может быть использована в дальнейших исследованиях языка права в Великобритании и США.

Немаловажным фактом является и то, что в данной работе приводится обзор как юридических документов, так и иных источников права.

Автор переводит один из зарубежных источников (Friedman 2007⁴²): как в колониальном праве, так и в праве США, следует выделить действующие центробежную и центростремительную силы, то есть силы, которые разделяли юрисдикции штатов, и силы, сближавшие их. Английская, то есть «первоначальная» культура и ее развитая правовая культура имели центростремительное влияние вплоть до Войны за Независимость. Географические особенности, политика и суверенитет колоний и штатов – напротив, являются центробежными силами⁴³. В целом следует отметить, что данная работа является одним из наиболее полных исследований в сфере юридического языка за последние полтора десятилетия.

⁴⁰ Там же. С.170

⁴¹ Там же. С.174

⁴² Friedman M. Lawrence. A History of American Law. 1st ed. – NY, 2005. – 655 pp.; Friedman M. Lawrence. A History of American Law. 2nd ed. – NY, 2007. – 781 pp.

⁴³ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.259

Представляется важным рассмотреть еще одно диссертационное исследование, которое было написано и защищено по специальности 13.00.02 (теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки)) в 2010 О.С. Николаевой и посвящено связи этимологии терминов и их перевода.

Актуальность данной работы продиктована новыми условиями обучения и преподавания в российских вузах, что связано с новыми стандартами двухуровневой системы высшего образования: бакалавриата и магистратуры. Автор постулирует проблему перевода научных текстов как основную сложность при обучении иностранному языку и связывает ее, во-первых, с неправильным пониманием текста на исходном языке, во-вторых, с неверной интерпретацией терминов, а также с недостаточным уровнем знаний по специфике переводимого текста⁴⁴.

Автор приводит разные точки зрения по таким элементам изучаемого вопроса, как перевод и его процесс, термин и терминосистема, этимология и другие. Кроме того, в работе приведены многочисленные примеры терминов разных областей знаний, включая юриспруденцию – анализируется этимология и перевод терминов *solicitor, lawyer, attorney и barrister*⁴⁵.

Учет этимологической составляющей термина при переводе включает в себя, по мнению автора, знания о способах перевода терминов, а также знания о структуре термина и умение вычленить важные терминологические элементы. Предлагается несколько приемов для успешного перевода научных текстов:

- этимологический анализ, который включает в себя морфологический анализ, определение первоначального значения этимона, анализ развития значения с течением времени, определение языка, из которого пришел этимон и т.д.;
- прием квантования, который означает выделение корня термина и аффиксов;

⁴⁴ Николаева О.С. Методика обучения переводу научных текстов на основе учета этимологической составляющей терминов: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – С.22

⁴⁵ Там же. С.56

- сравнительно-исторический прием, состоящий в сравнении особенностей текстов на разных языках;
- прием типологической классификации: выделение характерных черт, присущих всем научным текстам;
- прием нахождения дополнительной информации, включающий в себя культурные особенности того или иного иностранного языка⁴⁶.

Данные приемы сочетаются в модели обучения переводу научных текстов на основе учета этимологической составляющей терминов. Практическим результатом такой модели видится сформированная этимологическая компетентность и переводческая компетентность учащихся.

В заключение необходимо признать, что, несмотря на существование целого ряда исследований, посвященных языкам для специальных целей (LSP) в целом и английскому для специальных целей (ESP) в частности, многочисленных работ в области теоретического и прикладного терминоведения и диссертационных исследований, посвященных юридической терминологии англоязычных стран, терминология уголовного права Англии и США является не до конца исследованной областью. Несмотря на рост интереса к терминологиям уголовного права, отсутствуют комплексные работы, в которых детально исследуется становление этих терминологий. Именно в силу этих причин в настоящей диссертации предпринимается попытка анализа основных процессов и особенностей, связанных со становлением и формированием английской терминосистемы уголовного права.

⁴⁶ Там же. С. 82-86

Комментарии к Главе 1

*¹Термин *правовая система* не равен термину *система права*.

*²Термин *правовая семья* (теория Р. Давида) равен термину *правовая система*.

*³Составы преступления – «в науке уголовного права совокупность установленных законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное действие (бездействие) как преступление. Состав преступления структурно состоит из четырех признаков (элементов): объекта преступления, объективной стороны преступления, субъекта преступления и субъективной стороны преступления. Отсутствие хотя бы одного из этих признаков свидетельствует об отсутствии в действиях лица состава преступления в целом и исключает уголовную ответственность⁴⁷.

*⁴*Уголовное преступление* – данное словосочетание является не совсем корректным с точки зрения нормы русского языка (а также логики уголовного права), поскольку преступлением может быть исключительно уголовно наказуемое деяние. Однако оно часто встречается в литературе при переводе с английского языка на русский. Корректными терминами в данном случае являются *преступление* или *уголовно наказуемое деяние*.

⁴⁷ Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М, 2001. – С.515

Выводы к Главе 1

Будучи одной из основополагающих регулирующих категорий, в настоящее время право все чаще становится объектом как юридических, так и междисциплинарных исследований. Одной из таких пограничных областей является юридическая лингвистика, которая занимается правовыми вопросами в языке и лингвистическими феноменами в рамках юриспруденции.

Романо-германская и англосаксонская правовые системы в значительной степени различаются, что неизбежно влияет на репрезентацию терминов этих систем в языках. Ввиду нарастающей глобализации и необходимости гармонизации права разных стран, все чаще возникает необходимость в сопоставлении и взаимообогащении терминосистем уголовного права англоязычных стран и России.

Исследуемые системы обладают национальными и культурными особенностями, что находит отражение в терминологической номинации (например, в появлении особых составов преступления, характерных только для английской системы).

Актуальность исследования проблематики юридической терминологии в целом и терминологии уголовного права в частности не вызывает сомнения: лишь за последние 15 лет в России и за рубежом были проведены многочисленные исследования в данной области. Практическая значимость работ, посвященных терминоведению и языкам для специальных целей, заключается как в оптимизации межъязыковой коммуникации, так и, в не меньшей степени, в оптимизации процесса отбора лексики для профессионального обучения и перевода.

В настоящее время исследователи говорят о сложившейся (в достаточной степени) терминосистеме уголовного права, поскольку исследуемый материал отвечает требованиям, предъявляемым системам терминов: она основана на развитой системе родовидовых отношений терминов; термины этой системы являются взаимозависимыми. Следует отметить, что, поскольку термины уголовного права достаточно многочисленны, речь идет о макротерминологии,

которая складывалась с древнейших времен до наших дней. Особенно активное развитие данной терминологии – ввиду криминализации многих деяний – приходится на последние десятилетия.

Глава 2. Становление английской терминологии уголовного права с древнейших времен до наших дней

§1. Становление английской терминологии уголовного права в древнейший период (V-X века)

Данная глава, в особенности параграфы 1 и 2, посвящены не столько специальному исследованию терминологии, сколько описанию процессов, сопутствовавших развитию терминологии в процессе становления английского языка. Такой подход к проблеме продиктован ориентацией на план синхронии, рассматриваемый детально в последующей главе, который, тем не менее, не является полным без хотя бы краткого экскурса в историю языка.

Теоретические обоснования данной главы, упомянутые исторические факты и выводы базируются на фундаментальных исследованиях таких ученых, как Е.В. Мельникова, Н.В. Ярцева, В.А. Иконникова, О.В. Авакова, Е.И. Сердюк, Т.А. Расторгуева, Albert C. Baugh и Thomas Cable, Steven Fanning, Daniel G. König, Patrick Wormald и Stephen Baxter, James B. McClure, Benjamin Thorpe, Stephen James Fitzjames, Alfred William, Brian Simpson, Erik Björkman, Jürg Schwyter, Barbara Yorke и других. Кроме того, рассматриваются такие исторические материалы, как «История англов» Генриха Хантингдонского, «Церковная история англов» Беды Достопочтенного, кодексы королей. Наконец, все примеры в параграфах 1 и 2 данной главы, которые иллюстрируют те или иные лингвистические закономерности древне- и среднеанглийского периода, взяты из словарей среднеанглийско-английского языка Мэйхью и Скита (*A Concise Dictionary of Middle English* by A. L. Mayhew and Walter W. Skeat) и англосаксонского словаря Босворта и Толлера (*Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary*).

Изучение явлений, способствовавших зарождению той или иной терминологии, зачастую несколько осложнено выбором точки отсчета в историческом континууме и определением условий, оказавших непосредственное влияние на ее становление.

Переселение основных древнегерманских племен на Британские острова произошло в V веке, поэтому видится логичным начинать рассмотрение англосаксонской правовой лексики именно с этого времени.

Завоевание Британских островов англосаксами послужило началом важнейшего периода в становлении Англии как государства. Завершение этого периода знаменует битва при Гастингсе в 1066 году, с которой начинает свой отсчет среднеанглийский язык. До англосаксонского завоевания территория Великобритании была населена в основном кельтами, а после V века территория современной Англии постепенно становилась все более «германской». Это происходило вследствие активного завоевания территории тремя основными племенами – ютами, англами и саксами. Следует помнить, что в этот период не было единой централизованной власти в Британии, следовательно, отсутствовала и **единая** терминология права, в частности уголовного права. Можно говорить лишь об отдельных (хотя и многочисленных) примерах правовой лексики.

Рассматривая этапы становления монархии в Англии, следует признать существование разных взглядов на их хронологические рамки, а также необходимость сопоставления периодов развития государства и права и общего языка. Наиболее удачной периодизацией для настоящего исследования видится теория В.А. Иконниковой. По ее утверждению, древнейший период развития права в Англии соответствует периоду раннефеодальной монархии (с V по XI века, со времени переселения англов, саксов и ютов на Британские острова до нормандского завоевания), а также захватывает небольшую часть периода вассально-сениоральной монархии, который обычно определяется рамками с X по XIII века⁴⁸. Данную теорию подтверждают также исследования Е.А. Мельниковой, которая отмечает, что период с середины V по середину IX века характеризовался постепенным распадом родоплеменного строя и формированием феодальных отношений в обществе. Отмечается, что скандинавское вторжение, отмеченное VIII веком, привело, с одной стороны, к

⁴⁸ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.8-9

замедлению феодализации общества, с другой – поспособствовало ускоренному объединению нескольких варварских королевств в английское государство⁴⁹.

Устройство раннефеодальной монархии в Англии позволяет в некоторой степени определить тенденции, оказывавшие влияние и на становление права. Так, в рассматриваемый период верховную роль в стране занимал король, который имел в распоряжении дружинников, которые «наводили порядок» на местах и способствовали усилению его власти. Значительную часть населения составляли кэрлы – свободные (до VII века) крестьяне, которые подчинялись знати – эрлам. Такая социальная иерархия способствовала активному развитию правовых отношений, которые охватывали различные сферы человеческой деятельности, чему имеются лингвистические свидетельства: *murðrum*, *scyldig*, *ælic*, *fah*⁵⁰ и многие другие.

К основным событиям рассматриваемого периода, оказавшим значительное влияние на становление британской монархии, британского права и английского языка, относится, во-первых, принятие христианства англосаксами в VI веке. Первые попытки превратить языческое население Британских островов в христиан датируются 597 годом. Этноним *англы* связывают с легендой, которая широко известна благодаря Беде Достопочтенному. Согласно этой легенде, будущий Григорий I Великий встретил на рыночной площади в Риме рабов, которых привезли с Британских островов и готовили к продаже. Будущий папа римский сравнил их с ангелами ('for they have an angelic face'). Спустя годы, когда он уже был папой римским, он поручил ответственную миссию по распространению христианства в Великобритании Августину. Спустя примерно 100 лет после прибытия Августина в Кент вся Англия уже приняла христианство⁵¹.

Принятие христианства закономерно привело к активному употреблению в стране латинского языка и значительному притоку латинской лексики. Значение

⁴⁹ Мельникова Е.В. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. – С. 7

⁵⁰ В этом разделе и последующих – все примеры взяты из словарей Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. – URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz/>, а также Middle English Dictionary. – URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/med/>

⁵¹ Baugh C. Albert, Cable Thomas, A History of the English Language, Fifth edition. – London: Pearson Education, 2002. – P.75-76

данного факта велико для становления и развития правовой лексики, поскольку она в этот период обогатилась за счет латинских заимствований*.

Следующим важным событием с точки зрения формирования государства и права является завершение образования семи первых английских королевств – Уэссекс, Эссекс, Сассекс, Восточная Англия, Мерсия, Кент и Нортумбрия, которые позднее Генрих Хантингдонский обозначит как *heptarchy* (*гептархия*) в *Historia Anglorum*⁵².

Данный факт имеет большое значение для становления правовой системы в Англии: во-первых, будучи независимыми областями, каждое из этих королевств разрабатывало свои собственные законы, что неизбежно находило отражение в терминологии. Во-вторых, региональные варианты языка зачастую проявлялись в отличном написании как слов общего языка, так и специальной лексики. Такое проявление центробежных тенденций (движение к объединению/*movement towards unity*^{53,54}) является в целом одной из наиболее примечательных особенностей английской терминологии права, поскольку именно они, сохраняя и передавая важнейшую историко-территориальную и культурно-правовую информацию, непосредственно способствуют развитию терминологий и терминосистем⁵⁵. Примечательно, что доминирующую роль в правотворчестве на федеральном уровне играла территория, заселенная ютами – Кент. Кроме того, именно в Кенте, в городе Кентербери, с древнейших времен жил архиепископ, являющийся и по сей день главным представителем английской (а с XII века – англиканской) церкви и церковного права (*canon law*).

Начавшиеся вскоре скандинавские набеги на территорию англосаксов привели в итоге к тому, что в IX веке король Альфред Великий (871-901) заключил стратегическое перемирие с датским королем Гутрумом (Уэдморский мир 878 года), в результате которого территория страны была поделена так, что

⁵² Henry of Huntingdon. *Henrici archidiaconi huntendunensis Historia Anglorum*. Edited by Arnold Thomas. – London, 1879. – 476 pp.

⁵³ Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XV века. Москва. 1985. – С. 18

⁵⁴ Blair P.H. *An introduction to Anglo-Saxon England*. 2nd Edition. Cambridge, 1979. – P.49

⁵⁵ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С. 103

восточная часть попала под управление Гутрума (Danelagh, область датского права), а западная часть осталась под юрисдикцией Альфреда. Примечательно, что датчане, во главе с Гутрумом, приняли христианство, что способствовало в некоторой степени взаимовлиянию как культуры, так и лексики англосаксов и датчан. Однако на этом их противостояние отнюдь не прекратилось, и последующие десятилетия были отмечены многочисленными сражениями, наиболее примечательным из которых является битва при Брунанбурге (937 г.), в которой победу одержали англосаксы. В 1014 году король Свен и его сын Кнут (Великий) заставили англосаксонского короля Этельреда бежать в изгнание. Скорая смерть Свена привела к тому, что Кнут стал королем Англии, которой и в последующую четверть века правили датские короли⁵⁶.

Одним из ключевых понятий того времени является *bretwalda* (варианты написания: *brytenwealda*, *brytenweald*, *bretanwealda*, *brytenwalda*). Как отмечает С. Фаннинг, первые свидетельства существования этого концепта, «правителя бритов», датируются VI веком. Территория, которой он правил, была вся территория современной Англии южнее реки Хамбер. Ему подчинялись и платили дань короли, кроме того, они были «военнообязанными» перед ним. Bretwalda имел решающее слово во всех делах церкви по всей Англии. В период с VI по IX века этим понятием обозначались 8 правителей: Эгберт, Элла II, Кевлин, Этельберт I, Редвальд, Эдвин, Освальд и Освиу. Знаменательно, что основные подтверждения существования этого понятия присутствуют в «Церковной истории англов» Беды, однако сам Беда это понятие ни разу не упоминает, как и не использует романское по сути понятие *император*, но использует *imperium* и под ним имеет в виду всю территорию, которой правил *bretwalda*. Не менее примечательно и то, что в «Англосаксонской хронике» под *bretwalda* упоминается только Эгберт⁵⁷. Некоторые исследователи приходят к выводу, что сама реальия *bretwalda* была взята из Византийской империи, наследие которой играло

⁵⁶ Baugh C. Albert, Cable Thomas, A History of the English Language, Fifth edition. – London: Pearson Education, 2002. – P.84-85

⁵⁷ Steven Fanning. Bede, Imperium and the Bretwaldas // Speculum, Vol.66, No. 1. – Pp.1-26

существенную роль для англосаксов, несмотря на то, что Римская империя уже давно прекратила свое существование^{58,59}.

В силу немногочисленности исторических свидетельств некоторые исследователи закономерно ставят под вопрос существование этого понятия и его важность⁶⁰ или же пытаются найти отличную от принятой трактовку *bretwalda*⁶¹.

Как отмечает О.В. Авакова, становление государства, феодализация общества и его социальное расслоение предопределили терминологию права⁶². Кроме того, по справедливому замечанию Е.И. Сердюк, лексика права концентрируется на конкретной личности, то есть частном лице как объекте и субъекте права, а термин права опирается на связь со словами, которые отображают социативные отношения⁶³.

Следует прояснить, что зачастую именно политические, территориальные и общекультурные особенности той или иной страны оказывают ключевое влияние на становления языка, а значит, и на становление тех или иных терминологий. Англия в данном случае не является исключением. Как видно из рассмотренных выше особенностей государственного строя, в древнеанглийский период становления языка в целом и лексики права в частности ярко проявлялись региональные отличия, обусловленные, в первую очередь, племенной раздробленностью, которая брала свое начало на континенте (что, впрочем, некоторыми исследователями ставится под сомнение⁶⁴), но при переселении на Британские острова стала сглаживаться.

При изучении английского уголовного права древнейших времен возникает ряд сложностей. Помимо уже указанной скудности письменных источников

⁵⁸Daniel G. König. Arabic-Islamic Views of the Latin West: Tracing the Emergence of Medieval Europe. Oxford, 2015. – Pp. 109, 277

⁵⁹Douglas Morton Dunlop. The British Isles According to Medieval Arabic Authors // Islamic Quarterly, 1957, Vol. 4. – Pp. 11-28

⁶⁰Patrick Wormald, Stephen Baxter. The Times of Bede: Studies in Early English Christian Society and its Historian. Wiley-Blackwell. Hoboken, 2006. – 310 p.

⁶¹James B. McClure. Overview of the Old and New Testament. Geelong, 2012. – 261 p;

Barbara Yorke. Reading the Anglo-Saxon Chronicle: Language, Literature, History. Brepols, 2010. – 344 p.

⁶²Авакова О.В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – С. 97

⁶³Сердюк Е.И. Наименования лиц в языке древнегерманского права. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – С. 93-94, 99

⁶⁴Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XV века. Москва. 1985. – С. 17

изучение английского уголовного права осложняется и другим фактором, а именно: и законы самых первых королей, и созданные позднее статуты подразумевают знание неписаного (то есть существующего только в устной форме) закона⁶⁵.

Во-вторых, общеизвестно, что в тот период англосаксы едва ли разграничивали уголовное и гражданское право⁶⁶. Тем не менее, для самих англосаксов (и в особенности для их правителей) уголовное право было вопросом первоочередной важности, в первую очередь потому, что разнообразные взимаемые штрафы за преступления приносили немалый доход в казну.

Один из исследователей английского права, Б. Торп, описывает в своей работе *Ancient Laws and Institutes of England*⁶⁷ 47 сборников законов, созданных за время правления 14 разных королей. Часть этих статутов являются собой сборники как светских, так и религиозных законов, что, в свою очередь, поднимает вопрос о разграничении понятия *crime* и *sin* (*преступление* и *грех*)⁶⁸. Так, к примеру, термин *disloyalty* (*измена королю, государственная измена*) обозначал не только преступление перед королем или государством, но и преступление перед богом. Объяснением этому служит тот факт, что король считался «избранным богом» и посему вред, нанесенный королю, был нанесен и «вышестоящему». Свидетельствами тесного переплетения закона и религии в Великобритании являются также отдельные единицы, используемые для обозначения особых *violations to clergy* (преступлений перед церковью) и ряд единиц, обозначающих религиозные преступления.

⁶⁵ Stephen James Fitzjames. A History of the Criminal Law of England. Volume 1. – London, 1883. – P.51. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/ahistorycrimina01unkngoog>

⁶⁶ Patrick Wormald. Papers Preparatory to The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century Volume II From God's Law to Common Law. – London, 2014. – P.99

⁶⁷ Thorpe Benjamin. Ancient laws and institutes of England: comprising laws enacted under the Anglo-Saxon kings from Æthelbirht to Cnut. – England, 1840. – 674 pp.

⁶⁸ Patrick Wormald. Papers Preparatory to The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century Volume II From God's Law to Common Law. – London, 2014. – P.99.

Что касается законов различных королей, правивших в рассматриваемый период, отмечается, что они в большой степени являются повторением уже известных ранее законов⁶⁹.

Историк права Дж. Стефен выделяет два подраздела в изучаемом им материале, согласно которым можно отследить становление английского уголовного права в древнейший период – ранняя классификация преступлений и уголовная процедура. Второй раздел включает в себя как первичное подобие системы судов, так и процесс доказывания вины.

К древнейшим преступлениям англосаксы относили следующие категории проступков:

1. Offences against the King and Lord: *sirwung* (сговор против короля или его жизни, сговор против бога); *mundbryce* (нарушение мира или безопасности короля); *forsewennes*, *oferhírness* (неуважение, презрение);

Эти преступления упоминаются в различных сборниках законов:

Be hláfordes *syrwunge*. Gif hwá embe cynincg oððe hláford *syrwie*... – Of *plotting against a lord*. If any man *plot against king or lord*... (Secular Laws of King Cnut);

On Centlande æt ðam *mundbryce* (for the offence), v. pund ðam cingce, and þreó ðam arcebiscope... (Ecclesiastical Laws of King Cnut);

Gif hwá bútan porte ceápige, ðonne sý hé cyninges *oferhýrnesse* scyldig... (Laws of King Edward).

2. Offences against public justice: *mānswaru* (лжесвидетельство);

Gif man mannan *mānswara* háteþ... (Laws of Hlothhære and Eadric)

3. Offences against religion and morals: *hæðenscipe* (язычество), *forhealdnes* (распущенность), *æwbryce* (прелюбодеяние), *tæghæted* (инцест), *cifesdóm* (блуд), *dêofol-gield* (поклонение дьяволу);

⁶⁹ Stephen James Fitzjames. A History of the Criminal Law of England. Volume 1. – London, 1883. – P.52. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/ahistorycrimina01unkngoog>

Wé, forbeóðað eornostlice ælcne *háðenscipe*. *Háðenscipe* biþ ðæt man ídola weorðige ðæt is ðæt man weorðige háðene godas and sunnan oððe mónan fýr oððe flód wæter-wyllas oððe stánas... – We earnestly forbid all *heathenism*: *heathenism* is to worship idols, that is to worship heathen gods, and sun or moon, fire or water, springs or stones... (Secular Laws of King Cnut);

Wið æghwylcne *æwbryce* – Against all kind of *adultery* (Ecclesiastical Laws of King Cnut);

4. Ecclesiastical offences: *beorðorcwealm* (осуществление аборта), *wiccecræft* (колдовство), *stredbreche* (нарушение общественного порядка);

Ne gýman gé galdra ne ídelra hwata ne wígelunga ne *wiccecræfta* (Wulfstan's Canon Law Collection);

5. Offences against the persons or individuals: *manslege/morðorslaga/ manncwealmness* (умышленное убийство), *wund* (ранение), *nīedhæmed* (изнасилование), *æthlýp* (нападение);

Gif þeóf brece mannes hús nihtes and hé weorðe ðær *ofslegen*, ne síe hé ná *mansleges* scyldig – If thief breaks into a man's house at night and he (thief) is therefore killed, a man is not to be found guilty of *manslaughter* (Extracts from Exodus, prefixed to Alfred's Laws);

Se ðe *æhlíp* gewyrce – Whoever commits an assault... (Laws of Athelstan);

6. Offences against property: *stælping*, *þeóf* (кража); *roberia* (грабёж), *foresteall* (вторжение, кража со взломом), *hámsócn* (нападение на человека в его доме), *húsbryce* (взлом), *bernet* (поджог), *gebrægd* (нарушение целостности жилья), *ofercræft* (мошенничество)⁷⁰.

Wé cwædon be *hámsócn*um se ðe hit ofer ðis dó ðæt hé þolige ealles ðæs ðe áge and sí on cyninges dóme hwæðer hé líf áge – We have ordained respecting 'ham-socns' that he who shall commit it after this forfeit all that he owns, and that it be in the king's judgment whether he have his life (Edmund's first code);

⁷⁰ Там же. P.56

Húsbyrce and bærnét ... is bótleás – Bootless is ... house-breaking and arson (Secular Laws of King Cnut).

Наиболее распространенными проступками в древнейшее время были преступления против собственности. Так, *hámsócn* обозначал “the earlier form of burglary”⁷¹; Под термином *ofercræft* подразумевается целый ряд преступлений: например, *peningslieht* – изготовление фальшивых денег.

За указанные преступления полагались разнообразные наказания, которые делились на штрафы и телесные наказания. Есть и примеры других мер: *erdwrecca* – высылка за пределы страны⁷². Физические меры включали в себя *gewitennis* (смертную казнь), *limlæw* (расчленение (или отсечение определенной части тела) и *geþersc* (публичную порку). Знаменательно, что тюремное заключение не применялось как форма наказания, а только лишь в случаях, когда было необходимо удостовериться, что подозреваемый не сбежит⁷³. Как отмечает Мельникова Е.А., еще древнейшие судебники боролись с бегством несвободных, что было наиболее распространенной формой социального протеста⁷⁴.

Штрафы в древнеанглийский период обозначались тремя разными понятиями: *wer*, *bot* и *wite*. Историк права Stephen определяет каждый из них: *wer* устанавливался как плата за жизнь человека в случае его убийства или ранения в зависимости от его социального положения. Если человека обвиняли в краже, он в некоторых случаях был обязан заплатить свой *wer* королю. Если его объявляли вне закона (‘outlawed’), его поручители (*borhs*) должны были оплатить эту сумму⁷⁵ *2.

Что касается *bot*, этот штраф выплачивался как компенсация пострадавшему от преступления. Ее размер мог быть *angild* (фиксированным) или конвертировался, например, в случае кражи, в рыночную стоимость *ceaf-gild* (украденных вещей или иного ущерба). *Wite* также можно назвать компенсацией,

⁷¹ Там же

⁷² Авакова О.В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – С. 105

⁷³ Stephen James Fitzjames. A History of the Criminal Law of England. Volume 1. – London, 1883. – P.52. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/ahistorycrimina01unkngoog>

⁷⁴ Мельникова Е.В. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. – С.9

⁷⁵ Там же

но платилась она королю или другому высокопоставленному представителю в зависимости от тяжести преступления. «Тарификация» обычно приводилась в сводах законов, к примеру, *Leges Henrici Primi*, *Judicia Civitatis Lundoniae*, *Æthelberht's code*, *Cnut's Oxford Code*, *Ine's Code* и других.

Преступления, совершенные неким лицом впервые, наказывались обязанностью выплатить определенный набор штрафов. Так, в законах Этельберта (560–616) упоминаются только компенсации за преступления, приводятся их «тарификация», к примеру: “[For violation of] the king’s protection, 50 shillings”⁷⁶. В ранних законах Уэссекса, авторство которых принадлежит королю Ину (ок. 690 г.), упоминалась, помимо прочего, кража и штраф за ее совершение: “If a thief is taken he shall die the death, or his life shall be redeemed by the payment of his wergeld”⁷⁷. Следует отметить, что уже в древнейший период развития права у англосаксов существовало понятие рецидивизма: при повторном совершении преступления штрафы уже не применялись, и рецидивист приговаривался к смертной казни. Кроме того, некоторые преступления карались сразу же смертной казнью или отсечением части тела⁷⁸.

Рассмотрение древнейших преступлений и их наказаний закономерно приводит к рассмотрению судебной процедуры. Исследователи отмечают, что в V-XI веках существовало две тенденции в уголовно-процессуальном праве. Первой тенденцией обычно обозначают *infangthief* (‘thief seized within’⁷⁹) – особые полномочия, которыми король Англии наделял наместников для наказания воров, пойманных на территории, входящей в их юрисдикцию. Кроме *infangthief*, также существовала политика *outfangthief* – полномочия судить вора на любой территории, где он был пойман, вне зависимости от его происхождения. Оба термина восходят к скандинавским правовым понятиям, которые были

⁷⁶ Early English Laws. *Æthelberht's code*. [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/texts/abt/view/#edition,1/commentary,1_0_c_7

⁷⁷ Simpson A.W.B. On the laws and customs of England: essays in honor of Samuel E. Thorne. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.law.harvard.edu/faculty/cdonahue/courses/lhsemelh/materials/Mats2D_2F.pdf

⁷⁸ Early English Laws. *Æthelberht's code*. [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/texts/abt/view/#edition,1/commentary,1_0_c_7

⁷⁹ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

заимствованы в английский язык в период Danelagh⁸⁰. Эти два «набора полномочий» наиболее близки к современному судопроизводству по *misdemeanour* (преступлениям небольшой тяжести) в отличие от *felony and treason* (тяжких преступлений), поскольку для вынесения решения не собирается суд присяжных.

Второй тенденцией, более варварской и примитивной, но также широко применявшейся, является *law of purgation and ordeal* (или *urtheil*, ср. совр.нем. *Urteil* – приговор), включавший в себя самые разнообразные жестокие пытки (раскаленным железом, водой, кипятком и другие). Следует отметить, что *infangthief* и *outfangthief* считаются первым шагом на пути к становлению системы права в Англии в ее современном, гуманном виде⁸¹. Взаимодействие и применение двух параллельно существовавших тенденций в древнем английском праве приводит исследователей к выводу об одной из важных особенностей уголовного права Англии того времени: наказание за преступление являлось зачастую индивидуальным решением и последующим действием пострадавшей стороны по отношению к преступнику, что Stephen и Schwyter вполне справедливо называют *private war*. Другие исследователи также вполне оправданно упоминают *fāh* (кровную месть), являющуюся одним из важнейших пережитков родового строя.

При этом необходимость мстить была неким социальным императивом – например, когда убийца или его родственники не могли выплатить вергельд («Законы Инэ», 74.1)⁸². Лишь позднее Вильгельм Завоеватель несколько «модифицировал» эту «индивидуальную войну», введя *ornest* (суд-поединок).

В завершение описания процедуры судопроизводства следует сказать и о существовавших в рассматриваемую эпоху видах судов. К ним относились Hundred Court (сотенные суды), Country Courts (суды графств), Courts of Franchises (непосредственно сотни). Кроме того, существовали township officers,

⁸⁰ Otto Jespersen. Growth and structure of the English language. London, 1935. – P.73

⁸¹ Stephen James Fitzjames. A History of the Criminal Law of England. Volume 1. – London, 1883. – P.59 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/ahistorycrimina01unkngoog>

⁸² Мельникова Е.В. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. – С.6-7

которых можно считать прототипом возникшей значительно позже полиции. Эти лица занимались регулировкой работы местных судов и назначались королем⁸³.

Итак, поскольку уже в древнейший период становления государственности и права в Англии предпринимались попытки регулировать правоотношения людей, в том числе и в области, которую сейчас называют уголовным правом, в английском языке присутствовали определенные понятия, которые являлись базой, на которой впоследствии, в средне- и новоанглийский период, строилась система терминов. В древнеанглийский период можно говорить лишь об отдельных лексических единицах, тем не менее, обладающих определенными лингвистическими особенностями, которые будут рассмотрены ниже.

Переходя к рассмотрению особенностей становления терминологии уголовного права в период ее зарождения, следует отметить несколько тенденций, которые были присущи английскому языку рассматриваемой эпохи в целом. Во-первых, древнеанглийский язык включал в себя ряд разных лексических слоев: протоиндоевропейского, общегерманского и собственно английского. При вполне понятном влиянии сначала латыни, а затем древнескандинавского, следует, тем не менее, помнить о том, что вопрос о значении заимствований в древнеанглийский период развития языка не до конца прояснен. С одной стороны, установлены вполне конкретные примеры слов, которые пришли из других языков – по мнению некоторых исследователей, их было порядка 600 – с другой, этими же исследователями признается, что древнеанглийский язык обладал значительными средствами для словообразования. “Old English was a typical Old Germanic language, with a purely Germanic vocabulary, and a few foreign borrowings”⁸⁴. При этом, что касается лексики права и понятий, обозначавших реалии социальной и административной систем территории датского права, совершенно очевидно, что скандинавские заимствования были не менее важными. Так, *law* является скандинавским словом (старонорв. *lǫg*, стародатский *logh*). Наряду с ним в древнеанглийский заимствовались понятия *mal* (действие закона), *botleas*

⁸³ http://www.bbc.co.uk/history/trail/conquest/wessex_kings/anglosaxon_law_05.shtml

⁸⁴ Rastorgueva T.A. A History of English. – М., 1983. – P. 50-51.

(неискупаемый), *hamsocn* (нападение на врага в его доме), *piþing* (преступник), *rape* (изнасилование), *rap* (грабёж), *sacleas* (невиновный) и другие^{85,86}. Юридическая терминология пережила принципиальные изменения после 1066 года, а большинство скандинавских слов были заменены терминами из французского или латыни⁸⁷.

Источниками древнеанглийской юридической лексики были, с одной стороны, единицы общего языка с оценочным значением, к примеру, *aful*, *pleoh*, *scyld*, *mán-áþ*, *forgyltan* и другие. Происходило сужение, специализация значения слова в общем языке, при этом изначальная оценочность не всегда сохранялась⁸⁸.

Уже в древнеанглийский период становления языка имели место морфологический, лексико-морфологический и синтаксический способы образования лексики.

Что касается морфологического способа словообразования, то самыми частотными были префиксация и суффиксация, а также префиксация и суффиксация одновременно: *forhealdnes* (распущенность), *oferetolnes* (чревоугодие), *bealusîð* (ранение, смерть). При этом у существительных суффиксация была более развита, чем префиксация, а у глаголов наблюдалось широкое разнообразие в употреблении приставок.

К наиболее употребляемым приставкам существительных относятся:

- *ofer-* – *ofercræft* (мошенничество), *oferdruncennes* (чрезмерное употребление алкоголя), *oferetolnes* (чревоугодие), *oferfundennes* (суд);
- *for(e)-* – *forhealdnes* (распущенность), *foresewennes* (неуважение), *foresteall* (нападение), *forespreca* (адвокат), *forbod* (запрет);
- *mis-* – *miswende* (опасное поведение), *misweorc* (протупок), *mishêrnes* (акт неповиновения), *misfeng* (проступок, грех), *misbyrd* (аборт);

⁸⁵ Erik Björkman, Scandinavian loanwords in Middle English. Halle, 1900. – P.12

⁸⁶ Otto Jespersen. Growth and structure of the English language. London, 1935. – P.71-73

⁸⁷ Baugh C. Albert, Cable Thomas, A History of the English Language, Fifth edition. – London: Pearson Education, 2002. – P.89-90

⁸⁸ Авакова О.В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – С. 99

- *un-* – *undæd* (проступок), *unrihtwisnes* (несправедливость), *undômt* (несправедливое решение), *unlagu*, *unriht*, *unsôðfæstnes* (несправедливость).

Также встречаются существительные с приставками *be-*: *beorðorcwelm* (аборт), *a-*: *âgylting* (вина, преступление), *âgyltnes* (вина).

Заслуживает отдельного рассмотрения префикс *ge-*: *gestala* (соучастник кражи), *gefa* (враг), *gewita*, *geweorhta* (соучастник). По классификации, предложенной Е.С. Кубряковой, эти слова относятся к *ge-compositum* модели IV⁸⁹. Как отмечает Е.И. Сердюк, термины отмечают социативное значение, в данном случае – соучастие в преступлении⁹⁰.

Среди наиболее распространенных суффиксов существительных выделяются следующие подгруппы:

Виды преступлений, абстрактные понятия:

- *-ung* – *sirwung* (сговор), *myrðrung* (убийство), *æswicung* (предательство), *swîcung*, *forscearung* (преступление);
- *-ing* – *stælding* (кража), *nîðing* (отвержение, изгнание), *âgylting* (вина), *tôtihting* (расследование), *crafig* (притязание, иск);
- *-nes/-neas* – *forhealdnes* (распущенность), *oferhîernes* (халатность, пренебрежение), *foresewennes* (неуважение), *rihtwîsnes* (законность), *unsôðfæstnes* (несправедливость);
- *-scip(e)* – *hæðenscip* (язычество), *dernegelegerscipe* (нелюбодееяние), *glêawscipe*, *nîðscipe* (доказательство), *wrôhtscipe* (преступление);
- *-dom* – *cifesdom* (блуд), *dryhtdôm* (суд знати), *hæftedôm* (неволя), *hæðendôm* (язычество), *undôm* (несправедливость), *swicdôm* (мошенничество);
- *-ð* – *bealusîð* (ранение, смерть), *thefð* (кража), *bealunîð* (преступный умысел);

Обозначающие людей-участников процесса правосудия:

⁸⁹ Кубрякова Е. С. Именное словообразование в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков. М., 1963. – С. 70-73

⁹⁰ Сердюк Е.И. Наименования лиц в языке древнегерманского права. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – С. 132-138

- -end – cwellend (убийца), andfengend (защитник), âspyrgend (следователь), æswicend (преступник), swícend (предатель), hearmcweðend (клеветник);
- -ling – ræpling, hæftling (заключенный), feohtling (борец);
- -ere – cwellere (убийца), flæsctâwere, flæscwellere (палач), rýpere (грабитель), sætere (соблазнитель), strûdere (вор).

Последние три суффикса, -end, -ling, -ere, как правило, образовывали отглагольные существительные.

К распространенным приставкам прилагательных относится в первую очередь un- – unriht (несправедливость), unsôð (ложь), unscildig (невиновный).

К наиболее распространенным суффиксам прилагательных того периода относятся:

- -lêas – dingleâs (невиновный), ârlêas (преступный), bealulêas, bismêrlêas (невиновный), borhlêas (без клятвы), lâðlêas (незаконный), leahtorlêas (невиновный);
- -ful – bismêrful, scyldful, tællful (виновный), nîðful (преступный);
- -ig – frumdysig (первое (преступление)), æscræftig (соблюдающий закон), morðorscyldig (виновный в убийстве), dêaðscyldig (виновный в смерти), efenscyldig (одинаково виновные);
- -lic – lahlic, æwfæstlic, æwlic, âlîefedlic (законный), domlic (правовой);
- -en – forligeren (вступивший во внебрачную связь), æwfæsten (законный), æfterboren (посмертный), cîfesboren (незаконнорожденный);

Также встречаются прилагательные с суффиксом -cund: yfelcund, dêofolcund (дьявольский).

Помимо существительных и прилагательных, лексика уголовного права была представлена некоторым количеством глаголов. При этом глаголы часто образовывались при помощи приставок, которые изменяли значение глагола, к которому добавлялись:

- mis- – mistrîwan (подозревать), miswendan, miswenian (злоупотреблять), miswissian (вводить в заблуждение), misbeodan (причинять вред);

- *be-* – *beclypian* (обвинять, заявлять), *bebeorgan* (защищать), *befêon* (лишать собственности), *befician* (предавать);
- *a-* – *âdêman* (судить), *âderian* (причинять ущерб), *âbædan* (осквернять), *âbannan* (вызывать для дачи показаний), *âbrêotan* (убивать);
- *for(e)-* – *forebêtan* (вносить незаконные поправки), *fordêman* (приговорить), *foresacan* (запрещать), *forflêon* (сбегать);
- *on-* – *ongietan* (судить), *oncwealdan* (убивать), *onbestælan* (обвинять в преступлении), *onsprecan* (обвинять);
- *un-* – *ungeressan* (снимать с себя обвинение), *unsôðian* (фальсифицировать), *untrêowsian* (обманывать);
- *ge-* – *gedeman* (судить), *geehtan* (домогаться), *gescierran* (выносить судебное решение), *geteohhian* (судить).

Приставка *ge-* в случае глаголов выступала в первую очередь как формообразовательная и часто использовалась для формы причастия прошедшего времени (ср. совр. нем.: *stehlen* – *stahl* – *gestohlen* – *украсть*).

Помимо аффиксации, в древнеанглийском было широко распространено словосложение, то есть лексико-морфологический способ образования лексики. Среди продуктивных корней в исследуемой лексике часто встречаются такие, как:

Корни существительных с абстрактным значением:

- *-cræft-* – *ofercræft* (мошенничество), *déofolcræft*, *wicsecræft* (колдовство), *morðorcræft* (убийство);
- *-weorc-* – *mânweorc* (преступление), *firenweorc* (грех), *banweorc* (убийство), *lâðweorc* (злодеяние), *morðweorc* (убийство), *nîðgeweorc* (злодеяние);
- *-fang-* – *feohfang* (получение взятки), *healsfang* (штраф вместо смертной казни), *forfang* (конфискация имущества);
- *-bryce-* – *tunðbryce* (нарушение законов о защите), *wedbryce* (предательство), *æwbryce* (нарушение клятв), *âðbryce* (лжесвидетельство), *burgbryce* (проникновение в жилище), *grîðbryce* (нарушение мира), *hûsbryce* (проникновение в жилище);

Корни прилагательных:

- -scyldig- – *morðorscyldig* (виновный в убийстве), *dēaðscyldig* (приговоренный к смерти), *efenscyldig* (одинаково виновный), *feorhscyldig* (виновный в смерти), *healfscyldig* (частично виновный), *mānscyldig* (преступный), *synscyldig* (виновный), *twiscyldig* (подлежащий двойному наказанию);
- -wyrðe- – *unleahtorwyrðe* (невиновный), *bôtwyrðe* (неискупаемое (деяние)), *rihtwyrðe* (законный).

Что касается синтаксического способа словообразования, наиболее широко были представлены в древнеанглийский период модели:

- Прилагательное+существительное: *swicollic dæd* (мошенническое действие), *unriht wítning* (незаконное наказание), *unrihte gemeta* (неверные измерения), *woge gewihta* (обвешивание);
- Глагол+существительное: *killen dryhten* (убить господина), *stelan scipen* (похитить ском), *breótan hergas* (уничтожить идолы), *underfón dædbóte* (приговорить к смертной казни), *frið niman* (вернуть права ранее их лишенному).

А также:

- Существительное_{pos}+существительное: *cyninges mundbryche* (нарушение мира короля), *ceorles mundryce* (нарушение мира мирянина), где *pos* – посессивность, выраженная -(e)s^{*3}.

Словосочетания были не слишком распространены в силу агглютинативной природы древнеанглийского языка, иными словами, из-за тенденции образовывать многокорневые монологемные образования.

Высокая степень развития словообразования (и в частности словосложения) привели к значительному количеству проявлений вариантности в лексике уголовного права. Как отмечает О.В. Авакова, существует два типа вариантности: внутри- и межсловная. Первый тип допускает существование нескольких морфологических или фонетических вариантов слова⁹¹. Среди выделенных исследователем подгрупп такой вариантности терминов уголовного права

⁹¹ Там же. С. 111

встречаются четыре, проиллюстрированных на примере терминов, обозначающих убийство:

1. Композитивные терминологические варианты: *morðorslege* – *morðorcræft* – *morðorhete*;
2. Фонетические термины-варианты: *slege* – *slaga*;
3. Аффиксальные термины-варианты: *becwellan* – *cwellan* – *âcwellan* – *gecwellan*;
4. Композитивно-суффиксальные варианты-термины: *morðor* – *morðdæd* – *morður* – *morðweorc*.

Кроме того, лексемы, обозначающие *убийство*, настолько разнообразны, что иллюстрируют и межсловную вариантность: *morðor* – *slege* – *cwalu* – *bana*. Среди иных примеров – единицы, обозначающие *вину*: *gylt* – *scyld* – *synnignes* – *geeofot* – *mân*.

Вариативные отношения между лексемами закономерно приводят к рассмотрению вопроса о синонимических рядах.

Весьма многочисленны единицы, выражающие понятие *невиновный*: *leahtorlêas*, *scyldlêas*, *synlêas*, *unleahtorwyrðe*, *unsynnig*, *unsynnum*, *unbealaful*, *unscyldig*. Кроме того, как уже говорилось выше, понятие *убийство* выражалось большим количеством синонимов, среди которых *cwelu*, *bana*, *murthrum*, *morðorslege*, *myrðrung*, *slege*, *slieht*, *banweorc*, *cwalu*, *morðorsleht*, *morðorcræft*, *morðorhete*, *morðorslaga*, *morður*, *morðweorc*.

Отдельного рассмотрения заслуживает *кража*. Еще в древнеанглийском периоде существовали различные понятия для обозначения *кражи*, *похищения*, содержащие лексемы *þeof-*, *stæl-* и *reaf-*. С первой лексемой в древнеанглийском связаны такие единицы, как *þeofian* (*украсть*), *þeofð* (*кража*), *þeof* (*вор*). Сама лексема *þeof-* восходит к протоиндоевропейскому **theubaz* (ср. совр. нем. *Dieb* – *вор*). От лексемы *stæl-* образован глагол *stelan* (4 класс сильных глаголов, формы прошедшего времени и второго причастия *stæl* и *stolen* соответственно). Лексема восходит к протоиндоевропейской форме **stel-* (ср. совр. нем. *stehlen* – *красть*).

Знаменательно, что лексема также связана с глаголом *stalk* (древнеанглийск. *stealcian, bestalcian*).

Несмотря на то, что в древнеанглийском существовали глагольные формы, образованные от *þeof-* (*theofian, getheofian*), а также неглагольные формы от *stæl-* (*gestala, stalu*), исследование корпуса древнеанглийских текстов показало, что в древнеанглийском *þeof-* образует существительные, в то время как *stæl-* – глаголы. Исследователь Schwyter выдвигает предположение, что по этой же причине в современном английском существует глагол *steal*, а существительные *вор(ы)* и *кража* будут обозначены *thief/thieves* и *theft*. Кроме того, он приводит примеры различных видов воров: *gold-theof, stod-theof, beo-theof, mann-theof* и другие⁹². Относительно лексемы *reaf-* отмечается, что, в то время как в *þeof-* присутствовало значение скрытности, секретности, *reafian* обозначало *украсть открыто*.

Семантические особенности древнеанглийской лексики уголовного права включают в себя проявления антонимии. Уже в древнеанглийском она была двух типов – семантической и морфологической. К антонимам первого типа относятся единицы, выраженные различными лексемами: *clæclêas – hearm, lâðlêas – scyldig*.

Морфологическая антонимия выражается при помощи приставок и суффиксов, изменяющих значение слова на обратное: *scyldig – unscyldig* (*виновный – невиновный*), *aliefedlic – unaliefedlic* (*законный – незаконный*), *scyldig – scyldlêas, tællêas – tællful* (*виновный – невиновный*), *bôtwyrðe – bôtlêas* (*искупаемое – не искупаемое (деяние)*).

Согласно классификации Л.А. Новикова⁹³, антонимы могут быть контрастными, контрадикторными и конверсионными, однако в древнеанглийской лексике уголовного права представлены лишь контрастные (называющие противоположные признаки одинаковой степени выраженности): *scyldig – unscyldig, aliefedlic – unaliefedlic* (*законный – незаконный*), *scyldig – scyldlêas, a*

⁹² Schwyter R. Jürg. Old English Legal Language: The lexical field of theft. – Odense, 1996. – 197 pp.

⁹³ Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. – М, 1973. – 290 с.

также конверсионные, то есть выражающие свойства, направленные противоположно: *riht – wrang*, *wôh – ælic*, *fah – lâðlêas*⁹⁴.

Еще одним проявлением особенностей семантики древнеанглийских правовых понятий является полисемия. Ниже приведены примеры многозначных лексем (с дефинициями на современном английском из *Concise Anglo-Saxon Dictionary*⁹⁴):

Stalu I – stealing, robbery, theft, stolen article;

Stalu II – fine for stealing;

Burgbryce I – breaking into a (fortified) dwelling;

Burgbryce II – penalty for that offence;

Griðbryce I – breach of grið (peace);

Griðbryce II – penalty for a breach of grið;

Mundbryce I – breach of the laws of protection or guardianship;

Mundbryce II – fine for the breach of such laws;

Flîeman-feorm I – offence of sheltering fugitives from justice;

Flîeman-feorm II – fine for sheltering fugitives from justice;

Æfwyrdla I – injury, damage, loss;

Æfwyrdla II – fine for injury or loss;

Oferhîernes I – neglect, disobedience;

Oferhîernes II – fine for transgression of law or legal orders.

Следует отметить, что очевидна одна из особенностей изучаемой лексики, а именно, полисемия единиц, связанных с преступлением (*термин I*) и наказанием

⁹⁴ Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary Clark Hall R. John. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz/>

за него (*термин II*). Подобное явление возникло, предположительно, в целях лингвистической экономии.

Среди лексических единиц, которые обозначали как преступление, так и наказание за него, выделяются *foresteall* и *hâmsôcn*, обладавшие тремя значениями:

Foresteall I – intervention, hindrance (of justice);

Foresteall II – ambush, assault, offence of waylaying on the highway;

Foresteall III – fine for such an offence;

Hâmsôcn I – offence of attacking a man in his own house;

Hâmsôcn II – the franchise of holding pleas of this offence and receiving the penalties for it;

Hâmsôcn III – the penalty itself.

Помимо многозначных единиц, значения которых связаны с одним и тем же преступлением, в древнеанглийской лексике права присутствовали также и единицы, которые обозначали два разных наказания за разные правонарушения или преступления:

Feohtwîte I – penalty for fighting;

Feohtwîte II – fine for coining false money.

Кроме того, существовали многозначные единицы, которые обозначали как само преступление, так и совершившего его преступника:

Ðêof I – criminal, thief, robber;

Ðêof II – theft.

Заслуживает также внимания единица *sôcn*, которая обладала четырьмя разными значениями:

Sôcn I – seeking, question, inquiry, case, cause;

Sôcn II – attack;

Sôcn III – the exercise of judicial power, jurisdiction, right of inquisition, right of taking fines, revenue;

Sôcn IV – district in which a *sôcn* (III) was exercised.

Однако, следует отметить, что в целом полисемия не была широко распространена в древнеанглийской лексике уголовного права. Лишь приблизительно 20% от общего числа лексических единиц обладали более чем одним значением.

К особенностям правовой лексики древнеанглийского периода, выражающихся на уровне содержания, также относится существование различных семантических групп:

1. Прототермины^{*5}, обозначающие преступления, нарушения: *iermðu* (клевета), *morðor* (убийство), *wrôhtdropa* (кровопролитие), *cwalu* (убийство), *husbryce* (кража со взломом);
2. Прототермины, обозначающие преступника: *ðeof* (кража), *beréafigend* (грабитель), *utlah* (нарушитель), *sceaða* (грабитель, пират), *æswica* (предатель);
3. Прототермины, обозначающие участников судебного процесса: *witnes* (свидетель), *forespesa* (адвокат), *onspеса* (истец), *dêta* (судья);
4. Прототермины, означающие наказания, штрафы: *bot*, *wîte*, *wergild*, *behêafodlic* (смертная казнь), *healsfang* (штраф, являющийся заменой для смертной казни), *hearmscearu* (наказание), *ðeofwраси* (наказание за кражу), *feohwite* (штраф за изготовление фальшивых монет).

Что касается обозначения людей, участвующих в процедуре суда, отмечается, что все функции выполнял один человек: “the avenger is accuser, witness, judge, and executioner in one”⁹⁵.

В контексте исследования терминов заслуживает внимания также вопрос подвижности семантики. При сравнении и сопоставлении прототерминов древнеанглийского периода с терминами, которые существуют в уголовном праве сегодня, следует выделить несколько групп единиц в зависимости от их судьбы:

1. Единицы, которые потеряли пейоративную коннотацию. Чаще всего причиной служила декриминализация действия, иначе говоря, потеря

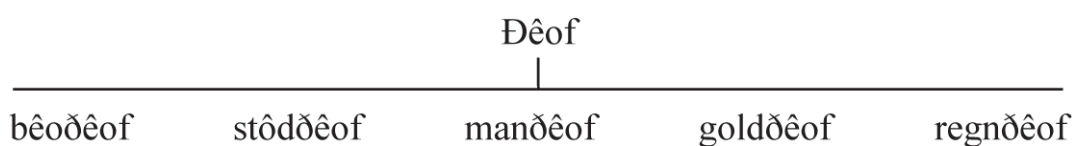
⁹⁵ Jenks E. A short history of English law: from the end of the year 1919, Third Edition. – London, 1924. –P.60. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/shorthistoryofen00jenk>

состава преступления. Именно к этой группе будут относиться многочисленные лексические единицы, обозначающие религиозные преступления: *wiccecræft* (колдовство), *oferetolnes* (переедание), *oferdruncennes* (чрезмерное употребление спиртного), *ettulnes* (жадность), *flêamlâst* (вероотступничество), *dwola* (ересь), *hierwing* (богохульство). Из нерелигиозных нарушений стоит отметить *âðbryce* (нарушение клятвы), *unrihte gemeta ond woge gewihta* (обвешивание – в торговле), *æwbryce* (измена), и другие;

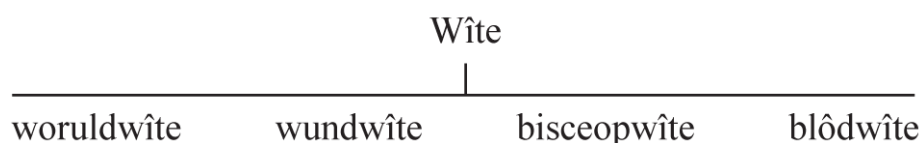
2. Единицы, которые изменили план содержания или план выражения. Так, *hlâfordsearu* (тризон) стало *treason* (государственная измена) и *espionage* (шпионаж)*⁶. *Efentêam* (сговор) позднее стало словом общего языка, а вместо него сегодня употребляется термин *conspiracy*. Единицы данного типа будут подробнее разобраны в следующем параграфе (среднеанглийский период);
3. Единицы, которые сохранили свое первоначальное значение и незначительно изменили план выражения. К ним относятся *mordur* (умышленное убийство), *manslieht* (непредумышленное убийство, убийство по неосторожности), *stalung* (кража).

В результате рассмотрения различных структурных, семантических и функциональных особенностей древнеанглийской лексики уголовного права можно сделать вывод, что начинают проявляться эпизодические системные признаки, а именно: зарождаются антонимические отношения, наблюдаются повторяющиеся модели образования лексики, выделяются наиболее частотные словообразовательные аффиксы.

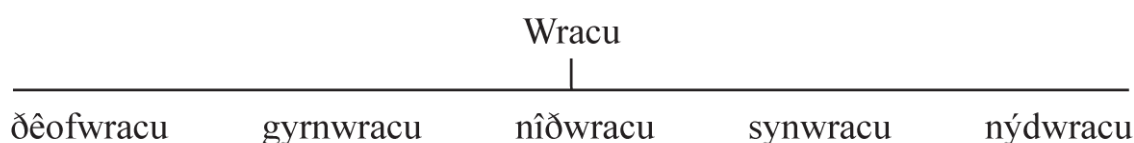
Закономерно возникает вопрос о реализации родовидовых отношений, примеры которых также можно обнаружить:

Прототермин *ðeof* (кража) является родовым для прототерминов, обозначающих разные типы воров в зависимости от предмета кражи или способа кражи – пчел, человека, золота, лошадей, открытой кражи.

Прототермин *wîte* является родовым для единиц, обозначающих разные виды наказаний в зависимости от их типа и лица, которому компенсируют ущерб – штраф, за ранение, платимый епископу, «кровь за кровь» (кровная месть).

Wracu является родовым для единиц, обозначающих наказание за определенные преступления и степень серьезности наказания – за кражу, телесные повреждения, грехи, жестокое наказание.

Таким образом, отдельные проявления системной природы в лексике уголовного права имели место в древнеанглийский период становления языка, с V по X века, что позволяет говорить о том, что пейоративная лексика, не будучи изначально выстроенной в терминологию, с самого начала своего становления, стремилась к системной природе.

В силу ограниченного количества доступных исторических свидетельств, удастся сделать лишь отдельные выводы о системе права и об особенностях ее лингвистического представления в данный период. Тем не менее, установлено достоверно, что уже в древнейший период у англосаксов существовали понятия *преступления, наказания* и других важных правовых категорий, которые находили выражение в языке. При этом наиболее распространенными способами образования специальной лексики в данный период являлись, во-первых, сужение или спецификация значения лексики общего языка (что позже стало называться терминологизацией), которая сопровождалась частичной или полной потерей первичного оценочного компонента, во-вторых, аффиксация, причем

суффиксация была более присуща образованию существительных и прилагательных, а префиксация в основном была присуща глаголам. Так, исследование показало, что у существительных было 7 повторяющихся приставок и 9 суффиксов; у прилагательных – 1 наиболее распространенная приставка и 5 суффиксов; у глаголов – 7 приставок. В процессе образования словосочетаний выявлены повторяющиеся структурные модели: *прилагательное+существительное*, *существительное_{pos}+существительное* и *глагол+существительное*, однако чаще сложные понятия состояли из двух и более корней, который «складывались» вместе. Среди таких корней в ходе исследования было выделено 6 наиболее частотных в контексте уголовного права.

Большинство (порядка 90%) единиц в древнеанглийском периоде были моноксемными.

Лексика уголовного права в древнеанглийский период демонстрировала различную степень вариативности, причем как внутрисловной, так и межсловной. Среди вариантов первого типа встречаются примеры как фонетической, так и структурной вариантности (композитивные терминологические, аффиксальные и композитивно-суффиксальные варианты).

Явление межсловной вариантности тесно связано с синонимией. В отдельных случаях лексические единицы могли образовывать цепочки синонимов, насчитывающие свыше 10 единиц. Средняя длина синонимической цепочки – 3 звена. Вследствие того, что наиболее распространенными преступлениями у англосаксов были *убийство* и *кража*, именно эти два понятия выражались при помощи наибольшего разнообразия лексем, а также наибольшим количеством синонимов (*убийство* – свыше 15 синонимов).

Древнеанглийская лексика уголовного права характеризовалась отношениями антонимии, которая, с одной стороны, могла проявляться семантически (30%) и морфологически (70% случаев), с другой, выражаться в виде контрарных и конверсионных отношений. Примеры таких отношений немногочисленны, однако позволяют вновь повторить тезис о начавшемся процессе систематизации лексики уголовного права.

Многозначная лексика также присутствовала в древнеанглийском, однако свыше 80% понятий все же являлись моносемичными. Многозначная лексика имела в среднем 2 значения, но иногда и 3 или 4 значения, которые были связаны ядерным понятием.

Семантические особенности лексики данного периода включали в себя возможность выделить определенные тематические группы, объединенные разными ядерными понятиями. Таких групп было выделено четыре: *преступление, совершившее преступление лицо, наказание за преступление и участники процесса осуществления правосудия.*

Что касается семантической деривации в правовой лексике, в ходе исследования было выделено 3 группы единиц: прототермины, которые появились в древнейший период становления терминологии, сохранили свое значение и незначительно изменили план выражения в силу различных языковых реформ и других процессов. К ним относятся основные тяжкие преступления, *убийство* и *кража*. Кроме того, установлены прототермины, которые сохранили план выражения, но изменили план содержания, а также выявлены случаи полной детерминологизации понятий, и, следовательно, исчезновение прототерминов, то есть их переход в слова общего языка.

Рассмотренные выше особенности словообразования, а также структурные, семантические и системные характеристики правовой лексики дают представление о начальном этапе становления английской терминологии уголовного права. Превращение этой правовой лексики в собственно термины и складывание терминологической системы уголовного права произойдет позже – в среднеанглийский и новоанглийский периоды.

§2. Становление английской терминологии уголовного права в среднеанглийский период (XI-XIV века)

Среднеанглийский период охватывает промежуток с XI по конец XIV века. В этот период все английские правители, от Гарольда II, погибшего в битве при Гастингсе, до Ричарда II (1377-1399), принадлежали к династии Плантагенетов, причем конец эпохи совпал с концом правления этой же династии – в 1399 году правителем стал Генрих IX Болингброк⁹⁶. Это время становления общего права в Англии (1066-1485⁹⁷). По классификации В.А. Иконниковой, данный период совпадает с периодом вассально-сениоральной монархии (X-XIII века) и частично – с периодом сословнопредставительной монархии (XIII-XIV века⁹⁸).

Нормандское завоевание Англии в 1066 году Вильгельмом, как отмечают А.И. Смирницкий и Н.В. Ярцева, было событием, после которого наступает период билингвизма, при этом французский язык считается языком феодальной знати, а остальное население пользуется английским. По прошествии времени французский язык перестает употребляться в быту, но продолжает считаться языком высшего света, двора, церкви и суда. Английский язык считается деревенским (uplandish) и грубым (rude)^{99, 100}. Таким положение дел останется в стране на протяжении нескольких веков, а событием, ознаменовавшим конец среднеанглийского периода, можно назвать принятие Chancery Standards (1470-е годы) – единого стандарта английского языка для всей Великобритании, который основывался в первую очередь на норме лондонского диалекта¹⁰¹.

Как отмечают исследователи, в среднеанглийский период и в период становления общего права наблюдаются как центробежные, так и центростремительные тенденции. Под центробежными понимаются в данном случае, во-первых, особенности локальных правовых обычаев феодального права,

⁹⁶ British Royal Family History. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.britroyals.com/rulers.htm>

⁹⁷ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С.12

⁹⁸ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.8-9

⁹⁹ Смирницкий А. И. Лекции по истории английского языка. – М.: Добросвет, КДУ, 2011. – С.19-20

¹⁰⁰ Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.; Ленинград, 1960. – С.112

¹⁰¹ McColl Miller Robert. English Historical Sociolinguistics. – Edinburgh University Press, 2012. – P.53

во-вторых, многоязычие и диалекты разных регионов. Под центристскими имеется в виду в первую очередь, попытка создания common law («общего» права) Генрихом II¹⁰². Понятие «общее» означает в данном случае создание единого свода законов для всех территорий, на которых ранее действовало обычное (основанное на обычаях) право.

После нормандского завоевания 1066 года Англия была поделена на fiefs (феоды). Несмотря на то, что Вильгельм правил всей страной, его положение было нестабильным, поскольку на местах управляли вассалы, наделенные определенной властью. Поэтому попытки короля централизовать правовую систему королевства через создание в Вестминстере Royal Courts of Justice (Королевских судов) встретили яростное сопротивление наместников. По этой причине первые Королевские суды рассматривали только те дела, которые попадали под юрисдикцию короля. С усилением королевской власти на местах все большее количество разнообразных дел передавалось для рассмотрения в эти суды. Для рассмотрения дела необходимо было составить заявление на имя King's Chancellor (лорд-канцлера) или же royal judges (королевских судей). Если лорд-канцлер подтверждал, что дело входит в компетенцию короля и истец прав в своем заявлении, то он писал документ на имя короля и адресовал его местному шерифу. Такой документ назывался writ/zewrit, лат. breve (королевским предписанием). Если ответчик был категорически не согласен с требованиями истца, истец получал возможность более детального рассмотрения и слушания дела в Courts of Westminster (Судах Вестминстера). Позднее, параллельно с развитием этой процедуры, юристы стали классифицировать дела, по которым могло быть выдано предписание. Так начало зарождаться английское прецедентное право, которое в значительной степени отличается от права других стран.

Следует еще раз отметить влияние Римского права на английскую правовую систему. До среднеанглийского периода у англосаксов не существовало

¹⁰² Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.200

единой системы правосудия, в то время как у римлян эта система существовала и была в достаточной степени развита. Необходимость регуляции определенных правовых отношений приводила к заимствованию как самой правовой реалии, так и ее языкового выражения.

Поскольку важнейшую роль в древний период становления права играли своды законов, следует отметить, что одним из важнейших документов XI-XIV веков был *Leges Henrici Primi* (Законы Генриха I), датированный 1115 годом. Сборник содержит описания современных Генриху законов, избранные правовые документы эпохи до 1066 г. и другие материалы¹⁰³. Несмотря на свою основательность, этот свод законов нельзя назвать исчерпывающим, и тем более неверным было бы считать его кодексом, составленным Генрихом I. Наиболее близким описанием следует считать компиляцию действовавших во время его правления разнообразных законов, собранных воедино (по аналогии с публикуемыми сегодня в США сборниками судебных решений и законов штатов). Наиболее важными фактами для становления уголовного права Англии, связанными с этим сводом, является выделение так называемых *royal pleas*, или *pleas of the crown*, которые включали в себя наиболее тяжкие преступления: *treason, murder, robbery, arson, rape* и *theft*¹⁰⁴.

Следующим важнейшим документом эпохи является *Magna Carta* – Великая Хартия Вольностей, принятая в 1215 году при Иоанне Безземельном. Ограничивая власть короля и регулируя ее при помощи избранных 25 баронов, документ имел решающее значение для уголовного правосудия: статья 24 запрещала шерифам принимать решения по тяжбам короны. К концу XII века королевские суды обладали исключительной юрисдикцией всем тяжким преступлениям¹⁰⁵.

Система общего права развивалась благодаря постепенной консолидации различных видов судебных исков, которые определяли, как именно нужно

¹⁰³ *Leges Henrici Primi*. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ibdp-history-medieval.wikispaces.com/Leges+Henrici+Primi>

¹⁰⁴ Huscroft Richard. *Ruling England, 1042-1217*. – Pearson Education, 2005. – P.113-114

¹⁰⁵ Авакова О.В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – С. 122

подавать заявление по определенному делу и какое именно следствие должно иметь место в данном случае. Первоначально было необходимо определить, к какому типу исков относится то или иное дело, а затем к нему применялась специфическая процедура, как и в других подобных ему случаях. Последовательность действий могла значительно различаться как в судебной системе, так и в процедуре дознания. Так постепенно развивалась система прецедентного, или общего английского права – через накопление различного рода прецедентов, решения по которым могли быть использованы в вынесении решений по аналогичным делам.

Следует отметить, что система общего права действует и по сей день в современной Великобритании и бывших английских колониях. Тем не менее, система претерпевала и претерпевает определенные изменения и адаптацию к современным условиям и продолжает развиваться по сей день, одновременно сохраняя свою исконную структуру и подстраиваясь под современные реалии. Наряду с системой common law в Средние века в Англии также развивается equity law – право справедливости, а также продолжает существовать доктрина canon law – церковного права. Все три доктрины существовали бок о бок до конца XIX века¹⁰⁶.

Нормандское завоевание также способствовало активному переселению значительного числа франкофонных представителей знати. Большинство тех, кто прибыл в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем, были из Нормандии. Но, несмотря на то, что французский был их основным языком, он еще не имел статуса языка права в Англии. В свою очередь, английский язык, который ранее использовался при решении юридических вопросов, уступил место латыни. Причиной этому послужило то, что представителям знати было привычнее использовать именно латинский язык при решении проблем правового характера. Таким образом, в XI-XII веках, в период формирования системы общего права, языком юридических документов в Англии был латинский. После 1066 года

¹⁰⁶ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С. 213

англосаксонские законы переводились на латинский, затем на французский язык¹⁰⁷. Все это приводило к достаточно заметным изменениям в лексическом составе сферы права.

В целом вопрос о подвижности лексики заслуживает отдельного рассмотрения. Лексика уголовного права, в зависимости от степени своей фиксированности/подвижности делится на следующие 5 групп:

0 («нулевая» степень подвижности) – термины *theft, stealing* остались в языке, а вновь появившиеся *larceny, burglary, robbery* не заменили их¹⁰⁸.

Причинами фиксированности данной группы могут быть как лингвистические (принцип экономии, нет необходимости вводить термин *larceny*, если *theft* описывает в достаточной степени рассматриваемое явление), так и экстралингвистические – понятия отображали разные аспекты рассматриваемого объекта (так, *burglary, robbery* не являются прямыми синонимами *theft, stealing*).

1 (первая степень подвижности) – исторические термины и понятия, оставшиеся в языке для обозначения исторической реалии. К таким терминам относятся все реалии феодального строя – *wite, wergild, angeld, fah, ornest* и другие.

Фиксированность данной группы обусловлена экстралингвистическими причинами: длительный период феодализма сменился иными формами монархии, однако исторические свидетельства зафиксировали понятия в письменном виде, хотя в языке они более и не функционируют.

2 (вторая степень подвижности) – детерминологизированные единицы. Потеря узкого или оценочного значения произошла из-за декриминализации понятия (или, что можно считать «промежуточной» степенью детерминологизации и декриминализации, из-за перехода в разряд проступков, то есть область гражданского права). К таким терминам относятся *wiccecraft, oferetolness, oferdruncennes, ettulnes, dwola, unrihte gemeta, woge gewichta* и другие.

¹⁰⁷ Там же. С. 116

¹⁰⁸ Otto Jespersen. Growth and structure of the English language. London, 1935. – P.87

Причины детерминалогизации (то есть лингвистического явления) в данном случае сугубо экстралингвистические: преступление больше таковым не считается.

3 (третья степень подвижности) – латинизированные термины. Термины, которые под влиянием французского или латинского языка незначительно изменили план выражения – *murder* (*murðrum*¹⁰⁹), *theft* (*ðeofð*), *blackmail* (*blackmæðel*), *manslaughter* (*manslieht*), *witness* (*witnes*) и другие.

Причины подвижности данной группы – лингвистические: длительный период билингвизма не мог не оказать влияния на орфографию и иные уровни языка.

4 (четвертая степень подвижности) – наиболее подвижные единицы, которые были заменены либо французским (латинским) вариантом, либо вытеснено другим исконным понятием. К терминам этой группы относятся:

Hlafordsearu -> *treason+espionage*; *efenteam*->*plot* (слово общего языка)+*conspiracy*; *oferhiness*->*contempt+neglect*; *æfwydla*->*injury*; *scyldig*->*guilty* (ср. средневерхненемецкий *gülte* – долг, платеж¹¹⁰); *forespeca*->*advocate*; *onspeca*->*claimant*; *dema*->*judge*; *bernet*->*arson*; *gescildeð*->*defend*; *rehtwisnesse*->*justice*; *witan*->*blame*; *facen*->*crime*; *oferstælan*->*convict*.

Данная группа является самой многочисленной. Причинами подвижности лексики в данном случае могут служить как экстра-, так и лингвистические факторы. К сожалению, в силу ограниченности доступных источников и временной удаленности от среднеанглийского этапа развития языка, сложно сделать однозначный вывод о причинах замены терминов их французскими или латинскими синонимами. Одним из предположений является общая тенденция вводить греко-латинские варианты по причине общей романизации англосаксонского права после 1066 г. Еще одной (правда, более типичной для современного этапа развития английского языка) причиной может служить постепенная утрата семантического компонента исконным термином, что требует

¹⁰⁹ Melinkoff D. *The Language of the Law*. – Boston & Toronto: Little, Brown and Co., 1963. – P.74-75

¹¹⁰ Friedrich Kluge. *An Etymological Dictionary of the German Language*. London, 1891. – C. 149

замены его новым термином. Наконец, развитие права приводило к тому, что старое понятие устаревало и требовало уточнения, при этом существовало подходящее латинское или французское слово.

В конце XIII века в сфере юриспруденции латинский был вытеснен французским языком. Первый закон на французском языке был выпущен в 1275 году, спустя два века после нормандского завоевания. В конце 1300-х годов и латынь, и старофранцузский были языками законотворчества, но уже в начале следующего века французский полностью вытеснил латынь, кроме сферы, связанной с церковью. Языком судов стал французский язык и оставался им вплоть до XIV века, пока не началось возрождение английского языка во всех сферах жизни: в 1362 году парламент выпустил Statute of Pleading, который требовал от участников судопроизводства, чтобы те "pleaded, shewed, defended, answered, debated, and judged in the English Tongue."¹¹¹ При этом данный статут был написан на французском языке.

Достаточно знаменательным является тот факт, что уже в 1200-х годах французский постепенно стал сдавать позиции как язык общения в Англии, но набирал силу как язык юриспруденции. Этому способствовал ряд причин: во-первых, часть английской аристократии оставалась в XIII веке франкофонной. Кроме того, некоторые представители французской элиты мигрировали в Великобританию в связи с женитьбой Генриха III, короля Англии, на Элеоноре Прованской в 1236 году. В то же время положение французского языка как языка культуры начало усиливаться. Централизация правовой системы и политическая ситуация также способствовали усилению французского языка в Англии. Постепенно исчезая как разговорный язык, французский стал своеобразной характерной чертой элиты, которая обладала определенной властью в высших судах. Использование французского языка было своеобразной гарантией того, что обычные люди не смогут ничего понять и не смогут вмешаться в процесс правосудия.

¹¹¹ Peter Tiersma. The Nature of Legal Language. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.languageandlaw.org/NATURE.HTM>

Что касается непосредственного влияния французского языка на англоязычную лексику уголовного права, следует признать ту исключительную роль, которую он сыграл в становлении этой терминологии. Исследователи отмечают, что наибольшее количество заимствований пришло в английский из французского в период между серединой XIII и XV веками¹¹². Это объясняется историческими причинами: после 1250 года в Англии становилось все больше франкофонов, которые начинали использовать и английский язык, что неизбежно приводило как к межязыковой интерференции, так и к активному заимствованию в английский язык ранее не существовавших понятий. Кроме того, многие слова, обозначавшиеся исконной (или заимствованной еще в древнейшее время из латыни) лексикой были заменены в среднеанглийский период галлицизмами и латинизмами. Аналогичные процессы были присущи и специальной лексике.

Итак, ряд понятий, существовавших в древнеанглийском, были заменены французскими или латинскими лексическими единицами в среднеанглийский период. Тем не менее, следует отметить, что наибольший пласт специальной юридической лексики в целом и лексики уголовного права в частности был заимствован из французского или латинского языков по вполне понятным причинам: в английском отсутствовала определенная реальия или понятие, в то время как она существовала во французском или латинском языках, следовательно, заимствовались из них вместе с обозначающим ее словом или термином.

Возвращаясь к основным правовым особенностям эпохи, следует отметить, что среднеанглийский период знаменует появление системы судопроизводства, суды становятся неотъемлемым элементом правовой системы, а судебные решения – основными источниками права¹¹³. Централизация власти, которая является в полной мере заслугой Вильгельма I, сопровождалась также унификацией системы судов. Для последующего усовершенствования системы

¹¹² Baugh C. Albert, Cable Thomas, A History of the English Language, Fifth edition. – London: Pearson Education, 2002. – P.134

¹¹³ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.203

судопроизводства Генрих II вернул систему выездных судов. Такие сессии сыграли ключевую роль в образовании общего права, то есть и в унификации древнеанглийской и среднеанглийской правовой лексики и начавшей зарождаться терминологии¹¹⁴. В целом, следует признать ту решающую роль, которую сыграли суды в становлении доктрины общего права: принимаемые судьями решения по различным ситуациям (прецеденты) накапливались, а затем вынесенные решения применялись в аналогичных делах.

Переходя к исследованию специфических черт лексики уголовного права данной эпохи, следует отметить, что о *терминах* в среднеанглийском периоде можно говорить лишь с определенными оговорками. Не вызывает сомнения тот факт, что, по сравнению с древнеанглийским периодом, среднеанглийский язык характеризуется большей степенью лексического разнообразия. Кроме того, если в древнеанглийском языке лексика уголовного права едва ли представлялась в виде системы, то уже в среднеанглийский период начинает складываться терминология, то есть начинается процесс систематизации, упорядочивания единиц специальной лексики. Однако термин в среднеанглийском периоде и термин в современном понимании – два разных понятия. Они отличаются как степенью специализации значения, так и ключевым для термина свойством – степенью выраженности системного характера данной единицы.

В целом тенденции, характерные для языка в целом, зачастую верны и для специальных терминологий, что логически вытекает из тезиса о двойственной природе термина – как слова общего языка и единицы специальной лексики¹¹⁵. С другой стороны, верна и другая тенденция: в силу специфической природы языка права, в особенности языка уголовного права, ряд черт будет присущ исключительно языку этой узкой специальной области.

Примечательно, что уже в XII веке в английский язык были введены такие основополагающие термины уголовного права, как *prison, justice, penal, prove, rob* и другие. *Prison* (варианты: *prisoun, prisone, presonis*) был заимствован в начале

¹¹⁴ Там же. С. 206

¹¹⁵ Реформатский А.А. О некоторых вопросах терминологии // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. – Вып. IV. – 1974. – С.156-157

XII века в значении «тюрьма, заключенный, заключение». Как уже упоминалось выше, *justice* заменил древнеанглийский термин. Происхождение термина *penal* достаточно запутанное: в XII веке он был заимствован в виде *peinal* (ср. совр. фр. *pénal*), от средневекового латинского *penalis*, восходящего к *poenalis* – «подвергнутый наказанию». Прослеживается связь с корнем *poena* – «наказание», который, в свою очередь, восходит к греческому *poine* – «штраф, наказание, плата, вира». Кроме того, в протоиндоевропейском присутствовал корень **kwoina*, от корня **kwei*- «платить, компенсировать» (ср. совр. рус. *цена*).

Prove также обладает длинной историей. Появившись в английском языке из старофранцузского (от *prover* или *pruver* «показывать, доказывать, проверять»), он восходит к латинскому *probare* «оценить, показать», от *probus* «стоящий, ценный», который, в свою очередь, восходит к протоиндоевропейскому **pro-bhwo*- «быть спереди». Термин сразу же обладал значением «показать в суде», в отличие от термина *proof*, от англо-франкского *preove*, который терминологизировался под влиянием глагола *prove* в XIV веке.

Глагол *rob* произошел от старофранцузского *rober* «украсть, похитить, изнасиловать», но также корень присутствовал и в западногерманском: **rauba* «награбленное, трофей». Кроме того, очевидно сходство и с древнеанглийским *reafian* (ср. совр. англ. *bereave*), который восходит к протоиндоевропейскому **raubon* «украсть», связанному также с современным глаголом *rip*, одним из значений которого является «ободрать, обокрасть». Примечательно, что в современном английском *reave* не является термином права, в отличие от *bereave* («ограбить, лишить»).

Еще одним термином, который пришел в английский язык в XII веке, является *robber*. Примечательно, что он был образован еще в старофранцузском от *rob* при помощи суффикса *-er* и изначально выглядел как *robeor*, чтобы отличать его от глагола, который во французском писался *rober*.

Таким образом, уже в XII веке наблюдается начало становления терминологии уголовного права, которая в последующие века будет становиться более системной: большинство единиц приходило в язык в качестве

заимствований из французского языка соответствующего периода. При этом не все слова изначально обладали специальным значением; некоторые из них терминологизировались уже после заимствования.

Среди прочих процессов терминообразования следует отметить замену ранее существовавшего термина новым, заимствованным, термином, а также графические или фонетические модификации, которые происходили с терминами. Процессы конверсии, метафоризации, транстерминологизации (или консубстантивации) в XII веке не наблюдаются.

В XIII веке в английский язык приходит достаточно большое количество новых слов, связанных с понятием права, причем наблюдается большее разнообразие способов пополнения лексики, нежели в XII веке. Так, впервые появляются термины, которые имеют одинаковый план выражения, но являются разными частями речи, то есть терминами, подвергшимися конверсии. Такими терминами являются, например, *blame – to blame*, которые пришли на замену древнеанглийскому *witan*, и *summon – to summon*, которые являются заимствованиями из французского. Также появляются существительные *sentens – «срок, приговор»*, *slander – «клевета, наговор»*, *pardoun – «прощение, амнистия» – и garrant (warrant) – «свидетельство, ордер» – которые позднее, в XIV и XV веках путем конверсии пополняют число терминов глаголами.*

Наибольшая часть новых терминов по-прежнему являлась заимствованиями из французского. Так, глагол *accuse* в своем узком, терминологическом значении пришел в английский примерно в 1300 году (от старофранцузского *accuser – «обвинять»*). Ранее единица не являлась термином и означала «объявлять, раскрыть» (XII в), а еще раньше – сразу после заимствования из латыни – «пожаловаться, подать в суд» (*ad causa*). Таким образом, в данном случае наблюдается межъязыковая ретерминологизация термина. Существительное *accusacion – «обвинение» – было образовано также в XIV веке от старофранцузского *acusacion* (или напрямую от латинского *accusationem* (им.п. *accusatio*), образованное от *accusare*).*

Глагол *acquit* образован от старофранцузского *aquiter* – «погасить, оплатить» и связан с корнем *quit* – «закончить, выйти». Позднее, в XIV веке, происходит специализация значения глагола до «быть свободным от обязательств».

Термины *plea* и *plead*, оба заимствованные в XIII веке, восходят к разным корням: *plea* – к англо-французскому *plai* и старофранцузскому *plait* «иск, указ». Помимо этого, существует значение «то, о чем договорились, нечто удовлетворяющее», ср. совр. англ. *please*. Еще одно значение («договориться о сроке») термин приобрел в XIV веке. Как существительное, так и глагол изначально обладали терминологическими значениями «просьба в суде» и «просить в суде» и восходили к *plaidier* и *placitare* в старофранцузском и латинском соответственно.

Термин *defend*, заменивший древнеанглийский термин *gescildeð*, был образован от старофранцузского *defendre* «защитать, сопротивляться», от латинского *defendere* «стеречь, защищать». Кроме того, тогда же в язык пришел и глагол *fend* с тем же значением, прилагательное *defensive* и существительное *defender* (изначально заимствованное как *defendeor*).

Термин *crime*, заменивший древнеанглийский (изначально латинский) термин *facen* и обладающий одной из центральных словообразовательных единиц *crim-*, восходит к старофранцузскому *crimne*, от латинского *crimen* «обвинение, ошибка, преступление» и, вероятно, связан с *cernere* «решать» (ср. совр. англ. *crisis*).

Говоря о частных преступлениях, следует отметить, что к концу среднеанглийского периода в английском праве существовало шесть видов тяжких преступных деяний и, соответственно, столько же терминов, обозначающих их: *treasoun*, *murdrum*, *larcenie*, *burglarie*, *rape* и *arson*. Каждый из них заслуживает детального рассмотрения.

Treason использовался для обозначения преступлений против государства, государственную измену и другие тяжкие преступления и был заимствован в XIII веке. Знаменательно существование *Treason Act* от 1351 года, созданного

изначально на французском и до сих пор действующего в Англии. Под *treasoun* подпадали следующие действия: «the Death of the King, Queen, or their eldest Son; violating the Queen, or the King's eldest Daughter unmarried, or his eldest Son's Wife; levying War; adhering to the King's Enemies; killing the Chancellor, Treasurer, or Judges in Execution of their Duty¹¹⁶». Таким образом, уже в XIII веке понятие охватывало практически все современные преступления, выражаемые этим термином.

Murdrum, уже рассмотренный выше, обозначал убийство, причем, в отличие от *manslaughter*, убийство умышленное. *Manslaughter* был введен также в среднеанглийский период (XIV век), будучи видоизмененным древнеанглийским *mannslæht* (или *mannsliht*) – «акт убийства». Еще одним связанным с этим преступлением термином является *homicide* (XIII век) – «убийство человека» – и даже в современном уголовном праве *manslaughter* классифицируется как *simple homicide* (убийство по неосторожности).

Термин *larcenie*, означающий воровство, терминологизировался лишь в XV веке. Он является одним из ряда синонимов древнейшего термина *theft*. Помимо этих двух терминов, а также рассмотренного выше *robberie*, в среднеанглийский период (а именно, в XIII веке) в язык пришли сразу три новых термина: *stealth* (существительное от *steal*, обозначающее кражу), *burglar* (ночной грабитель, взломщик) и само преступление *burglary*, а также глагол *lift* в значении воровать. В XIV столетии язык пополнился терминами *stealing* (еще одно существительное от *steal*, обозначающее кражу), глагол *spoliate* (грабить, мародерствовать) и *enbesiler*, который в XV столетии выглядел уже как *embezzle* (незаконно присваивать).

Rape, изначально пришедший в английский в XIV веке как существительное, означал изнасилование. Глагол пришел несколько позже, кроме того, в последующие века часто заменялся эвфемизмом *ravish*¹¹⁷.

¹¹⁶ Treason Act 1351. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/aep/Edw3Stat5/25/2/section/II>

¹¹⁷ Максименко Е.С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем: на материале английской и американской юридической терминологии: Дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2002. – С.85

Наконец, *arson (arsoun)*, пришедший на замену древнеанглийского *bærnet*, сохранил значение «поджог».

Наказанием за перечисленные преступления была либо смертная казнь (кроме периода правления Вильгельма I), либо компенсация, выплачиваемая королю, или конфискация имущества в его же пользу как пострадавшему лицу^{*7}.

Следующим термином, вызывающим интерес исследователей, является *culpable*, изначально восходящий к старофранцузскому *courable*, от латинского *culpabilis* «заслуживающий вины» и от *culpa* «вина, ошибка, преступление». Термин был заимствован без интерфикса *-l-*, но в конце среднеанглийского периода его план выражения уже изменяется. Суффикс *-able*, переосмысленный в самостоятельных словообразовательный элемент, стал позднее одним из наиболее продуктивных аффиксов английского языка.

Bailiff, обозначавший офицера, подчинявшегося шерифу, или главу сотни, был заимствован от старофранцузского *bailiff* (им.п. *baillis*) «административный представитель, заместитель». Эпоним *Old Bailey*, Центральный уголовный суд в Лондоне, связан с данным термином: «*bailey (n.) wall enclosing an outer court, Old Bailey was so called because it stood within the ancient bailey of the city wall*¹¹⁸».

Заслуживают более подробного рассмотрения единицы, обозначающие лиц юридической профессии. Как отмечает В.А. Иконникова, английская система обучения и подготовки юристов является одной из самых сложных и самобытных в мире, а названия правовых профессий относятся к определенному периоду развития правовой системы¹¹⁹. К терминам, пришедшим в английский язык в среднеанглийский период, относится, помимо *bailiff*, также современная англо-американская реалия¹²⁰, обозначаемая термином *coroner*. *Coroner*, известный за пределами англосаксонской правовой культуры¹²¹, обозначает следователя по делам, в которых причина смерти потерпевшего выглядит необъяснимой. Однако

¹¹⁸ Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://etymonline.com/>

¹¹⁹ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.21

¹²⁰ В Великобритании: <https://www.cityoflondon.gov.uk/services/community-and-living/births-deaths-and-marriages/Pages/Coroner.aspx>, В США: <http://www.pdf-archive.com/2014/02/24/el-autopsy/el-autopsy.pdf>

¹²¹ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15676>

изначально, в XII веке, термин означал совершенно иное лицо: «originally the title of the officer with the duty of protecting the property of the royal family»¹²². Лишь в XVII веке функции коронера стали ограничиваться расследованием загадочных случаев смерти людей.

Лексические единицы *lawyer*, *solicitor*, *barrister* пришли в английский язык позднее: *lawyer* в конце XIV века (примечательно, что изначально он употреблялся в качестве имени собственного (фамилия), *solicitor* и *barrister* – в XV и XVI веках соответственно.

Еще одним термином данной эпохи является *constable*, который, как и *коронер*, известен как культурная реалия за пределами Англии. Слово восходит к старофранцузскому *conestable* (XIII век) – «управитель короля»). Именно констебли были ответственными за арест и содержание преступников, а появление именно этой должности было предвестником зарождения полицейской системы в Англии.

Заслуживает внимания термин *attorney*: временем его приходом в язык считается начало XIV века, источником – старофранцузское *atorné* «назначенный для представления чьих-либо интересов».

Еще одним юридическим термином, относящимся к данной эпохе, является *reeve* – *судья*. Термин восходит к древнеанглийскому *gerefa* и означает *королевского служащего*. По версии Г. Спельмана, *gerefa* является девербативом от глагола *reafian*, что отчасти подтверждается одним из значений – «сборщик налогов»¹²³. С усилением позиции судьи шериф стал терять свою юрисдикцию и был окончательно упразднен к началу новоанглийского периода.

Что касается появления новых обозначений преступников, следует отметить, что крестьянское восстание Уота Тайлера в 1381, а также угнетенное положение крестьян в целом, привело к росту преступности и, следовательно, появлению новых терминов. *Riot u rioter*, оба заимствованные в конце XIV века из старофранцузского, окончательно терминологизируются к XV веку, но уже в XIV

¹²² Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://etymonline.com/>

¹²³ Henry Spelman. Glossarium archailogicum. London, 1664 – 576 p.

веке используются для описания бесчинств, восстаний и действий против Короны. Рассмотрение таких дел производилось в суде звездной палаты (названной так из-за изображения звезд на потолке). Кроме *riots*, этот суд рассматривал также такие преступления, как *libel* (клевета) и *perjury* (нарушение клятвы).

Более общее существительное *act*, которым обозначается любое преступное деяние, было заимствовано от старофранцузского *acte* в значении «официальный документ» в конце XIV века, который, в свою очередь, от латинского *actus* «действие, импульс» и *actum* «деяние, сделанное». Изначально латинская единица была юридическим термином. Оба термина восходят к *agere* «сделать, сдвинуть» от протоиндоевропейского корня **ag-* «везти, двигаться» (ср. греч. *agein* «возглавлять, вести», санскрит *ajati* «везет», старонорвежский *aka* «везти», среднеирландский *ag* «битва»). Что касается глагола *act*, он появился в языке позже, в середине XV века, и является одним из примеров конверсии – образования деривата, отличающегося от производящего слова только формообразовательной парадигмой¹²⁴. Термин *act* являет собой пример еще одного термина, образованного в результате конверсии.

Под конверсией в данной работе понимается безаффиксальный способ словообразования, в результате которого образуется категориально отличное слово, совпадающее в некоторых формах с исходным словом¹²⁵. Причиной возникновения этого словообразовательного явления в английском языке считается, во-первых, утрата флексий в среднеанглийский период (XIII век). Из-за потери суффикса у инфинитивов, глаголы стали совпадать по форме с существительными. Кроме того, еще одну теорию выдвинул П.М. Карашук: заимствования в XIII-XV веках из старофранцузского языка чаще всего проходили парами¹²⁶. Однако А.И. Смирницкий опровергает эту теорию: зачастую в английский язык из французского заимствовалось одно из слов, а

¹²⁴ Яблокова М.В. Конверсия как активный способ словообразования в современном английском языке // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – №1, Том I. – С.198

¹²⁵ Арбекова Т.И. Лексикология английского языка. – М.: Высшая школа, 1977. – С.41

¹²⁶ Карашук П.М. Словообразование английского языка: Уч. пособие для вузов по спец. «Романо-германские языки и литература». – М.: Высшая школа, 1977. – 303 с.

другое создавалось на его базе позднее¹²⁷. При рассмотрении пар терминов уголовного права, представленных существительным и глаголом, наблюдается следующая закономерность: из 580 отобранных для изучения терминов 82 (точнее, 41 пара) являют собой моноксемные конверсивы – например, *act (n) – to act, judge (n) – to judge*. При этом знаменательно то, что более половины существительных из этих пар (22 термина из 41) пришли в английский язык раньше глаголов (54%), а еще более четверти (11 терминов из 41, 27%) – одновременно. Таким образом, лишь 19% глаголов (8 терминов из 41) вошли в обращение раньше, чем существительные. Таким образом, очевидно, что для терминологии уголовного права данное явление не является характерным.

Кроме того, 71% (28 терминов из 41) являются заимствованными из старофранцузского, а еще 17% (7 терминов из 41) – латинизмами. Лишь 5 терминов (12%), а именно: *sin – to sin, witness – to witness, wound – to wound, blackmail – to blackmail, murder – to murder* – являются исконными (то есть англосаксонскими) терминами.

Грамматические конверсивы и данные об их происхождении представлены в Таблице 1*⁸:

Таблица 1. Данные о происхождении терминов-конверсивов

Краткие обозначения: OF – старофранцузский, MFr – среднефранцузский, Lat – латынь, Med.Lat – средневековая латынь, AF – англо-французский, OE – древнеанглийский.

Термин	Этимология существительного	Этимология глагола
Abuse	OF, сер. XV в.	OF, сер. XV в.
Act	OF, конец XIV в.	OF, сер. XV в.
Appeal	OF, начало XIV в.	OF, начало XIV в.
Arrest	OF, конец XIV в.	OF, конец XIV в.
Assault	OF, конец XIV в.	OF, начало XV в.
Attempt	OF, 1530-е	OF, конец XIV в.

¹²⁷ Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Московский Государственный Университет, 1998. – С.253-254

Bargain	OF, сер. XIV в.	OF, конец XIV в.
Blackmail	OE, 1550-е	OE, 1852
Blame	OF, начало XIII в.	OF, начало XIV в.
Bribe	OF, конец XIV в.	OF, конец XIV в.
Court	OF, конец XII в.	OF, 1570
Consent	OF, начало XIV в.	OF, начало XIII в.
Convict	Lat, конец XV в.	Lat, сер. XIV в.
Claim	OF, начало XIV в.	OF, начало XIV в.
Conduct	OF, сер. XV в.	OF, начало XV в.
Counsel	OF, начало XIII в.	OF, конец XIII в.
Damage	OF, конец XIII в.	OF, начало XIV в.
Drug	OF, конец XIV в.	OF, начало XVII в.
Fine	OF, конец XIII в.	OF, конец XIII в.
Fraud	OF, сер. XIV в.	OF, сер. XIV в.
Judge	OF, начало XIV в.	OF, начало XIV в.
Mayhem	AF/OF, конец XV в.	AF/OF, начало XIV в.
Misuse	OF, конец XIV в.	OF, конец XIV в.
Mob	Lat, 1680-е	Lat, 1709
Murder	Lat, OE, начало XIV в.	OE
Pardon	OF, конец XIII в.	OF, сер. XV в.
Poison	OF, начало XIII в.	OF, начало XIV в.
Rape	OF, начало XIV в.	OF, конец XIV в.
Release	OF, начало XIV в.	OF, начало XIV в.
Sabotage	F, 1903/7	F, 1912
Scheme	Med. Lat, 1550-е	Med. Lat, 1767
Summon	OF, конец XIII в.	OF, 1650-е
Subpoena	Lat, начало XV в.	Lat, 1630
Sentence	OF, начало XIII в.	OF, начало XV в.
Sin	OE	OE

Suspect	MFr/Lat, 1590-е	MFr/Lat, сер. XV в.
Slander	OF, конец XIII в.	OF, начало XIV в.
Sanction	Lat, начало XV в.	Lat, 1778
Trespass	OF, начало XIV в.	OF, начало XIV в.
Witness	OE	OE, начало XIV в.
Wound	OE	OE

Примечательно, что не все конверсивы изначально обладали специальным значением. Исследование показало, что 76% терминов, как заимствованных из латыни или французского, так и исконных, имели первичное терминологическое значение, в то время как 17% приобрели его после прихода в язык, при этом 7 терминов из 9 терминологизировались в течение приблизительно 60-80 лет после заимствования. Исключения составляют термины *witness* и *sabotage*: разница между заимствованием и дальнейшей терминологизацией составляет 3 и 2 столетия соответственно. Судьба терминологизации остальных 7% терминов не до конца ясна, поскольку установить точное время их появления в языке по имеющимся данным не представляется возможным.

Одним из терминов, изначально обладавших терминологическим значением, а затем расширившим его, является *damage*: «первоначальное значение «потеря, вред» XIV века расширило план содержания в XV веке («денежное возмещение за что-либо утраченное»), что соответствует началу функционирования Суда Канцлера и возникновением права справедливости¹²⁸».

Что касается хронологического разрыва между процессом конверсии терминов, в 30 случаях из 41 она происходила в течение одного века или менее (73% терминов). Среднее время конверсии – 120 лет^{*9}.

Помимо лексических заимствований, французский, в отличие, например, от ранее имевшего влияние на английский язык датского, также значительно повлиял на словообразование в исследуемый период. Суффиксы в

¹²⁸ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.214

заимствованных словах переосмыслились и становились самостоятельными словообразовательными средствами, причем наиболее активно происходила суффиксация существительных. К наиболее распространенным суффиксам существительных относятся:

- *-er* – *defender, slander, summoner, stalker*;
- *-ie (y)* – *robberie, felonie, testimony, custody, larceny*;
- *-ence/-ance* – *violence, evidence, sentence, abetance, aqvitance*;
- *-ment* – *judgement, enprisonment, punishment*;
- *-tion/sion/cion* – *confession, deliberation, deposition, accusation, coercion*.

Кроме того, зачастую англо-французский глагол (с окончанием инфинитива *-erin*) заимствовался в английский как существительное: *interpleader, joinder*. Образование отглагольных существительных происходило при помощи суффиксов *-al* или *-el*: *acquittal, rebuttal, trial, estoppel* и другие.

Еще один словообразовательный элемент существительных, суффикс *-ing*, примечателен тем, что он изначально участвовал в образовании терминов-существительных от других основ существительных. В XV веке были зафиксированы стабильные образования существительных от глаголов – *embezzling* (который позднее стал *embezzlement*), *arresting, abetting, stealing* и другие.

Из наиболее частотных суффиксов прилагательных следует выделить:

- *-les* – *harmeles, guiltles*;
- *-ous* – *slandorous, felonious*;
- *-able* – *indictable, culpable*;
- *-ent* – *fraudulent, delinquent, violent*;
- *-al* – *testimonial, criminal*.

Также присутствует некоторое количество прилагательных с суффиксом *-y* – *(in)voluntary* и *-ful(l)* – *(un)lawful(l)*. При этом суффиксы *-ful(l)* и *-les* участвуют в образовании антонимов: *lawful(l) – lawless*.

Среди приставок, которые использовались для образования антонимов, следующие:

- *un-* – *unlawfull, unbuxsumnes, unconabilnes (misbehaviour), unpunissiuge (impunity)*;
- *in-* – *involuntary, inobedience*;
- *mis-* – *misgouernaunce, mysreule, misdaede*.

Первая приставка восходит еще к готской *un-*, которая, в свою очередь, схожа с греческой *ἀν-*. Префикс *in-*, заимствованный из латыни, имеет такое же значение, как и *un-*. Приставка *mis-* изначально была заимствована из французского в виде *mes-*.

Помимо повторяющихся аффиксов и проявлений антонимии, в терминологии уголовного права в среднеанглийский период также начинают проявляться такие системообразующие признаки, как появление устойчивых субстантивных терминосочетаний. Причиной развития морфосинтаксического способа терминообразования является переход английского языка в язык аналитический. Среди устойчивых конструкций, появившихся в среднеанглийский период, наиболее распространенными были следующие:

- *Существительное+существительное*, причем зачастую с терминами, присутствовавшими в языке еще с древнеанглийского периода – *tund-, spus-bryche, man-slieht*, а также латинские структуры типа *существительное_n+существительное_{gen}: corpus delicti, corpus juris*;
- *Существительное + of + существительное: recompence of punishment, ravisher of women, writ of certiorari, court of lawe, court of rights*;
- *Существительное₁+of+существительное₂+существительное₃*, где *существительное₂* является определением *существительное₃*.

Примером такой структуры является *writ of habeas corpus* – *требование выпустить на свободу незаконно задержанного*, который функционирует в английском судебном дискурсе до сих пор¹²⁹. Отмечается, что появление такой

¹²⁹ United States Courts. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uscourts.gov/forms/habeas-corpus-petitions/petition-writ-habeas-corpus-under-28-usc-ss-2241>

конструкции произошло благодаря влиянию французского языка на английский не только на уровне лексики, но и на уровне синтаксиса. Так, вполне очевидно, что появление устойчивых конструкций терминов с предлогом *of* восходит к французскому предлогу *de* (*from, of, about*) – *droit de regale, coup d'état, hors de combat*. Проявление межъязыковой интерференции в данном случае указывает на глубинные изменения в строе английского языка, которые имели место не только на лексическом уровне, но и на морфологическом и синтаксическом.

Кроме того, были распространены структуры:

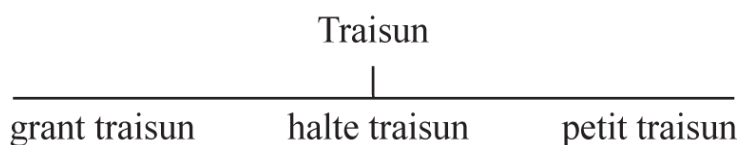
Причастие II+предлог+существительное: closen into prisoun, fetten into prisoun, bilouken into prisoun;

Прилагательное+существительное: derk prisoun, fals bargain.

Примером влияние французского языка не только на лексику, но и на синтаксис английского языка являются конструкции *существительное+прилагательное*¹³⁰: *attorney general, court martial, malice aforethought, solicitor general, proof demonstrative*¹³¹.

В среднеанглийский период как в общем языке, так и в специальной лексике с новыми лексемами образуются наречия с исконным суффиксом *–liche*: *fāken-liche, felon-liche, theof-liche* (ср. совр. нем *–lich* – *katlich, peinlich*).

Что касается иных системных черт, в терминологии уголовного права в рассматриваемый период обнаружены родовидовые отношения, к примеру, в случае термина *traisun*:

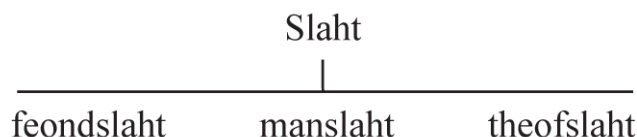

Помимо родового *traisun*, выделяются *grant traisun* (соответствует современному *high treason*), *halte traisun* (также *high treason*) и *petit traisun* (или *petty treason*).

¹³⁰ Peter Tiersma. The Nature of Legal Language. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.languageandlaw.org/NATURE.HTM>

¹³¹ Otto Jespersen. Growth and structure of the English language. London, 1935. – P.87-88

Аналогичные отношения наблюдаются и в случае термина *slaht* (*slaughter*):

Помимо родового *slaht*, выделяются *feond-(enemy)*, *man-*, *theof-slaht* и другие.

Одной из примечательных черт терминологии уголовного права в среднеанглийский период является полисемия. Как показало исследование, 26% терминов имели несколько значений даже в рамках уголовного права. Так, к примеру, термин *prisoun* определяется в среднеанглийском словаре¹³² тремя дефинициями:

1. Incarceration, imprisonment, confinement;
2. A place of confinement, a dungeon, jail;
3. A prisoner, captive.

Аналогичным образом термины *offens*, *cort* и другие также имеют несколько значений:

Offens: 1. A violation of the law, misdemeanor, crime; breach of the rules of a guild;

2. Attack, assault; armed opposition.

Cort: 1. A court of justice, a tribunal;

2. A place where justice is administered; place of judgment.

Следует отметить, что существовавшая уже в древнеанглийский период многозначность некоторых терминов проявляется и в среднеанглийском. Так, например:

- Homicide*: 1. The crime of killing a person; murder, manslaughter;
2. The personification of manslaughter.

Однако, подавляющее большинство терминов уголовного права в среднеанглийский период были однозначными:

Abettour: One who encourages or supports an offender;

¹³² Electronic Middle English Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>

Coroner: An officer of the Crown, elected by the county or borough, charged with the supervision of pleas of the Crown, of the administration of criminal justice, etc.; a coroner; also, an officer of the royal household;

Robberie: The practice or occupation of robbery; stealing, plundering;

Spoliacion: Robbing, looting, theft; also, an instance or act of robbing or stealing.

Некоторые из значений, которыми обладали термины в среднеанглийский период, были впоследствии ими утрачены. Так, термин *countrefeten*, помимо значения *to make a false imitation; forge (a letter, seal, document, etc.)* также обладал значением *to contrive (deceit, murder, treason)*, которое не сохранилось до наших дней. Другим примером является *bribery: swindling, pilfering, robbery*. Современный перевод этого термина – *взяточничество*.

Относительно проявлений таких семантических отношений, как синонимия и антонимия, следует отметить, что в среднеанглийский период синонимия была представлена, например, рассмотренными выше древнейшими терминами, обозначающими кражу, похищение, мародерство и другими. Кроме того, в среднеанглийский период появляются термины-синонимы, обозначающие убийство. В древнеанглийский период существовали многочисленные корни, от которых образовывались понятия, обозначавшие это преступление:

1. *Cwel-/cwal-/cweal-*: *cwalu (killing, murder), âcwellan (to kill, destroy), cwealm (murder, slaughter), cwellere (murderer)*;
2. *Ban-*: *bana (killing, murder), banweorc (murder), dædbana (murderer), feorhbana (manslayer)*;
3. *Murð-/morðor-/myrð-*: *murðrum, morðorslege, myrðrung, morðorsleht, morðorcræft, morðorhete, morðorslaga, morður, morðweorc*;
4. *Sleg-/slieh-*: *mannsleht (murder), brôðorslege (fratricide), âgenslaga (suicide), modorslaga (matricide), fæderslaga (patricide)*.

В среднеанглийский период некоторые из этих терминов вышли из употребления и были заменены новыми. К ним относятся термины с суффиксом – *cide*, а также образованные от корня *kill-*. При этом примечательно, что суффикс и

корень имеют одинаковое значение и появляются в английском одновременно, в XIII веке. Оба этих средства терминообразования стали продуктивными:

- *-cide*: *homicide* (XIV в.), *fratricide* (XV в.), *matricide* (XVI в.), *patricide* (XVI в.), *suicide* (XVII в.), *regicide* (XVII в.), *infanticide* (XVII в.), *filicide* (XVII в.), *uxoricide* (XIX в.), *prolicide* (XIX в.), *senicide* (XIX в.), *femi(ni)cide* (XIX в.), *genocide* (XX в.);
- *kill-*: *killing* (XV в.), *killer* (XV в.).

Примечательно, что названия определенных убийств, обозначавшиеся исконной лексикой, как, например, в случае терминов *moðorslæga* и *faederslæga*, были заменены латинскими словами – *matricide* и *patricide* соответственно.

Существует предположение, что *kill-* является переосмысленным древнеанглийским корнем *swel-*, однако этому нет достаточных доказательств.

Еще одной лексемой, которая связана с понятием убийства, является *assassin-*: “via French and Italian, from Arabic *hashishiyyin* “hashish-users,” plural of *hashishiyy*. A fanatical Ismaili Muslim sect of the time of the Crusades with a reputation for murdering opposing leaders after intoxicating themselves by eating hashish. The plural suffix –in was mistaken in Europe for part of the word (as in *bedouin*)”¹³³. В XVII веке появятся новые термины на основе этой лексемы – *assassinate* и *assassination*.

Завершая анализ синонимии, следует отметить, что синонимия как лингвистический феномен, с одной стороны, является негативным явлением в терминологии, поскольку противоречит одному из требований, предъявляемых к термину – моносемичности, с другой – является показателем степени развития частной терминологии, а значит, и лексического состава языка. При этом также примечательно, что для устойчивого проявления антонимии в языке в целом и в терминологии в частности также требуется значительный уровень развития лексического разнообразия терминосистемы. В среднеанглийский период антонимия выражалась при помощи рассмотренных выше префиксов *un-*, *dis-*, *mis-*, а также суффикса *-les*.

¹³³ Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://etymonline.com/>

Итак, говоря о становлении терминологии уголовного права в среднеанглийский период, следует отметить наиболее важные характеристики эпохи.

Решающее значение для английского языка сыграло нормандское завоевание Англии 1066 года и дальнейшее правление Вильгельма I. Приток нормандского населения способствовал длительному периоду двуязычия, что привело к появлению массивного пласта заимствований из нормандского французского в английский язык. Кроме того, из-за влияния Римского права, в английский пришли и многочисленные латинские термины, которые заимствовались как напрямую из латыни, так и через посредник-французский.

Стремление к унификации права (а значит, и унификации терминологии) с одной стороны, и попытки сохранить аутентичность через региональные диалекты и местные обычаи были особыми чертами эпохи правления Генриха II. Кроме того, тесная связь права с церковью сохраняла появившуюся еще в древнеанглийский период устойчивую ассоциацию некоторых правонарушений с грехами.

В XI-XII веках основным языком права в стране была латынь, что привело к ряду явлений, проявившихся на уровне терминологии. Во-первых, часть исконных, древнеанглийских терминов была заменена новыми заимствованиями, кроме того, некоторые древнеанглийские термины были латинизированы. В последующий, XIII век главным языком в Англии стал французский, что привело к наибольшему притоку заимствований, зафиксированных за всю историю английского языка. Было выделено 5 групп лексики в зависимости от степени подвижности единиц.

Именно в это время в языке начинает проявляться уникальное языковое явление – конверсия. Среди терминов-конверсивов более трех четвертей изначально были специализированы, 71% являлись нормандскими заимствованиями, 17% – латинскими и лишь 12% приходилось на исконную лексику. В 54% случаев существительное-конверсив появлялось в языке первым, еще в 27% случаев – одновременно с глаголом. В 73% случаев конверсия

происходила в пределах 100 лет. Среднее время конверсации термина составляет 1,2 века.

Специфические особенности терминологии уголовного права и права в целом имеют отражение в обозначениях преступлений, наказаний, а также правовых профессий, что является одним из пластов культурно-специфической лексики.

Уже в среднеанглийский период терминология уголовного права проявляет некоторые системные черты. Во-первых, имеют место терминообразующие суффиксы: 9 наиболее типичных для существительных, 7 – для прилагательных, а также префиксы – 3 наиболее распространённых для разных частей речи.

Кроме того, имеются свидетельства проявления антонимии, а также существуют определенные модели словообразования, среди которых было выделено 6 наиболее распространенных. Среднеанглийский период отмечен большим разнообразием таких структурных моделей по сравнению с древнеанглийским периодом, что объясняется изменением строя языка.

Еще одним доказательством зарождающейся системности в терминологии уголовного права в данный период является присутствие антонимов, которые образовывались преимущественно при помощи суффиксов (*les-/full-*), а также приставок (*un-, in-, mis-*). Данный тезис также напрямую связан с усилением аналитизма в английском языке.

Примеры родовидовых отношений являются доказательствами того, что термины уголовного права в среднеанглийский период начали образовывать устойчивую систему, в отличие от древнеанглийской лексики права с отдельными языковыми единицами, обладавшими оценочностью.

В среднеанглийский период имеют место некоторые примеры терминов-синонимов, в основном вербализирующих такие тяжкие преступления, как убийство и кража. Синонимические ряды объединяет определенное ядерное понятие, лежащее в основе всех относимых к ряду терминов.

Что касается проявлений вариативности, уже в XI-XV веках присутствуют многозначные термины, которые, однако, составляют небольшую часть от всех терминов (менее трети). Кроме того, в древнеанглийском периоде существуют термины, обозначающие как преступление, так и наказание за него.

Среднеанглийский период, будучи преемником древнеанглийского периода, является, пожалуй, самым важным в становлении английской и в дальнейшем американской терминологии уголовного права, поскольку историко-политические условия в этот период способствовали зарождению таких важных общественных институтов, как суд и полиция, которые продолжают свое становление уже в новоанглийский период и будут играть исключительную роль и в современности. Кроме того, в среднеанглийский период происходит существенное изменение строя английского языка – происходит утрата флексий.

Наконец, именно в этот период заимствуется наибольший пласт новой лексики, который впоследствии будет активно функционировать в речи, а также фиксируются проявления системной природы этой терминологии и формируются специфические особенности терминологии уголовного права, которая продолжит свое становление уже в новоанглийский период развития языка.

§3. Английская терминология уголовного права в новоанглийский период

Новоанглийский период развития языка охватывает промежуток с XV века по настоящее время и традиционно делится на ранненовоанглийский (1400-1700) и современный английский (с XVIII века по наши дни).

Рассматриваемый временной отрезок совпадает с четырьмя этапами развития монархии в Англии: непродолжительным промежутком времени с сословно-представительной монархией (XIV-XV вв.), абсолютной монархией (XVI-XVIII вв.), правом нового времени (XVIII-XX вв.) и, наконец, современным правом (1950-е гг. по настоящее время)¹³⁴. Каждый из указанных этапов характеризуется некоторыми особенностями, оказавшими непосредственное влияние на становление английской терминологии права.

Особенностью сословно-представительной монархии в Англии является, в первую очередь, усиление власти парламента, возникшего в XIII веке. Парламент был наделен тремя основными полномочиями: правом на получение денежных сборов с населения в пользу государства, правом контроля короля или другого верховного лица (что уже в XIV веке стало правом на импичмент) и законотворческими полномочиями. В XV веке появляется понятие *билль*, что является, по сути, законопроектом, который может быть принят или отклонен в последующих чтениях парламента.

Уже в XVI веке, с началом абсолютной монархии, ни один закон не мог издаваться без его предварительного одобрения королем. Таким образом, любой статут должен был исходить не только от палат лордов и общин, но и от короля или королевы.

Как отмечает В.А. Иконникова, в новое время право получило развитие в силу становления и развития конституционной монархии. Славная революция 1688 года привела к верховенству власти Парламента, а также к падению Британского империализма в XVII-XX веках¹³⁵.

¹³⁴ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.170

¹³⁵ Там же. С. 171

Первая половина XX века ознаменовала собой две тяжелейшие войны, I мировую (1914-1918 годы) и II мировую (1939-1945 годы), причем Англия участвовала в обеих с первых же дней, в составе Антанты в Первой мировой войне и в составе Объединенных сил (Allies) во Второй. Обе мировые войны в значительной степени определили политический ландшафт последующих десятилетий, в частности, Англия, США и другие страны участвовали в Нюрнбергских и Хабаровском процессах над побежденными нацистами. Как международное право в целом, так и международное уголовное право повлияли на уголовное право Англии.

Период со второй половины XX века и до наших дней рассматривается как современный период развития монархии. Как отмечает О.В. Авакова, наиболее парадоксальной чертой устройства Англии является отсутствие в ней конституции, вместо которой существуют многочисленные парламентские акты и судебные уложения¹³⁶. Наиболее важными документами, повлиявшими впоследствии на становление конституционной монархии, являлись Великая хартия вольностей 1215 года, Билль о правах 1689 года и ряд отдельных актов, принятых парламентом Англии в период с XVII по XX века. Примечательно, что Magna Carta остается по сути одним из ключевых статутов и в современной Англии, поскольку Конституции в виде единого документа в этой стране не существует по сей день.

Параллельно с развитием конституционной монархии, в Англии происходит и становление уголовного права. Основными особенностями периода с XVI по XX века является, во-первых, появление большого количества новых преступлений вследствие буржуазной революции: *violations of freedom, quartering, illegal punishment* и другие. Во-вторых, поскольку с XVII века Англия активно участвует в колонизации других стран, расширяется сфера правоотношений, что

¹³⁶ Авакова О.В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – С. 138-139

также приводит к появлению новых терминов, обозначающих преступные деяния: *corrupt practice of Parliament election, corruption, misuse of the documents*¹³⁷.

Отмечается, что в период нового права в Англии сложилась система уголовного права, состоящая из трех ключевых элементов: *treason* (измена), *felony* (тяжкое преступление) и *misdemeanour* (преступление или правонарушение небольшой тяжести). При этом *treason* делился на *high treason* (государственную измену) и *treachery* (предательство), к *felony* относились такие преступления, как, например, *blackmail* (шантаж), а к *misdemeanours* относили нетяжкие преступления, к примеру, *barratry* (сутяжничество)¹³⁸. Такая система действовала в Англии до конца XIX века, затем это деление стало ослабевать, а в 1967 году, согласно Criminal Law Act, было упразднено и уступило место системе, основанной на объекте нарушения и действующей в Англии и по сей день:

Crimes against (преступления против):

1. *The state* (государственного строя);
2. *Property* (собственности);
3. *Justice* (правопорядка);
4. *Religion* (религии);
5. *Reputation* (репутации);
6. *Security* (безопасности);
7. *Morales* (морали).

Кроме того, ключевым является и тот факт, что для признания того или иного лица виновным в преступлении, необходимо наличие четырех элементов преступлений: *actus reus* (*guilty act*), *mens rea* (*guilty mind*), *subjective element* (субъективной) and *objective element* (объективной стороны преступления). При отсутствии одного из этих элементов состав преступления является недоказанным.

В отличие от более ранних периодов развития права в Англии, с XVI века существовали два суда по уголовным делам в рамках общего права – King's Bench

¹³⁷ Stephen John Henry. Stephen's Commentaries on the laws of England. Volume 3. – London, 1950. – 580 pp.

¹³⁸ Там же. P.10

и Old Bailey (в настоящее время известен под именем Central Criminal Court). Обжалование приговоров, вынесенных в этих судах, происходило в Палате Суда Казначейства (the Court of the Exchequer Chamber), затем – в Палате Лордов (the House of Lords). Лишь в 2009 году, law lords были переименованы в судей Верховного суда¹³⁹.

Кроме указанных институциональных судов, до 1965 года существовали выездные суды (circuit riding), которые были призваны рассматривать запутанные дела гражданского и уголовного толка, с которыми не справлялись местные магистраты.

Следует упомянуть один из важнейших институтов охраны правопорядка – полицию. Необходимость существования такого учреждения осознавалась англичанами еще в средневековье и даже в древнейшее время, однако лишь в 1829 году был выпущен Metropolitan Police Act, согласно которому была организована Metropolitan Police Force¹⁴⁰. Помимо городской полиции, существовали также The Bow Street Patrols (Bow Street runners), Police Office constables и The Marine/River Police. Как в том же году, когда была создана городская полиция, основной задачей ее было предотвращение преступлений, затем – установление обстоятельств произошедших преступлений и наказание преступников¹⁴¹.

Таким образом, полиция, судебная система, а также пенитенциарная система являются основными элементами современной системы правопорядка и имеют непосредственное отношение к уголовному праву Англии. Следует отметить, что каждому из этих элементов присущи определенные особенности, проявляющиеся в терминологии этих областей, однако наибольшую часть составляют термины, которые употребляются как в системе уголовного, так и наказательного права.

¹³⁹ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.225

¹⁴⁰ Conway Lawrence. A Brief History of the British Police. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cheltjules.wordpress.com/2011/06/29/a-brief-history-of-the-british-police/>

¹⁴¹ Там же

Примечательность новоанглийского периода с точки зрения развития языка заключается, во-первых, в том, что именно Новое время в Англии является началом становления терминосистемы английского права, в то время как древнеанглийский и среднеанглийский периоды можно охарактеризовать как периоды стихийного формирования и складывания терминологии¹⁴². Во-вторых, именно в это время, вытеснив французский из практически всех областей жизни, начинает свое формирование национальный английский язык, на базе которого уже в полной мере оформляются профессиональные языки, а значит, и специальные терминологии¹⁴³.

Объединяя и «собирая» региональные диалекты воедино, английский язык раннеанглийского периода характеризуется центростремительными тенденциями. Как отмечает А.И. Смирницкий, вытеснение французского и становление английского языка как национального вызвано в первую очередь ростом городов, урбанизацией, увеличением численности городского сословия – буржуазии, вместе с тем – развитие мелкопоместного дворянства (gentry) и мелких независимых землевладельцев недворянского происхождения (franklins)¹⁴⁴. Именно эти два сословия, говорившие на английском, в наибольшей мере поспособствовали укреплению роли английского в стране, в то время как французский оставался языком аристократии.

В результате активного развития новых отношений и урбанизации ключевую роль в Англии начинает играть Лондон. Именно лондонский диалект, влияние на который, впрочем, в немалой степени оказал восточномидлендский диалект, стал наиболее престижным вариантом, а также дал возможность общения людям, говорившим на разных региональных вариациях английского.

Событием, имевшим решающее влияние на развитие английского языка, было изобретение книгопечатания в 1476 году в Вестминстере. Возможность

¹⁴² Шабардина С.В. Становление терминосистемы права в английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – С.160

¹⁴³ Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.223

¹⁴⁴ Смирницкий А. И. Лекции по истории английского языка. – М.: Добросвет, КДУ, 2011. – С.141

печатать тексты значительно поспособствовала распространению грамотности, а впоследствии также сделала возможным издание различных словарей. Следует отметить, что столетием позже, в XVI веке, лексикография стала активно развиваться из-за повышенного интереса к лексике, вызванного, в свою очередь, как притоком латинской лексики в области гуманитарных наук, так и возросшей необходимостью изучения и последующего отбора лексики.

Нельзя не упомянуть о роли латинского языка в ранненовоанглийский период. Как установлено достоверно исследователями, английский язык содержит три массивных слоя лексических заимствований, каждый из которых был обусловлен определенными историческими и культурными тенденциями и событиями, а также связан с определенными областями знаний¹⁴⁵: заимствования древнего периода (первые века нашей эры); заимствования, связанные с принятием христианства в VI-VII веках; и заимствования XVI века, в эпоху Возрождения¹⁴⁶, которая была отмечена научным прогрессом, развитием науки и искусства, что и было сопряжено с заимствованием большого объема новой лексики. Именно в то время, когда латынь была вытеснена из сферы употребления английского языка, в английский пришло наибольшее количество латинских заимствований. Как отмечает В.Д. Аракин, «латынь была побеждена путем заимствования терминов из латыни¹⁴⁷».

В целом, благодаря переводу Библии Уиклифом еще в эпоху позднего средневековья английский язык пополнился массивом новой латинской лексики, которая имела отношение далеко не только к теологии и религии, но и к праву, медицине, науке, литературе и другим сферам. Кроме того, этот приток заимствований также привел к очень примечательной особенности лексики современного английского языка – большому количеству синонимических рядов, в которых присутствуют три уровня синонимии: так, пример *ask – question –*

¹⁴⁵ Николаева О.С. Методика обучения переводу научных текстов на основе учета этимологической составляющей терминов: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – С.33-36

¹⁴⁶ Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка: учеб. пособие для студ. пед. вузов. -М., 2007. – С. 49

¹⁴⁷ Аракин В.Д. История английского языка: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов - 2-е изд. М., 2001. – С.33

*interrogate*¹⁴⁸, в котором третий, наиболее высокопарный синоним является также и правовым термином, позволяет предположить, что лексика права в позднее средневековье и новое время пополнялась за счет так называемых *aureate terms*, по аналогии с тем, как в древнеанглийский период базовый словарь будущих правовых терминов складывался из единиц с оценочным компонентом.

Что касается роли латинского языка в Англии, несмотря на существование самобытного *common law*, который был «изобретен» англосаксами, латинский язык и связанная с ним римская правовая культура имели длительное и ощутимое влияние на государственный строй и систему права страны. Так, после распада Римской империи, регионы, относившиеся к ее западной части, еще долгое время пользовались латинским языком в решении правовых вопросов, поскольку не имели своих в достаточной мере развитых языков права. При этом, учитывая консерватизм правовой сферы, переход от латинского языка к национальному происходил очень медленно. Это относилось как к процессу обучения будущих юристов, так и всей юридической науки в целом. Зачастую в странах западной Европы теоретические работы по праву писались на латыни вплоть до XIX века. При этом, около 4000 юридических работ было опубликовано на латинском языке в XVI веке, не учитывая переработанные издания античных и средневековых трактатов правового характера. Расцвет латинской литературы, отмеченный XVI-XVIII веками, продолжался до XIX века.

Что касается международного общения, латынь оставалась *lingua franca* до XVII века, ее приемником стал французский. До конца средних веков и начала нового времени в разных странах Европы практически вся юридическая, а также законодательная деятельность выполнялись на латинском языке. В Англии этот процесс прекратился лишь на закате среднеанглийского периода, когда французский язык вытеснил латинский, а затем был заменен английским языком¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Baugh C. Albert, Cable Thomas, *A History of the English Language*, Fifth edition. – London: Pearson Education, 2002. – P.173-174

¹⁴⁹ Mattila E.S. Heikki. *Comparative Legal Linguistics*. – London, Ashgate Publishing Company, 2006. – P.128-129

Важной исторической и лингвистической особенностью эпохи является также открытие в 1492 году Колумбом Америки. Буквально за несколько веков Соединенные Штаты Америки стали совершенно независимым и «полноценным» государством, что дало рождение новому варианту английского языка, а также последующему появлению и развитию профессиональных терминологий. Однако, поскольку американская юридическая терминология имеет ряд специфических особенностей, отличных от английской терминологии, она является предметом отдельных исследований. Следует лишь отметить, что ряд терминов появлялись в английском языке сначала в США, а затем стали употребляться и в Великобритании, и эта тенденция сохраняется по сей день. При этом несомненно, что и британский, и американский варианты английского языка были и остаются тесно связаны между собой, в особенности в плане профессиональной лексики, поскольку она описывает в высокой степени схожие реалии.

Как уже говорилось выше, именно в новоанглийский период происходит становление терминосистемы уголовного права. Что означает этот тезис? Во-первых, то, что происходит осознанное, а не спонтанное, как в древне- и среднеанглийском периоде, формирование лексики. Начинается период развития и формирования профессиональных языков. Во-вторых, речь идет не просто о терминологии, а о терминосистеме^{*10}.

Основными способами пополнения терминологии уголовного права в английском языке в рассматриваемый период является, во-первых, терминологизация. Примечательно, что в среднеанглийский период преимущественным способом пополнения специальной лексики является заимствование единиц из нормандского диалекта французского и латыни, однако далеко не все заимствованные единицы обладали специальным значением, и терминологизировались они именно в новоанглийском периоде. К таким терминам относятся: *battery, barratry, discovery, acquittal, serial, stalker* и другие.

Заимствования в новоанглийский период также имели место, однако уже не из нормандского диалекта, поскольку в это время он воспринимается как

провинциальный вариант, а из парижского варианта французского. В целом этот процесс начался еще в позднее средневековье.

При этом зачастую заимствованные единицы незначительно видоизменяются, добавляя, к примеру, вместо французского суффикса *-ie* английский *-y*: *amnesty, impunity, testimony, custody*. Среди заимствованных единиц можно выделить термины с повторяющимися суффиксами:

- *-al (adj)* – *carceral, judicial, penal, criminal*;
- *-al (n)* – *trial, dismissal, refusal, testimonial*;
- *-y (n)* – *amnesty, impunity, testimony, custody*;
- *-tion (n)* – *confiscation, prosecution, molestation, conviction, probation, coercion, corroboration*;
- *-or (n)* – *perpetrator, prosecutor*.

Что касается глаголов, особенно активно пополняется класс слабых глаголов за счет новых заимствований, оканчивающихся на *-ate*: *confiscate, corroborate, perpetrate, incarcerate, deliberate* и других.

Впоследствии некоторые из рассмотренных выше суффиксов становятся самостоятельными средствами терминообразования, наряду с такими, как:

- *-y (n)* – *burglary, forgery*;
- *-al (adj)* – *acquittal, intentional*;
- *-ing (n)* – *abetting*;
- *-ous (adj)* – *slandorous, felonios*;
- *-er (n)* – *barrister, molester, stalker*;
- *-ment (n)* – *embezzlement, infringement*;

Среди наиболее продуктивных приставок, которые образовывали новые термины в новоанглийский период, можно выделить следующие:

- *-pre-* – *pretrial, preordain, prejudge, prejudice*;
- *-re-* – *reexamine, rehear, retrial, reaggravate, rejoin, reprobate, reattach*;
- *-mis-* – *mistrial, misjudgment, misuse, misdemeanor, misfeasance, misprision*.

Что касается других морфологических способов терминологического словообразования, в новоанглийский период продолжается формирование терминов в результате конверсии. При этом процесс конверсии происходит как в направлении от существительного к глаголу, что было более распространенным в среднеанглийский период (*blackmail, mob, scheme*), так и наоборот, от глагола к существительному (*attempt, sabotage*).

Еще одним примечательным способом терминологического словообразования в новоанглийский период является усечение основ. Примерами этого способа являются термин *burglar*, образованный от *burglator*, а также глагол *jeopard*, являющийся обратным формантом от *jeopardy*. Следует отметить, что данный способ не слишком распространен в рассматриваемой терминологии, однако представляет вниманию исследователя достаточно примечательные примеры.

Синтаксический способ терминологического словообразования в новоанглийский период приобретает особую важность. Ранее словосочетания неохотно включались в словари, поскольку существовала тенденция не рассматривать их как лексические единицы¹⁵⁰. Как отмечает А.И. Смирницкий, в результате большого объема заимствований в английском языке появились длинные многосложные слова, что было отличным от англосаксонского вокабуляра, который в основном состоял из одно- или двусложных словоформ¹⁵¹. В целом появление наибольшего количества терминов-словосочетаний приходится на современный период, начиная с XIX века.

Среди морфосинтаксических способов терминологического словообразования особого внимания в рамках рассматриваемой терминосистемы заслуживает аббревиация, которая особенно активно развивалась в XX столетие.

Что касается прочих особенностей складывания терминологии уголовного права в английском языке в новоанглийский период, в XVIII-XIX веках в

¹⁵⁰ Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. – М.: Академия, 2008. – С.145

¹⁵¹ Смирницкий А. И. Лекции по истории английского языка. – М.: Добросвет, КДУ, 2011. – С.223

английском языке начинается складываться фонд интернациональной лексики^{152 *11}.

Как уже говорилось выше, развитие уголовного права Англии в XX веке шло в определенной степени под влиянием тех процессов, которые происходили в мире и в частности в Европе. Так, Нюрнбергские процессы 1945-1949 годов, на которых судили нацистов, оказали ключевое влияние на становление международного уголовного права в целом и создание Международного уголовного суда (International Criminal Court/ICC). Одной из причин создания такой организации являлась необходимость гармонизации уголовного права для международных процессов в связи с несоответствием терминологии уголовного права, описывающей систему Германии, где проходили процессы, и американской терминологии, и системы правосудия. Некоторые термины, как, например, *genocide*, *medical crimes*, вошли в английскую терминологию именно из материалов судебных процессов над нацистами.

Становление английской терминологии уголовного права в новоанглийский период было отмечено многообразием факторов, оказавших на него влияние, как-то: постепенное формирование конституционной монархии, становление института полиции и другие. Центростремительные тенденции развития английского языка данного периода также нашли отражение в том факте, что терминология уголовного права именно в новоанглийский период стала терминосистемой, то есть термины прошли систематизацию и отбор.

Новоанглийский период развития терминосистемы уголовного права отмечен многообразием способов терминообразования: семантическим (терминологизация, заимствования), морфологические (суффиксация, префиксация, конверсия), синтаксическим и морфосинтаксическим (аббревиация). Поскольку новоанглийский период развития языка продолжается по сей день, то некоторые из терминов и способов терминообразования, присущие последним нескольким столетиям, будут рассмотрены в последующей главе, в параграфе «Типология современных англоязычных терминов уголовного права».

¹⁵² Там же. С. 217

Комментарии к Главе 2

*Однако, к примеру, О.В. Авакова утверждает, что это не являлось характерной особенностью периода, и язык англосаксов обладал необходимым количеством понятий, которые обозначали те или иные правовые реалии¹⁵³. Данный тезис едва ли возможно прояснить до конца: как уже говорилось выше, сведения о становлении государственности, а также других аспектах жизни страны в данный период носят эпизодический характер. Установлено достоверно, впрочем, что латинский язык оказал значительное влияние на письменность англосаксов – ранее ими использовались рунические символы, которые впоследствии были латинизированы. Примеры латинизированных терминов наиболее широко представлены в последующем, среднеанглийском периоде становления языка.

*²В русских источниках, посвященных истории государства и права Англии, встречается транслитерированный термин *вира* (наряду с *фелонией*, *берглэри* и т.д.).

*³Примеры терминов взяты из Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. – URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz/036410>.

*⁴В паре *bôtwyrðe – bôtléas wyrðe* (совр. *worth*) является суффиксом, однако эта словообразовательная частица выступает в некоторых случаях и как полнозначный корень: *fyrð-wyrð*, *efen-wyrðe*.

*⁵Прототермин в данном контексте следует считать «прообразом», первичным вариантом термина, поскольку в древнеанглийском периоде не было терминов в современном понимании этого слова, однако имели место единицы, которые в последующих периодах терминологизировались и стали частью терминосистемы уголовного права.

*⁶Разница между этими понятиями состоит в том, что для совершения шпионажа (*espionage*) необходимо сведения получить, а затем распространить или передать. Человек, совершивший государственную измену (*treason*), этими сведениями обладал изначально.

¹⁵³ Авакова О.В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – С. 94

^{*7}По мнению некоторых исследователей (James Fitzjames Stephen, A History of the Criminal Law of England; Frederic William Maitland, The Constitutional History of England: A Course of Lectures Delivered; Floyd Seyward Lear, Treason in Roman and Germanic Law: Collected Papers) это объясняется важнейшим концептом эпохи – «миром короля» (mund/grith/frith) и его нарушением (mundbryce). Тем не менее, не все исследователи согласны со столь важным положением этого понятия (см., к примеру, J. Goebel Jr, A Study in the History of English Criminal Procedure, Vol.1).

^{*8}Поскольку конверсия является характерной особенностью среднеанглийского периода, это явление анализируется именно в этой части работы.

^{*9}Методика подсчета: при подсчете брался век терминологизации (обозначения $T_{t1}, T_{t2}...T_{tn}$, где 1, 2...n – порядковый номер века) и из него вычитался век появления слова в языке (обозначения $T_{i1}, T_{i2}... T_{in}$, где $i1, i2...in$ – порядковый номер века). Затем все получившиеся значения складывались и делились на количество исследуемых терминов (n):

$$\frac{(T_{t1}-T_{i1})+(T_{t2}-T_{i2})+...+(T_{tn}-T_{in})}{n}$$

^{*10}Данный тезис будет доказан ниже, при описании типологических особенностей современных терминов уголовного права.

^{*11}Особенности структурных моделей многословных терминов, а также терминов-аббревиатур и интернациональных терминов будут рассмотрены в разделе «Типология современных англоязычных терминов уголовного права».

Выводы к Главе 2

Становление английской терминологии уголовного права происходило в три основных крупнейших периода развития общего языка: древнеанглийский, среднеанглийский и новоанглийский. Последний период захватывает настоящее время, поэтому ряд особенностей рассматриваемой терминологии продолжают формироваться по сей день.

В древнеанглийский период развития английского языка уже существовали понятия, которые сегодня принято относить к уголовному, уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному праву. Однако в этот период едва ли можно говорить об устойчивой терминологии и тем более – о терминосистеме. Основу лексики, которая в последующие этапы постепенно превращалась в упорядоченную структуру, составляли единицы с оценочным компонентом, или, иначе говоря, прототермины. При этом уже в древнейший период лексика показывала определенную склонность к системности, что объясняется двойственным характером (прото)терминов – единиц как общего языка, так и специальной лексики. При этом термин этого периода значительно отличается от того понятия, которое подразумевается под термином сегодня, в первую очередь – из-за недостаточно высокой степени системности терминологии в тот период.

В среднеанглийский период лексика английского уголовного права характеризуется, во-первых, огромным количеством латинских и французских заимствований, что было связано с политической, исторической и языковой обстановкой в стране в данный период. Важнейшим явлением в области терминообразования этого периода следует назвать также конверсию терминов. Важно также отметить, что именно в среднеанглийский период наблюдался наибольший приток новых терминов, что оказало непосредственное влияние на проявление системных черт: чем больше в языке накоплено определенного лингвистического материала, тем четче проявляются определенные тенденции. В целом, характеризуя эту эпоху, нужно отметить, что речь идет уже о

терминологии уголовного права с проявлением отдельных системных черт, поскольку начинается процесс упорядочивания единиц специальной лексики.

В результате рассмотрения вопроса о подвижности лексики права в среднеанглийский период выделены пять групп лексики в зависимости от степени их фиксированности/подвижности: древнейшие исконные термины, оставшиеся в языке по сей день и не замененные заимствованиями (0), исторические термины права (1), детерминологизированные единицы (2), латинизированные термины (3) и исконные или заимствованные из древнескандинавского единицы, замененные французским или латинским заимствованием в среднеанглийский период (4). Факторы, объясняющие фиксированность и подвижность этих групп, включают в себя лингвистические (утрата рунических символов и латинизация, 3 группа) и экстралингвистические причины: социальные (всеобщий характер романизации лексики, 4 группа), исторические и правовые (уход реалии в прошлое, 1 группа, и переосмысление понятий преступление, 2 группа). Наличие единиц группы 0 в современном языке свидетельствует о консерватизме, который присущ правовой сфере, а также о том, что базовые нормы морали, тесно связанные с христианством, не были утрачены с ходом времени.

В новоанглийский период развития английского языка наблюдается выраженное стремление к систематизации и отбору лексики. Тот массив вокабуляра, который был заимствован в среднеанглийский период, зачастую терминологизировался лишь в новоанглийский этап. Кроме того, активное развитие промышленности, науки и техники в Возрождение, а также изобретение книгопечатания, появление и развитие лексикографии оказали ключевое влияние на оптимизацию и систематизацию терминологии. Наконец, появление института полиции, развитие таких областей, как криминалистика, судебная медицина и другие, не могли не повлиять на развитие терминологии. Во многом многообразие тенденций развития права в этот период определило тот многогранный характер терминообразования, который исследователь наблюдает в ранненовоанглийский период.

Системная природа и особенности современных английских терминов уголовного права будут рассмотрены детально в следующей главе, посвященной современному состоянию английской терминологии уголовного права.

Глава 3. Современное состояние английской терминологии уголовного права и проблема перевода терминов

§1. Типология современных англоязычных терминов уголовного права

Одним из существующих подходов к изучению терминологии является типологический подход, который предполагает выделение типов терминов с точки зрения определенных аспектов. Следует отметить, что в данной работе, вслед за А.Г. Анисимовой, термин *типология* используется в узком смысле, то есть имеется в виду изучение терминологического материала «как совокупности различных терминологических типов, объединенных в единую систему¹⁵⁴».

Системная природа термина в целом (и термина уголовного права в частности) является важнейшим свойством, требующим рассмотрения в данной работе и предполагающим, что в рамках терминологии термин взаимообусловлен другими терминами. Это означает, что каждая единица терминологии имеет определенное место в системе и обладает только ей присущим определенным значением, которое не равно значению никакого другого элемента этой же системы¹⁵⁵. В терминологии уголовного права системность можно проиллюстрировать на примере терминов *oath*, *perjury*, *statement*, *witness*, *testimony*:

oath – swearing to the truth of the statement; if one makes a statement under oath and knows it to be false, one may be subjected to a prosecution for perjury or other legal proceedings¹⁵⁶;

perjury – criminal offense of making false statements under oath or affirmation¹⁵⁷;

statement – a declaration of fact; an allegation by a witness¹⁵⁸;

witness – one who gives evidence in a cause before a court and attests or swears to facts or gives or bears testimony under oath¹⁵⁹;

¹⁵⁴ Анисимова А.Г. Типология терминов англоязычного искусствоведения: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – С.3

¹⁵⁵ Анисимова А.Г. Методология отбора терминов при обучении языку для специальных целей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С.101

¹⁵⁶ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.369

¹⁵⁷ Там же. P.392

¹⁵⁸ Там же. P.513

¹⁵⁹ Там же. P.588

testimony – statement made by a witness, under oath, usually related to a legal proceeding or legislative hearing¹⁶⁰.

Иными словами, дефиниция термина *oath* основывается на определении термина *perjury*, который определяется через термин *statement*, который, в свою очередь, имеет в своей дефиниции термин *witness*, тогда как *witness* определяется через термин *testimony*. Дефиниция термина *testimony* отсылает обратно к термину *oath*.

Похожая картина наблюдается и в отношении терминов *felony*, *misdemeanor*, *penalty*, *punishment*, *sanction*, *crime*:

felony – generic term employed to distinguish certain high crimes from minor offences known as misdemeanors¹⁶¹;

misdemeanor – a class of criminal offences consisting of those offenses less serious than felonies and which are sanctioned by less severe penalties¹⁶²;

penalty – sanction, usually an amount of money, imposed as punishment for civil or criminal wrongdoing¹⁶³;

punishment – sanctions imposed on a person because that person has been found to have committed some act¹⁶⁴;

sanction – a punishment for violation of accepted norms of social conduct, which may be of two kinds: those which redress civil injuries, and those that punish crimes¹⁶⁵;

crime – any act which the sovereign has deemed contrary to the public good...they include felonies and misdemeanors¹⁶⁶.

Как видно из приведенных дефиниций, определение термина *felony* дается через термин *misdemeanor*, в определении которого упоминается термин *penalty*, который, в свою очередь, определяется через термин *punishment*, а *punishment*

¹⁶⁰ Там же. Р.544

¹⁶¹ Там же. Р.214

¹⁶² Там же. Р.342

¹⁶³ Там же. Р.390

¹⁶⁴ Там же. Р.431

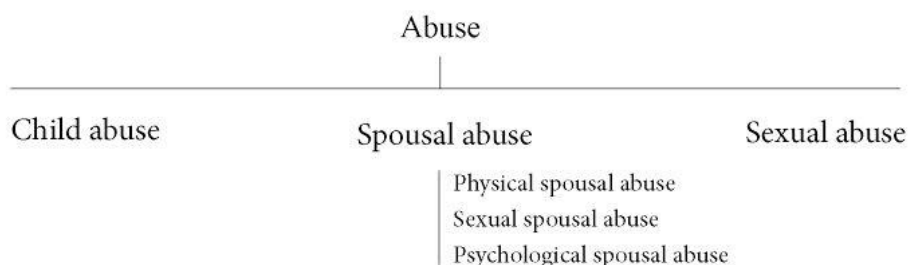
¹⁶⁵ Там же. Р.479

¹⁶⁶ Там же. Р.129

определяется через термин *sanction*. Дефиниция термина *sanction* отсылает к термину *crime*, а его дефиниция содержит термин *felony*.

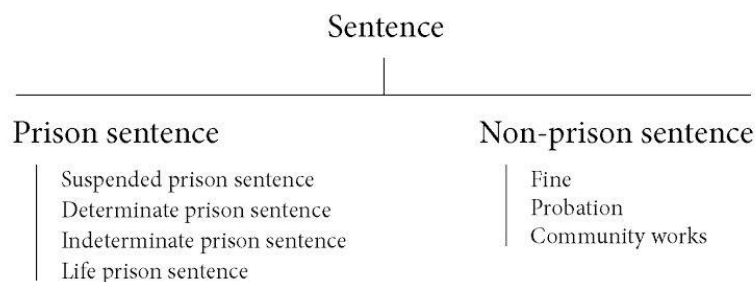
Анализируя системную природу термина, помимо взаимообусловленности терминов, нельзя не упомянуть также о принципе *genus proximum et differentia specifica*, сформулированным О.С. Ахмановой и означающим, что термин в терминологии, будучи её частью, находится в родовидовых отношениях с другими терминами. Иначе говоря, индивидуальный признак видового термина не разделяется с другими видовыми терминами и является соподчиненным понятием, которое находится в связи с подчиняющим понятием – родовым термином¹⁶⁷.

В исследуемой терминологии принцип *genus proximum et differentia specifica* может быть проиллюстрирован на примере термина *abuse*. Ниже представлены отношения между родовым термином *abuse* и видовыми терминами *child abuse*, *spousal abuse* и *sexual abuse*. Последний из видовых терминов, в свою очередь, является родовым для терминов *physical spousal abuse*, *sexual spousal abuse* и *psychological spousal abuse*.

Другим примером является термин *sentence*, который является родовым термином для *prison sentence* и *non-prison sentence*. При этом *prison sentence* является родовым термином для *suspended prison sentence*, *determinate prison sentence*, *indeterminate prison sentence* и *life prison sentence*. *Non-prison sentence* не является родовым для терминов *fine*, *probation*, *community service*, однако он входит в семантическое поле «non-prison sentence» в рамках правовой системы Англии.

¹⁶⁷Анисимова А.Г. Методология отбора терминов при обучении языку для специальных целей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С.102

Подобных примеров можно было бы с легкостью привести большое количество, что свидетельствует о том, что в терминологии уголовного права хорошо развиты отношения, построенные по принципу *genus proximum et differentia specifica*.

Исследование свыше 5000 англоязычных терминов уголовного права показало, что в рамках этой системы можно выделить определенные типы терминов. Однако, прежде чем перейти к описанию типологии, необходимо определить аспекты, с точки зрения которых типы терминов будут выделяться.

Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу, термин должен быть рассмотрен в трех аспектах: синтаксическом (строение, форма термина), семантическом (содержание, значение термина) и прагматическом (функционирование, особенности применения термина)¹⁶⁸.

В нашем случае более целесообразным подходом представляется рассмотрение терминов с точки зрения плана выражения, плана содержания и прагматики.

С точки зрения структуры, термины уголовного права представлены двумя типами: однословные (моноксемные) и многословные (полилексемные). Большинство современных терминов уголовного права (58%) составляют моноксемные термины. К ним относятся корневые, производные, составные и составные производные термины.

Моноксемные термины:

- Корневые термины: их основа совпадает с корнем – *abet, abuse, act, alibi*;

¹⁶⁸ Гринева-Гриневич С.В. Терминоведение. – М.: Академия, 2008. – С.31

- Производные термины: лексические единицы, которые состоят из основы и аффиксов – *abandonment, abduction, accusation, acquittal, adjudication*;
- Составные термины: лексические единицы, образованные путем сложения двух и более основ – *counterfeit, blackmail, cybercrime*;
- Составные производные термины: лексические единицы, которые образованы деривацией и комбинацией двух и более основ¹⁶⁹ – *counterclaimant, manslaughterer*.

Исследование показало, что 65% моноксемных терминов являются производными, 29% – корневыми, а составные и составные производные представляют лишь 5% и 1% соответственно.

К полилексемным терминам относятся различные терминологические словосочетания, о чем будет подробнее сказано ниже.

В целом в терминологии уголовного права присутствуют корни, обладающие высокой деривационной способностью. Среди них, например, *law-* – *lawyer, lawful, unlawful, lawsuit*; *crim(e)-* – *criminal, criminalistics, criminalization*, *just-* – *justice, justification, justifiable, (un)just*.

Исследование показало, что большинство терминов в изучаемой терминологии образованы морфологически, то есть при помощи аффиксов.

Так, среди наиболее часто встречающихся суффиксов можно выделить следующие:

Суффиксы существительных:

- *-ion* – *codification, criminalization, coercion, prosecution, conviction, assassination*;
- *-ment* – *punishment, agreement, judgement, embezzlement, indictment*;
- *-ence* – *negligence, sentence, evidence, violence, interference*;
- *-y* – *custody, robbery, battery, burglary, felony, forgery*.

Суффиксы прилагательных:

¹⁶⁹Алимурадов О.А., Лату М.Н. Особенности терминологической номинации: когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств) // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. – 2008. – № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. – С. 8

- *-al* – *penal, criminal, carnal, intentional, accidental, custodial, (non) fatal, (un)intentional, mortal, (non-) consensual, racial (profiling)*.
- *-(a/i)ble* – *admissible, indictable, indispensable*;
- *-(y)* – *petty, risky, heavy (fine), (not) guilty*;
- *-(ry)* – *exculpatory, inculpatory, accusatory, adjudicatory*.

Помимо вышеперечисленных частотных суффиксов, в терминологии присутствуют, хотя и в значительно меньшем количестве, прилагательные с суффиксами:

- *-lent*: *fraudulent, (ultra)violent*;
- *-or*: *minor, major*;
- *-ous*: *serious (crime), judicious, malicious (crime)*.

Как правило, добавляемый суффикс привносит определенное значение в семантику термина. Так, суффикс *-ing* привносит значение процесса: *rehearing, engaging, testifying*; суффиксы *-or/-er* обычно означает деятеля: *perpetrator, prosecutor, corroborator, lawyer, officer, offender*, однако в рассматриваемой терминологии есть и другие примеры: *joinder* – uniting of several causes of action or parties in a single suit¹⁷⁰.

В данной терминологии также возможно выделить и повторяющиеся префиксы:

- *Un-* – *unlawful, unfair, undue*;
- *In-* – *involuntary, insane, inculpatory*;
- *Anti-* – *anti-avoidance, antidiscrimination (act), anti-fraud*;
- *Non-* – *non-insane, nonfeasance, non-molestation*;
- *Over-* – *overrule, overtake, overthrow*;
- *Pre-* – *pre-action, pre-assault, pretrial*;
- *Re-* – *re-examination, re-hearing, retrial*¹⁷¹.

¹⁷⁰Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.289

¹⁷¹Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – 595 pp.; Колонтаевская И.Ф. Англо-русский криминально-юридический словарь. – М., 2000. – 192 с.

С точки зрения плана выражения, термины, во-первых, можно разделить согласно тому, какой частью речи они выражаются. Общеизвестно, что в различных терминологиях наибольшую группу представляют существительные. Так, более 80% терминов искусствоведения выражены существительными¹⁷². Большинство терминов юридической терминологии (81%¹⁷³) также представлено существительными или номинативными конструкциями: *offence, crime, court, defense, warrant, proof, punishment, arrest, murder, burglary, rape, manslaughter, jury, trial, prosecution, conviction, assassination, deposition, judge, summon, blackmail, alibi, assault, larceny, fraud, perjury, witness, victim blaming, transmitting diseases, search warrant* и многие другие. Как показало исследование, среди терминов уголовного права существительные и номинативные конструкции составляют 68%.

Причина преобладания имён существительных в терминологиях была объяснена еще О.С. Ахмановой: высокая степень развитости существительных в европейских языках дает неограниченные возможности для образования отвлеченных существительных от прилагательных, поэтому основной состав терминологии может быть ограничен существительными¹⁷⁴, а также А.Г. Анисимовой: существительные, как опора терминосистемы, выделяют статический, фиксированный слой словарного запаса, его перманентную сущность, в то время как глаголы отражают динамический слой. Поскольку существительные обозначают не только предметы и лица, но и процессы, они являются наиболее универсальной частью речи¹⁷⁵. Тем не менее, в исследуемой терминосистеме присутствуют термины, выраженные другими частями речи, например, глаголами, прилагательными, причастиями, наречиями. Так, например, в разных юридических словарях (в таких, как Steven H. Gifis Law Dictionary. N.Y.: Barron's, 2010; Black's Law Dictionary 4th Edition (Rev.). St.Paul, 1968;

¹⁷² Анисимова А.Г. Типология терминов англоязычного искусствоведения: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – С.27

¹⁷³ Анисимова А.Г. Теория и практика перевода терминов гуманитарных и общественно-политических наук. – М., Университетская книга, 2008. – С.6

¹⁷⁴ Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – С.24-39

¹⁷⁵ Анисимова А.Г. Типология терминов англоязычного искусствоведения: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – С.27

Колонтаевская И.Ф. Англо-русский криминально-юридический словарь. М., 2000) зарегистрированы следующие термины: *probative, judicial, accidental, admissible, detected, to rob, to sabotage, to sanction, to sentence, to shepardize, tried, unlawfully, non-detected, legitimate* и другие.

Среди полилексемных терминов необходимо выделить определенные частотные модели построения. В рассматриваемой терминологии среди таких моделей можно выделить следующие: номинативные, адъективные, а также вербальные модели.

Исследование показало, что наиболее распространенными структурными моделями являются следующие:

- Существительное+существительное: *justice court, confiscation order, privilege law, death sentence, jury selection, search warrant, drug possession*;
- Существительное+предлог+существительное: *arrest of judgment, court of law, court at law, obstruction of justice, finder of fact, degree of crime, burden of proof*;
- Прилагательное/причастие II+существительное: *capital punishment, preventive detention, statutory offence, caused damages, excluded evidence, subpoenaed witness, open deposition*;
- Глагол+существительное: *to give amnesty, to give pardon, to invade property, to depose a witness, to grant a retrial, to break a law, to abuse an office, to get defence*;
- Глагол+союз+глагол: *to bait and switch, to hit and run, to aid and abet, to cease and desist*;

А также конструкции, в составе которых предлоги соединяют разные части речи:

- Глагол+предлог+существительное: *to (re)appear for trial, to be under subpoena, to bring (smth) to a halt*;
- Предлог+существительное: *ad hoc, ab initio, ad litem, in delicto, contra legem, de jure, ad damnum, post mortem*;

- Прилагательное+предлог+местоимение (в основном латинские термины): *actionable per se, malum per se, actionable per quod*¹⁷⁶.

Следует также отметить, что помимо полнословных терминов в терминосистеме уголовного права задействовано большое количество акронимов. Так, аббревиатуры могут называть преступления: *DUI=driving under influence* – управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения или под действием наркотиков (в Англии более распространен термин *drunk driving*), *ABH=Actual Bodily Harm* – причинение телесных повреждений; должности в юридической системе страны: *VCJ=Vice Chief Justice, AAL=Attorney at Law*; организации: *JJD=Juvenile Justice Department, TTF=Terrorism Task Force*; а также определенные уголовно-процессуальные реалии: *VOCA=Victims of Crime Act, LFI=Large Fire Incident* и многие другие. Помимо этого, существуют смешанные термины – те, которые частично состоят из аббревиатуры, а частично – из полного слова или слов, и такие термины в основном встречаются в американском дискурсе: *DUI charge, FBI investigator, DEA search warrant, NSA surveillance*.

Таким образом можно утверждать, что термины уголовного права, большая часть которых представлена существительными и номинативными конструкциями (68%), имеют системную природу. Это проявляется через взаимообусловленность терминов, посредством реализации родовидового принципа, и в определенных повторяемых структурных и морфемных моделях построения. У монолексемных терминов, которые представлены в терминологии четырьмя основными подтипами, это характерные повторяющиеся аффиксы. Полилексемным терминам данной терминологии присущи 8 повторяющихся структурных моделей. Кроме того, термины в этой системе могут быть представлены полнословно или в виде аббревиатур для удобства использования их в речи, а также в виде смешанного термина, состоящего из полного слова или слов и аббревиатуры.

¹⁷⁶Duhaime's Law Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duhaime.org/LegalDictionary/Category/LatinLawTermsDictionary.aspx>

С точки зрения плана содержания, следует отметить, что в англоязычной терминологии уголовного права присутствует большое количество консубстанциональных терминов, то есть терминов, заимствованных из общелитературного языка и прошедших в разной степени процесс терминологизации. Так, например, в общелитературном языке:

Article I – 1. A particular item or object;

2. A piece of writing included with others in a newspaper, magazine, or other publication;

3. A separate clause or paragraph of a legal document or agreement, typically one outlining a single rule or regulation¹⁷⁷.

Article II в юридическом словаре представлен только как часть термина *articles of impeachment* – analogous to an *indictment* in an ordinary criminal proceeding, it is the formal statement of the grounds upon which the removal of a public official is sought¹⁷⁸.

Аналогичным образом, в словаре общего языка *attempt I* – an effort to achieve or complete a difficult task or action¹⁷⁹. *Attempt II* в терминологическом словаре – an overt act, beyond mere preparation, moving directly toward the actual commission of a substantive offence¹⁸⁰.

Motion I в словаре общего языка определяется как the action or process of moving or being moved¹⁸¹, а в терминологическом словаре – an application to the court requesting an order or rule in favor of the applicant¹⁸².

Важным процессом, связанным с понятием консубстанциональных терминов, является терминологизация и обратный ей процесс – детерминологизация. Многие российские учёные исследовали данные процессы на примерев различных терминологических систем, а именно: С.В. Гринев-Гриневич, Л.А. Капанадзе, С.П. Хижняк, а также ученые МГУ имени М.В.

¹⁷⁷ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

¹⁷⁸ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.36

¹⁷⁹ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

¹⁸⁰ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.41

¹⁸¹ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

¹⁸² Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.350

Ломоносова: В.А. Татаринов, Н.Б. Гвишиани, Т.Б. Назарова, И.Н. Фомина, Л.А. Манерко, М.Н. Володина, А.Г. Анисимова.

Можно утверждать, что существуют несколько степеней терминологизации. На первой стадии термины входят в терминологические словари, но сохраняют общие семантические черты со словами общего языка. Такими терминами, например, являются наиболее широко известные неспециалистам *punishment*, *case*, *act*, и ниже приведены их дефиниции, взятые из словаря общего языка:

Punishment I – the infliction or imposition of a penalty as retribution for an offence¹⁸³;

Case I – an instance of a particular situation; an example of something occurring¹⁸⁴;

Act I – a thing done; a deed: *a criminal act*¹⁸⁵.

Дефиниции в терминологических словарях совершенно иные:

Punishment II – sanctions imposed on a person because that person has been found to have committed some act¹⁸⁶;

Case II – an action, cause, suit¹⁸⁷;

Act II (wrongful act) – any act which in the ordinary course will infringe upon the rights of another to his damage, unless it is done in the exercise of an equal or superior right¹⁸⁸.

Из приведенных выше дефиниций очевидно, что на первой степени терминологизации у терминов и слов общего языка сохраняется общая сема, хотя термин уже обладает более узким и точным значением.

Вторая степень процесса терминологизации характеризуется приобретением термином еще более узкого значения в профессиональной сфере. Для

¹⁸³ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

¹⁸⁴ Там же

¹⁸⁵ Там же

¹⁸⁶ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.431

¹⁸⁷ Там же. P.73

¹⁸⁸ Там же. P.592

иллюстрации этого целесообразным видится сопоставить определения из словаря общего языка¹⁸⁹ и терминологического словаря.¹⁹⁰ Так, например:

Determination I – the quality of being determined; firmness of purpose¹⁹¹;

Determination II – a decision by a court or other adjudicative body¹⁹²;

Liability I в словаре общего языка – the state of being legally responsible for something¹⁹³;

Liability II – an obligation to do or refrain from doing something; a duty that must eventually be performed¹⁹⁴;

Witness I – a person who sees an event, typically a crime or accident, take place¹⁹⁵;

Witness II – one who gives evidence in a cause before a court and who attests or swears to facts or gives or bears testimony under oath¹⁹⁶.

Третья степень терминологизации связана с потерей семантической связи со словом общего языка: *aid and abet, interference, trafficking*. Именно на этой стадии термин приобретает узкоспециальное значение, понятное лишь специалистам определенной области. Так, например, в словаре общего языка *aid* и *abet* даются отдельно: *aid* – help, typically of a practical nature¹⁹⁷; *abet* – encourage or assist (someone) to do something wrong, in particular to commit a crime¹⁹⁸. В терминологическом словаре *aid and abet* (v) – to actively, knowingly, intentionally, or purposefully facilitate or assist another individual in the commission of a crime¹⁹⁹.

Термин *interference* – the action of interfering or the process of being interfered with²⁰⁰ – также обладает разными значениями как слово общего языка и как термин уголовного права: в словаре общего языка и зачастую уточняется при

¹⁸⁹ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

¹⁹⁰ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – 595 pp.

¹⁹¹ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

¹⁹² Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.156

¹⁹³ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

¹⁹⁴ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.312

¹⁹⁵ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

¹⁹⁶ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.588

¹⁹⁷ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

¹⁹⁸ Там же

¹⁹⁹ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.21

²⁰⁰ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

помощи видового слова (например, *custodial, criminal*²⁰¹) как термин уголовного права. К примеру, в судебном постановлении этот термин определяется следующим образом: a person is guilty of *custodial interference* in the second degree when:

1. Being a relative of a child less than sixteen years old, intending to hold such child permanently or for a protracted period, and knowing that he has no legal right to do so, he takes or entices such child from his lawful custodian; or

2. Knowing that he has no legal right to do so, he takes or entices from lawful custody any incompetent person or other person entrusted by authority of law to the custody of another person or institution²⁰².

Термин *trafficking* в словаре общего языка отсутствует, но присутствует слово *traffic (n)* – the transportation of goods or passengers²⁰³. Термин в юридическом словаре определяется как *illegally transporting or trading goods or people*²⁰⁴.

Таким образом, следует отметить, что система терминов уголовного права состоит в основном из консубстанциональных терминов, которые в разной степени прошли процесс терминологизации. При этом исследователями юридического языка подчеркивается, что, поскольку термины права являются как словами общего языка, так и специального юридического, неизбежно неоднозначное использование терминов, которое может распространяться и на юридическую сферу. Уточняющую роль в этом случае играют правовые определения, то есть дефиниции терминов²⁰⁵.

Следует также отметить, что в исследуемой терминосистеме присутствуют термины, подвергшиеся процессу детерминологизации, в ходе которого термины постепенно утрачивают терминологические черты и нередко становятся частью устойчивых фразеологических выражений. Причина широкого распространения данных выражений в английском языке объясняется в работе британского

²⁰¹ New York State Unified Court System. [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.nycourts.gov/judges/cji/2-PenalLaw/240/240-70\(1\)\(d\).pdf](http://www.nycourts.gov/judges/cji/2-PenalLaw/240/240-70(1)(d).pdf)

²⁰² New York State Penal Law. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.criminaljustice.ny.gov/missing/graphics/nyspenallaw-custodialinterference.pdf>

²⁰³ Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

²⁰⁴ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.551

²⁰⁵ Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. – М.: Инфра-М, 2012. – С. 46

исследователя Бонда: как и английская культура, английское право можно назвать смесью двух значительных культурных сил – германских «народных законов» ('folk-laws'), которые были сформулированы в кодексах Этельберта, Альфреда и Канута, а также римского права, которое было по-своему интерпретировано нормандскими завоевателями и далее применялось уже в XII-XIII веках. При этом немалое количество базовых принципов нашли отражение в фольклоре, в английских пословицах и поговорках, подобных латинским юридическим максимам, знанием которых обладали в основном представители юридических профессий²⁰⁶. Автор приводит многочисленные примеры: *Hell and Chancery are always open* (аналог русского *от сумы и от тюрьмы...*); *a wise lawyer never goes to a law himself; men are never wise but returning from the law; no fee, no law; little money, little law*, а также некоторые высказывания о законе в целом: *the glorious uncertainty of law; the law's delay; the more laws the more offenders*²⁰⁷. Можно утверждать, что вышеприведенные термины совершенно явно утратили свою терминологическую природу и стали словами общего языка, закрепленными и широко представленными в пословицах и поговорках.

Помимо процессов терминологизации и детерминологизации, термины могут претерпевать процесс ретерминологизации, который был подробно исследован И.Н. Фоминой в политической терминологии²⁰⁸. По утверждению исследователя, ретерминологизированными терминами являются единицы, которые в той или иной степени перешли в общий язык, а затем вернулись в терминосистему в новом значении. В таких случаях сначала имеет место полная или частичная детерминологизация слова, затем – его повторная терминологизация²⁰⁹. Однако, исследование показало, что в терминологии уголовного права такие термины не обнаружены. Это может свидетельствовать о

²⁰⁶ Bond F. Donald. The Law and Lawyers in English Proverbs // American Bar Association Journal. – Vol. 21, No. 11. 1935. – Pp.724-727. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/25711962>

²⁰⁷ Там же. P.727

²⁰⁷ Железновская Г.И. Ретерминологизация как способ формирования терминов в языке современной дидактики // Известия Саратовского университета, Том 10, Серия Философия. Психология. Педагогика. 2010. – №4, том 10. – С.104-106

²⁰⁸ Фомина И.Н. Семантическая деривация в формировании английской политической терминологии: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 189 с.

²⁰⁹ Там же. С.13

консервативности системы терминов права, с одной стороны, а также об осознанном характере складывания этой терминологии, с другой.

Уникальной семантической чертой терминологии уголовного права является большое количество терминов-синонимов, встречающихся в разных юридических жанрах (тексты законов, юридические учебники, комментарии к законам, постановления суда, материалы уголовных дел и т.д.). Примерами могут послужить термины, называющие базовые понятия или описывающие состав преступления:

corpus delicti/crime component/body of crime – состав преступления:

mens rea/criminal intent/criminal intention/criminal mind/mental element

– субъективная сторона преступления;

actus reus/objective element/objective side – объективная сторона преступления.

Синонимами также представлены виды преступлений по степени тяжести:

Misdemeanours/minor crimes – преступления малой или средней тяжести;

Felonies/high crimes – тяжкие преступления;

Seriousness of a crime /gravity of a crime/gravity of an offence/degree of a crime – степень тяжести преступления.

Кроме того, существуют синонимы для следующих понятий:

совокупность преступлений – cumulative punishment/consolidated sentencing/accumulative sentence;

невменяемость – criminal incapacity/nonimputability;

рецидив – repeated/repetitive crime;

умышленное преступление – deliberate/intended/intentional/willful crime;

помещение под стражу – imprisonment/incarceration/custodial.

Термины, обозначающие участников уголовного процесса, также представлены в языке рядом синонимов:

обвиняемый – defendant/accused/offender/convict;

виновное в преступлении лицо – offender/criminal/misdemeanant/perpetrator;

преступник – criminal/felon/offender/perpetrator/infringer/delinquent.

Существует несколько объяснений существования многочисленных синонимов в исследуемой терминологии: во-первых, как и любая другая терминология гуманитарной сферы, терминология уголовного права выражает многообразие взглядов на то или иное явление, каждый из которых имеет право на существование и на терминование этого явления. Во-вторых, в процессе своего становления терминология активно взаимодействовала с общим языком, поэтому ряд терминов был повторно заимствован, несмотря на то, что определенный термин, называющий явление, уже существовал. При этом абсолютное большинство юридических терминов в целом были заимствованы либо из латинского языка, либо из французского (в среднеанглийский период), а ряд терминов относится к исконной англосаксонской лексике. Кроме того, в силу значительного (более 70%) объема заимствований в английском языке из латыни и французского, уже в средневековье в английском языке имели место серии понятий из трех синонимов – исконного слова и двух заимствованных, одно из которых являлось наиболее высокопарным и характерным для употребления при дворе, среди ученых и в правовой сфере. Так или иначе, синонимия, наряду с омонимией, неточностью в дефиниции и синонимическим варьированием форм терминов является, по мнению некоторых исследователей, негативным явлением, которое не способствует, а препятствует развитию терминологии*. Тем не менее, представляется крайне важным исследовать и попытаться систематизировать существующие синонимы для последующего их корректного употребления при переводе с английского языка на русский и с русского на английский.

Говоря о синонимии терминов, нельзя не сказать и о полисемии, то есть о многозначности терминов. Согласно одному из отцов-основателей терминоведения, Д.С. Лотте, термин должен быть моносемантичным, однако это требование далеко не всегда выполняется. Так, в исследуемой терминологии присутствует значительное количество полисемантичных терминов:

Abuse: 1. Harm; 2. Injury; 3. Damage; 4. Neglect; 5. Mental, physical, and/or emotional mistreatment²¹⁰;

Accusation: 1. A charge against a person or corporation; 2. In broader sense includes indictment, presentment, information and any other form in which a charge of crime or offense can be made against an individual; 3. Formal charge of having committed a criminal offense, made against a person in accordance with established legal procedure and not involving the grand jury²¹¹;

Justification: 1. Just cause or excuse; 2. Just, lawful excuse for an act; 3. Reasonable excuse²¹².

Однако большинство терминов (82%) обладают лишь одним значением, к примеру, *murder, robbery, burglary*:

*Murder – a common law offense of unlawful homicide*²¹³;

*Robbery – forcible stealing*²¹⁴;

*Burglary – at common law, an actual breaking to a dwelling, in the nighttime, with intent to commit a felony*²¹⁵.

Тот факт, что подавляющее большинство терминов являются моносемантичными, вполне закономерен: еще Д.С. Лотте утверждал, что научно-технический термин в отличие от обычного слова или словосочетания общего языка должен обладать ограниченным, фиксированным содержанием²¹⁶. А.А. Реформатский, также отмечает, что термины являются специальными словами, ограниченными специальным значением, слова, которые стремятся к однозначности, поскольку являются точным выражением понятий²¹⁷.

²¹⁰ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P. 4

²¹¹ Там же. P. 9

²¹² Там же. P. 300

²¹³ Там же. P. 351

²¹⁴ Там же. P. 474

²¹⁵ Там же. P. 67

²¹⁶ Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.5

²¹⁷ Реформатский, А.А. Введение в языковедение: учебник для студентов филолог. спец. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Аспект Пресс, 2014. – С. 110

В целом, полисемантические правовые термины являют собой особую сложность в процессе обучения англоязычному юридическому дискурсу²¹⁸.

Сегодня все чаще требование однозначности при изучении терминосистем опровергается, поскольку полисемия является весьма распространенной²¹⁹. Существует также мнение, что чем выше степень полисемии в терминологии, тем глубже изучен предмет и тем точнее связи между научными понятиями и отраслевым понятийным аппаратом. Таким образом, полисемия свидетельствует о поступательном ходе развития науки. отражает поступательный ход развития науки²²⁰. Кроме того, семантическая вариативность характерна терминам гуманитарных наук из-за разнообразия подходов к изучению предмета терминологии²²¹. Таким образом, несмотря на существования требования моносемичности, полисемия терминов неизбежно имеет место в терминологиях гуманитарных наук в целом и в терминологии уголовного права в частности и, более того, является ее специфической особенностью.

Помимо отношений сходства, в данной терминологии присутствуют и отношения противоположности:

crime – punishment (преступление – наказание);

claimant – defendant (истец – ответчик);

offender – victim (преступник – жертва);

guilty – innocent/crimeless (виновен – невиновен);

major – minor (crimes) (тяжкие преступления – преступления небольшой тяжести);

mortal – non-fatal (влекущее смерть – не влекущее смерть);

uxoricide – mariticide (женоубийство – мужеубийство);

(objection) sustained – (objection) overruled (протест принят – отклонен);

²¹⁸ Ступникова Л.В. Оптимизация процесса овладения терминологией права при обучении англоязычному дискурсу студентов юридических вузов // Российский Внешнеэкономический вестник. Внешнеторговое консультирование. – 2011. – №12. – С. 91

²¹⁹ Лантюхова Н.Н., Загоровская О.В., Литвинова Т. А. Термин: определение понятия и его сущностные признаки // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. – 2013. – № 1 (6). – С. 42

²²⁰ Фомина И.Н. Семантическая деривация в формировании английской политической терминологии: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – С.48-49

²²¹ Там же. С. 53

local/minor court – Supreme court (суд низшей инстанции – суд высшей инстанции).

Антонимы, выраженные морфологически, встречаются в данной терминологии в среднем в два раза чаще, чем выраженные семантически:

direct evidence – indirect evidence (прямые и косвенные улики);

lawful – unlawful, lawless (законный и незаконный);

remitted punishment – unremitted punishment (отложенное наказание и вступившее в силу);

sexual – non-sexual (crime) (половые преступления – неполовые преступления);

fatal – non-fatal (crime) (причинение смерти/преступление против жизни – прочие преступления);

indictable – non-indictable (crime) (подлежащий судебному преследованию – не подлежащий судебному преследованию);

dispensable – indispensable (несущественный – неотъемлемый);

*insane – sane, non-insane*²²² (невменяемый – вменяемый);

detected – non-detected (установленный – невменяемый);

corroborated – uncorroborated (подкрепленный – неподкрепленный).

Следует также отметить, что в юридических словарях зафиксировано определенное количество терминов, основанных на метафоре:

bait and switch – «отвлекай и хватай» – разновидность мелкого мошенничества: реклама чрезвычайно выгодных цен или условий покупки для привлечения покупателей в магазин, где выясняется, что приобрести товар на объявленных условиях затруднительно, а то и невозможно²²²;

peppercorn rent – номинальная арендная плата, которая озвучивается изначально, но не соблюдается в дальнейшем (для описания мошеннических схем, связанных с арендой и сдачей недвижимости);

²²²Merriam Webster Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/bait%20and%20switch>

no-return-address assassination – убийство общественно-политического деятеля без явных на то причин²²³;

to hit and run – сбить человека и скрыться с места происшествия;

spree shooting – беспорядочная стрельба;

quashing of a sentence – отмена приговора и многие другие.

Среди прочих, особый интерес для исследователя вызывает термин *fishing expedition*. Его первое употребление было зафиксировано в 1874 году. Сам термин объясняется следующим образом: «a cliché used to describe (contemptuously) an opponent's attempt, through discovery, to elicit information that might help that opponent. The phrase ought to be given a rest, as the Supreme Court urged long ago: "No longer can the time-honored cry of "fishing expedition" serve to preclude a party from inquiring into the facts underlying his opponent's case"²²⁴. Данный термин зарегистрирован в официальных записях заседаний судов по уголовным делам²²⁵. Метафоричность данного термина вполне очевидна: идя на рыбалку, никогда не знаешь заранее, поймашь ли что-то и что это будет. Аналогичная ситуация имеет место, когда детективы или юристы опрашивают подозреваемых – они не знают точно, что они выяснят²²⁶. Существует инвариант данного термина, а именно – *fishing trip*, однако он употребляется значительно реже. Несмотря на то, что термин является изначально американским, он также встречается и в британском правовом дискурсе²²⁷.

Другим термином, который также основан на метафоре и связан с *fishing expedition*, является термин *phishing* – email messages, websites, and phone calls [that] are designed to steal money. Cybercriminals can do this by installing malicious software on your computer or stealing personal information of your computer²²⁸. Интерес исследователя вызывает происхождение данного термина: in the cyber

²²³ CNN. [Электронный ресурс]. – URL: <http://edition.cnn.com/2014/04/14/opinion/frum-ukraine/>

²²⁴ Garner A. Bryan. A Dictionary of Modern Legal Usage. – New York, NY: Oxford University Press, 2001. – P.361

²²⁵ Hickman v. Taylor, U.S., 1947. [Электронный ресурс]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/329/495/case.html>

²²⁶ Palmatier A. Robert. Speaking of Animals: A Dictionary of Animal Metaphors. – Santa Barbara, 1995. – P.147

²²⁷ British National Corpus. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bnc.phon.ox.ac.uk/transcripts-html/KRP.html>

²²⁸ Microsoft Security. What is phishing? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.microsoft.com/en-us/safety/online-privacy/phishing-symptoms.aspx>

scam sense, by 2000 (some sources cite usage from 1995); alteration of *fishing* (n.); perhaps by influence of phreak and the U.S. rock band Phish, which had been performing since 1983²²⁹.

При метафорическом терминологическом термины нередко обладают многообразием определений и трактовок. Так, например, термин *miscarriage of justice*, впервые употребленный в 1875 по отношению к Baroda (вариант написания: Varodara) incident²³⁰ – случаю несправедливого осуждения и наказания. Этот термин имеет несколько трактовок. Так, в деле 1937 года судья утверждает в деле *Herbet v. Lankershim*, что в случае, если такие грубые ошибки привели к осуждению обвиняемого, решение должно быть пересмотрено²³¹. Судья по британскому делу 1927 года несколько иначе понимает термин: ошибки правосудия – это такое отступление от правил правовой процедуры, что вся процедура перестает быть правовой («*miscarriage of justice ... means such departure from the rules which permeate all judicial procedure as to make that which happened not in the proper use of the word judicial procedure at all*²³²»). Таким образом, в данном случае превалирует мнение о том, что любое недолжное ведение досудебного, а также судебного процесса является искажением правосудия.

Другая интерпретация этого термина приводится в деле *R. v. Duke*: существование предвзятого отношения в результате правовой ошибки не является обязательным для установления ошибок правосудия. Это может быть лишь свидетелем существующей несправедливости²³³. Таким образом, утверждается, что необязательно наличие очевидной предвзятости, достаточно доказать несправедливость приговора, чтобы заявить о судебной ошибке.

Еще одним заслуживающим внимания термином является *money laundering/filtering* – отмыwanie денег. Термин был впервые употреблен в 1960-х по аналогии с процессом стирки, а зафиксирован в документах лишь в 1961, а

²²⁹ Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://etymonline.com/>

²³⁰ Rowbotham Judith. Miscarriage of Justice? Postcolonial Reflections on the ‘Trial’ of the Maharajah of Baroda, 1875 // Liverpool Law Review, November 2007. – Volume 28, Issue 3. – PP. 377-403

²³¹ Duhaime’s Law Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duhaime.org/LegalDictionary/Category/Latin Law Terms Dictionary.aspx>

²³² Там же

²³³ Там же

широкое распространение получил в 1973 году после Уотергейтского скандала. В 2000-е годы появился термин *reverse money laundering* – процесс, в ходе которого деньги тратятся на подготовку и совершение будущих преступлений²³⁴. Таким образом, обратный процесс (вариант перевода: загрязнение денег, обратное отмывание денег) отображает процесс использования легальных средств для противозаконных действий.

Стоит отметить, что Уотергейтский скандал стал источником большого количества новых терминов, в которых реализуется второе значение термина. Ярчайшим примером являются многочисленные термины с продуктивным суффиксом *-gate*, рождение которому дал Уотергейтский скандал в июне 1972 года. Уже через год, в 1973, в словарях как американского, так и британского английского были зафиксированы²³⁵ прочие термины с суффиксом *-gate*. Изначально *-gate* являлся частью топонима Watergate, который, в свою очередь, восходит к Water Gate area – территории на реке Потомак, где в 1935-1965 проводились симфонические концерты. В настоящее время суффикс имеет значение «скандал, конфликт» и зачастую бывает связан с областью уголовного права. Сегодня число таких терминов близится к 200²³⁶. Среди них есть термины, образованные из названия страны (Koreagate, Chinagate, Iraqgate, Irangate, Angolagate, Kazakhgate), организаций (FIFA-gate, Reutersgate, Pemexgate), имен и фамилий людей, которые связаны со скандалом (Monicagate, Camillagate, Moggigate) и многие другие.

Суффикс *-gate* также является продуктивным суффиксом в других языках (в частности русском – *андряновгейт*, *диссергейт*²³⁷ – и арабском – *aartii-*

²³⁴ Cassella D. Stefan. Reverse Money Laundering // Journal of Money Laundering control. – Vol.7, №1, 2003. – Pp.92-94

²³⁵ Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://public.oed.com/aspects-of-english/english-in-use/the-gate-suffix/>

²³⁶ Joseph D. Brian. More on -gate Words: A Perspective from Abroad // American Speech. – 67 (1992). – Pp. 222-223. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ling.ohio-state.edu/~bjoseph/publications/1992gate.pdf>

²³⁷ Вольное сетевое сообщество Диссернет. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissernet.org/publications/theme/andrianovgate/>

*gaayt*²³⁸). Родоначальником многочисленных терминов с этим суффиксом является спичрайтер Р. Никсона У. Сафир²³⁹.

Таким образом, метафоризация – еще один способ терминообразования, в результате которого в состав терминологии уголовного права вошло определенное количество терминов.

Продолжая описание типов терминов, необходимо отметить и то, что важными объектами для исследования являются эпонимы (термины, содержащие имена собственные) и терминонимы («названия единичных правовых реалий только одной терминосистемы²⁴⁰»), причем, по мнению исследователя англоязычной юридической терминологии В.А. Иконниковой, таким безэквивалентным единицам присущи мотивация, определяемая сложной структурой специального знания. Термины-эпонимы являются примером вторичной номинации, при которой имя собственное имеет терминологическое значение, образованное метафорическим переносом. В терминологии уголовного права к таким терминам относятся, например, *Brady violation*, *Brady rule*, *Brady disclosure* и прочие. Эпоним *Brady* был впервые использован на основе американского дела об обвинении в убийстве первой степени (*first degree murder*) *Brady v. Maryland* (1963), в котором имело место нарушение процедуры: обвинением были утаены улики, которые свидетельствовали в пользу обвиняемого и были скрыты от защиты. Соответственно, *Brady violation* – это сокрытие улик (см. также выше термин *pitted evidence*), *Brady rule* – решение Верховного суда, согласно которому любые улики или любая информация в пользу обвиняемого должна быть раскрыта, *Brady disclosure* – раскрытие такой информации.

²³⁸ Gate suffix reached Arabic. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lughat.blogspot.ru/2006/06/gate-suffix-reaches-arabic.html>

²³⁹ Turning a scandal into a 'gate' // By Alex Campbell, BBC News. 11 May 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-22464422>

²⁴⁰ Иконникова В.А. Метафора и метонимия при образовании терминов- эпонимов (на материале англоязычной юридической терминологии) // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). – 2011. - № 10 (13). – С. 215.

Что касается дальнейшего выделения типов терминов, исследование показало, что приблизительно 60% терминов уголовного права являются консубстанциональными. Подавляющее большинство терминов в исследуемой терминологической системе – свыше 70% – находятся на первой и второй стадии процесса терминологизации, а менее трети всех исследованных терминов полностью прошли процесс терминологизации и являются специфическими терминами, которые полностью утратили семантическую связь со словами общелитературного языка, от которых они образованы. Специфической чертой данной системы можно назвать хорошо развитые отношения синонимии: синонимические цепочки могут образовывать от 2 до 6 звеньев; средняя длина синонимической цепочки составляет 3 звена. Не менее хорошо развиты и отношения антонимии, которая, в основном, выражается морфологически. Стоит отметить, что развитие синонимии в терминологии, с одной стороны, говорит о ее лексическом разнообразии и богатстве, с другой – является существенной проблемой при переводе.

Англоязычная терминология уголовного права обладает многочисленными особенностями не только в плане содержания и выражения, но и на уровне функционирования.

Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу, одним из требований к функционированию термина, является его соответствие нормам языка, что подразумевает избавление от профессиональных жаргонизмов²⁴¹ в профессиональном языке.

Профессиональные жаргонизмы или профессионализмы – специфические слова и выражения, присущие речи представителей определенных профессий, попадающие в общий язык в основном через устную речь и выступающие как эмоционально окрашенные эквиваленты терминов²⁴². В сфере уголовного права к таковым можно отнести такие термины как:

²⁴¹ Гринева-Гриневич С.В. Терминоведение. – М.: Академия, 2008. – С.32

²⁴² Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С.403

bar – the complete body of attorneys²⁴³ и *bench* – the judges composing the court collectively²⁴⁴;

shepardizing – method for finding subsequent development of a legal theory by tracing status of a case as legal authority²⁴⁵;

slander – spoken defamation which tends to injure a person's reputation;

speedy trial – a trial conducted according to prevailing rules, regulations, and proceedings of law free from arbitrary, vexatious, and oppressive delays²⁴⁶ (в США также действует лимит в 160 дней);

pitted evidence – police slang for evidence thought irrelevant at a crime scene²⁴⁷.

Немало существует и терминов, относящихся к prison jargon:

kite – *малява*/записка для или от заключенного;

ghetto penthouse – *верхняя иконка*/верхняя часть тюремной кровати, которая считается элитным местом;

rabbit – планирующий или уже пытавшийся сбежать *преступник*;

jail house snitch – тюремный *стукач*, доносчик;

stash – *нычка*/тайник;

hats and bats – *надсмотрщики* в тюрьме в полном обмундировании. Разумеется, данные термины не употребляются в суде, но могут быть использованы в общении между адвокатом и подзащитным или при общении заключённых. Устранение этих терминов из терминологических словарей вполне реально; устранение их из речи – едва ли возможно. Стоит также заметить, что далеко не все терминологические словари включают в себя такие единицы. Особенностью употребления такого типа терминов является, во-первых, то, что термин, как правило, имеет значение в общем языке, которое связано с узким значением через сравнение или метафору (*rabbit*, *kite*, *pitted evidence*), иронию (*penthouse*) или метонимический перенос (*hats and bats*). Кроме того, зачастую

²⁴³ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.50

²⁴⁴ Там же. P.52

²⁴⁵ Trauma Informed Criminal Justice Terminology Guide. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.traumainformed.org/criminal-justice-terminology-guide/>

²⁴⁶ Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – P.510

²⁴⁷ The Good Wife. Season 1, Episode 1, 00:27:08,867-00:27:12,900 (subtitles)

данные термины имеют аналоги (*rabbit – runaway criminal, jail house snitch – prison informer, ghetto penthouse – upper berth, hats and bats – prison guards*), которые выражены терминологическими словосочетаниями, поэтому вместо них употребляются жаргонизмы. Наконец, иногда употребление жаргонизмов определяется тем фактором, что в юридическом языке отсутствует термин, называющий то или иное явление.

Среди других требований к термину С.В. Гринев-Гриневиц упоминает также инвариантность – неизменность формы термина. Причиной появления этого требования является отсутствие этого свойства у многих терминов. Терминология уголовного права – не исключение: так, многие ключевые термины в рассматриваемой терминосистеме имеют два варианта написания в британском и американском диалектах английского языка: *offence* и *offense* соответственно; *judgement* – *judgment*; *defence* – *defense*; *misdemeanour* – *misdemeanor*, *(Your) Honour* – *(Your) Honor*.

В то время как орфографически разные варианты в рассматриваемой терминологии не создают существенных сложностей в процессе преподавания LSP/ЯСЦ, присутствуют также семантически разные варианты. Так, к примеру, терминослово *attorney* сохранился в Англии в *Attorney General*, а адвокат, представитель в суде обозначается *barrister* и *solicitor*. Этим объясняется избыточность терминологических единиц, обозначающих юриста (представителя в суде, адвоката): в США чаще используется термин *attorney* в Англии – *barrister* и *solicitor*. Эти три термина являют собой целую ранее существовавшую систему терминов, в которой они обладали узким значением²⁴⁸. Аналогичное положение наблюдается и для терминов *Attorney General* и *Minister of Justice*: *attorney* изначально обозначал тип юристов в некоторых категориях судов Англии до 1873 г. После реформы он сохранился в сочетаниях *Attorney General* (с разным значением в США и Великобритании), в США он получил расширение плана

²⁴⁸Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – С.109

содержания («юрист», «представитель в суде»)²⁴⁹. При этом термины Attorney General (амер.) и Secretary of Justice (англ.) являются синонимичными единицами (лексическими вариантами)²⁵⁰. Таким образом, следует подчеркнуть, что в британской и американской терминологиях уголовного права наблюдаются существенные отличия, связанные с культурным компонентом каждой из терминосистем.

Непосредственно связанный с культурным компонентом этимологический аспект также крайне важен для типологического исследования терминологической системы. Исследование показало, что все термины уголовного права делятся на англосаксонские (исконные) и заимствования из латинского и французского языков, причем последние составляют более двух третей (70%) всей лексики английского языка.

Как уже было показано ранее, первые термины уголовного права появились в английском языке в конце древнеанглийского – начале среднеанглийского периода (примерно середина XI века по классификации А.И. Смирницкого²⁵¹). Среди первых терминов уголовного права были такие, как например: *guilt* (*gylt*), *murder* (как глагол – *myrðrian*), *theft*, *breach* (*bryce*), *wergild/wergeld* и другие.

История появления в языке и дальнейшее функционирование ключевых терминов *crime* и *offence* представляет определенный интерес. Так, термин *crime* появился только в XV веке через старофранцузский язык; термин *crimen* в значении «judgement, accusation, offence» является производным от латинского *criminalis*. В то же время *offence/offense* (British/American), который многократно менял свое написание (*afence* > *affence* > *offense* > *offynse* > *offens* > *offence*) употреблялся уже в 1295 г. в значении *attack, assault*. С XV века добавилось значение *breach of law, transgression, misdeed, injury*. Термин восходит к латинскому *offensus* – *stumbling-block*.

²⁴⁹ Там же. С.126-127

²⁵⁰ Там же. С.152

²⁵¹ Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М., филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С.18

Принятый в 1967 году в Великобритании Criminal Law Act поменял соотношение терминов *crime* и *offence* и радикально повлиял на употребление этих терминов в дальнейшем. Термин *crime* стал родовым (по принципу *genus proximum et differentia specifica*). Кроме того, термином *crime* стали обозначаться всё, что ранее называлось *felony* и *misdemeanor*²⁵². В США оба термина по-прежнему употребляются в одном и том же значении.

Другие базовые термины уголовного права, *legal* и *legality* существовали в протоиндоевропейском языке, реконструированная форма **leg*, которая могла означать свод (законов или правил), а также задание. Знаменательно и то, что термин *law* – изначально писался как *laǵ*, при помощи рунического символа *yogh*, поскольку был заимствован из древнескандинавского.

Другой корень, широко представленный в юриспруденции, *jur-*, происходит из латыни, в то время как в протоиндоевропейском он имел значение «правильный, справедливый, подходящий»²⁵³.

Как уже упоминалось выше, многие термины юриспруденции пришли из латинского или из французского, в основном в период Возрождения. Некоторые юридические термины до сих пор употребляются в исконном латинском варианте, например, *pro bono publica*, *quantum meruit*, *ipsi dixit* и многие другие.

Термин *punishment* относится к тому же периоду, что и упомянутый выше *crime* и пришел в язык тем же путем: через старофранцузское *puniss* от латинского глагола *punire* – наказывать.

Термин *robbery* появился в английском языке в XIII веке: от старофранцузского *roberie* – robbery, theft, от французского глагола *rober*, который имеет значение rob, steal, pillage, ransack, rape²⁵⁴. В том же веке пришел в язык и термин *damage (n)* – loss caused by injury, от латинского *damnum* – loss, hurt, damage²⁵⁵. Знаменательно то, что, как и другие термины, которые совпадают в

²⁵² Criminal Law Act 1967. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58/pdfs/ukpga_19670058_en.pdf

²⁵³ Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages / Ed. By Michiel Arnoud Cor de Vaan. – Brill, 2008. – 825 pp.

²⁵⁴ Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://etymonline.com/>

²⁵⁵ Там же

плане выражения, будучи существительными и глаголами, *damage* был сначала заимствован как существительное и лишь позднее стал употребляться как глагол.

Появление терминов *court (n)*, *bailiff* приходится на XI-XIII века: *court* от старофранцузского *cort* – king's court, princely residence, от латинского *cortem* – enclosed yard²⁵⁶; *bailiff* – administrative official, deputy, от латинского *bajulivus* – official in charge of a castle.

Появление терминов *defence*, *manslaughter*, *felony* произошло в XIV веке: *defence* (изначально написание в старофранцузском *defense*), от латинского *defendere* – ward off, protect²⁵⁷. Термин *manslaughter* заменил древнеанглийский термин *mannslæht* (от *slæht*, *slieht* – act of killing, ср. *slay*²⁵⁸). Термин *felony* пришел в среднеанглийский через французский язык – *felonie* – wickedness, evil, treachery, perfidy, crime, cruelty, sin²⁵⁹.

Появление терминов *larceny*, *fraud* и *burglary* приходится уже на ранненовоанглийский период развития английского языка (все три термина – XV - XVI века): *larceny* – от французского *larrecin/larcin* – theft, robbery, от латинского *latrocinium* – freebooting, highway-robbery, piracy²⁶⁰; *fraud* – от французского *fraude* – deception, fraud, от латинского *fraudem* – a cheating, deceit²⁶¹; *burglary* – от *burglar*, который восходит к латинскому *burgus* – fortress, castle²⁶².

Говоря об этимологии юридических терминов, стоит еще раз упомянуть латинские термины, составляющие важную часть этой терминологии. *Onus probandi* (бремя доказывания), *inter alia* (среди прочего), *a mensa et toro* (отлучение) и многие другие употребляются в юридическом языке достаточно часто. Необходимо отметить, что данные термины являются примерами неконсубстанциональных терминов в рассматриваемой терминологии.

Таблица 2. Часто употребляемые латинские термины.

²⁵⁶Там же

²⁵⁷Там же

²⁵⁸Там же

²⁵⁹Там же

²⁶⁰Там же

²⁶¹Там же

²⁶²Там же

Термин	Первичное значение	Современное значение
corpus delicti	body of the crime	material evidence in a crime
de facto	from the fact	in reality; actually; in effect
de iure	from the law	according to law; by right
in absentia	in (his/her) absence	in (his/her) absence
locus delicti	scene of the crime	scene where a crime took place
modus operandi	mode of working	method of operating
pro forma	for the sake of form	done as formality, done for the show

В современной терминологии уголовного права есть термины или терминологические словосочетания, часть которых состоит из латинских слов, а часть – из слов другой этимологии: *subpoenaed witness* (вызванный повесткой свидетель), *habeas petition* (жалоба на незаконное задержание), *pro bono case* (дело, по которому адвокат работает на добровольной основе, не получая гонорара).

Как видно из приведенных выше примеров, терминология уголовного права прошла длительный путь становления – от древнейших времен до наших дней.

С точки зрения лексического состава, каждая терминосистема характеризуется наличием в ней интернациональных терминов. Кроме того, интернационализация – тенденция, присущая всем языкам мира, представляющая собой закономерность их взаимодействия. Постоянное появление интернациональных элементов на разных уровнях языка (в лексике,

словообразовании и фразеологии) являются доказательствами углубления межъязыковой общности языков мира²⁶³.

Следует отметить, что достаточно большое количество терминов уголовного права является интернациональными, то есть терминами, которые имеют одинаковый план содержания, схожий план выражения и представлены в трёх и более неродственных языках (Таблица 3).

Таблица 3. Интернациональные термины уголовного права.

English	German	Spanish	Russian
sanction	Sanktion	sanción	санкция
procedure	Prozedur	procedimiento	процедура
recidivist	Rezidivist	recidivista	рецидивист
juridical	juristisch	jurídico	юридический
advocate	Advokat	abogado	адвокат
jurisdiction	Jurisdiktion	jurisdicción	юрисдикция
legitimate	legitim	legítimo	легитимный
amnesty	Amnestie	amnistía	амнистия

При этом следует помнить о явлении «ложных друзей переводчика», которое зачастую вызвано обилием интернациональных и заимствованных терминов. Так, к примеру, термин *апелляция* – это *appeal*, а не *appellation* (*титул*). Еще одним подобным термином является *probation* (*УДО*), план содержания которого не совпадает с планом содержания термина *пробация* в русском.

Поскольку с течением времени появляются новые виды преступлений, соответственно, появляются и новые термины, обозначающие эти явления. Примером может служить *white collar crimes* (должностные преступления). Этот родовой термин был введен в 1939 году по ассоциации с делением работников на *white* и *blue collars*. К данным преступлениям относятся разнообразные виды мошенничества – *frauds: bankruptcy fraud* (фиктивное банкротство), *corporate fraud* (мошенничество в корпоративном бизнесе), *financial institution fraud*

²⁶³ Шарапова Т.Н. Исследование интернациональных компонентов в немецкой терминологии бионики // Омский научный вестник. – №4 (131). – 2014. – С.87-90

(финансовое мошенничество), *health-care fraud* (мошенничество в сфере здравоохранения), *insurance fraud* (мошенничество в сфере страхования), *market manipulation fraud* (рыночные злоупотребления), *mass marketing fraud* (мошенничество в сфере массового маркетинга), *securities and commodities fraud* (мошенничество в сфере биржевой торговли), *mortgage fraud* (ипотечное мошенничество); кражи (*thefts*): *identity theft* (кража личной информации), *piracy/intellectual property theft* (кража интеллектуальной собственности) и *asset forfeiture* (незаконное присвоение активов)²⁶⁴.

Среди других новых преступлений следует выделить *Internet crimes* (*cybercrimes/e-scams*), в число которых входит, например, *ransomware* (*ransom+software* – программа-вирус, которая требует внесения денег на счет мошенников для сохранения данных из компьютера или сети). Недавно появившиеся термины описывают многочисленные виды мошенничества, связанные с различными областями жизни: *jury duty scam* (мошенничество в сфере выполнения гражданской обязанности быть присяжным), *social security scam* (мошенничество в сфере социального страхования), *sports memorabilia scam* (подделка спортивных наград), *work at home scam* (мошенничество в сфере работы на дому), *adoption scam* (мошенничество в сфере усыновления), *advanced fee schemes* (авансовые схемы), *ATM skimming* (считывание данных с банковской карты при помощи специального устройства, установленного в банкомате), *insider dealing/trading* (инсайдерство)²⁶⁵ и многие другие. Очевидно, что уголовное право активно продолжает свое развитие, что находит свое отражение в развитии терминологической системы.

В результате проведенного типологического исследования можно сделать следующие выводы: термины уголовного права – это макротерминология (то есть терминология, включающая в себя более 1000 терминов – согласно классификации С.В. Гринева-Гриневича²⁶⁶) с длинной историей (от Нормандского периода до наших дней), причем развитие терминологии в последние десятилетия

²⁶⁴Federal Bureau of Investigation [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fbi.gov/about-us/investigate/white_collar

²⁶⁵Federal Bureau of Investigation [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fbi.gov/scams-safety/frauds-from-a-to-z>

²⁶⁶Гринев-Гриневич С. В. – М.: Московский лицей, 1993. – С. 69-78

можно назвать лавинообразным, поскольку появилось значительное количество новых преступлений и, соответственно, множество новых терминов (в основном квалифицируемых как мошенничества – *frauds, schemes, scams*). Примечательно, что при этом терминологии права в целом присущ консерватизм, проявляющийся, например, в том, что важнейшие термины уголовного права существуют в английском языке еще с древнеанглийского периода.

Системная природа данной терминологии подтверждается, во-первых, взаимообусловленностью терминов, во-вторых, хорошо развитыми родовидовыми отношениями между терминами данной системы. Помимо родовидовых отношений, в рассматриваемой терминосистеме также хорошо развиты синонимические и антонимические отношения, а также имеют место повторяющиеся аффиксы и определенные морфологические модели, что также подтверждает тезис о системной природе терминологии уголовного права.

С точки зрения плана выражения, англоязычные термины уголовного являются моноксемными или полилексемными (58% и 42% соответственно). Среди моноксемных представлены все четыре подтипа, а именно: корневые, производные, составные и составные производные термины. Подавляющее большинство терминов, почти две трети (65%), составляют производные термины. Оставшуюся треть представляют в основном корневые термины (29%), а составные и составные производные – лишь 5% и 1% от общего числа моноксемных терминов соответственно. При этом определенные корни обладают высокой деривационной способностью (*law-, crim-, just-*). Среди полилексемных терминов можно выделить определенные повторяющиеся структурные модели, включающие как существительные и номинативные конструкции, которые составляют наибольшую часть терминологии (68%), прилагательные, глаголы, предлоги и другие части речи. В образовании же моноксемных терминов участвуют определенные аффиксы, которые приносят определенное значение (действия – *-ing/-ion*, деятеля – *-er/-or*, процесса – *-ing*).

Кроме того, термины уголовного права представлены акронимами, полными словами и смешанным типом полисемантических терминов, которые состоят из акронимов и полных слов.

С точки зрения плана содержания среди терминов уголовного права выделены следующие типы: консубстанциональные термины, а также термины, прошедшие разные (первую, вторую и третью) степени терминологизации. Около 30% терминов прошли все стадии терминологизации, а 70% находятся на первой и второй степенях. Термины также могут подвергаться детерминологизации, то есть потере терминологического значения, что в конкретной терминологии зачастую связано с декриминализацией (то есть утратой состава преступления).

В изучаемой терминологии хорошо развиты отношения сходства и противоположности: синонимические цепочки могут образовывать от двух до шести звеньев со средней длиной в три термина. Морфологически выраженная антонимия встречается в среднем в два раза чаще, чем выраженная лексически.

Термины уголовного права в основном моносемантические (82% всех терминов). Зафиксировано некоторое количество терминов (от 20 до 25%, основанных на метафоре и метонимическом переносе, который может происходить при помощи добавления определенного суффикса. Наиболее продуктивным суффиксом в современной терминологии уголовного права является *-gate*, который распространил свое влияние не только на английский, но и на иные языки других групп и семей (например, русский, арабский, греческий и другие).

Что касается функционально-стилистических особенностей, то следует отметить следующее: во-первых, среди терминов уголовного права присутствует немало жаргонизмов, которые употребляются в определенных ситуациях общения (подозреваемый/обвиняемый/осужденный и адвокат, между несколькими адвокатами) и не употребляется в официальных ситуациях, требующих соблюдения протокола (судебные заседания, апелляционные и кассационные слушания). Кроме того, термины уголовного права подвержены вариативности, что обусловлено, с одной стороны, орфографическими отличиями британского и

американского диалектных вариантов английского языка, с другой – объясняется различными процессами становления английской и американской терминологий. Кроме того, существуют и лексические варианты, представленные в британском и американском английском. Вариативность термина представляет определенную проблему с точки зрения прагматики и обучения языкам для специальных целей, поскольку в преподавании необходимо либо строго придерживаться определенного варианта английского, либо же оговаривать в каждом подобном случае, какие еще варианты этого термина существуют.

С точки зрения этимологии, подавляющее большинство (порядка 70%) терминов уголовного права представлено заимствованиями разных периодов – в данном случае, это французские и латинские термины, пришедшие в английский язык преимущественно в среднеанглийский период. Также в терминологии присутствуют смешанные термины, то есть термины, состоящие из исконного и заимствованного элемента. В рамках рассматриваемой терминологии имеют место определенное количество интернациональных терминов, то есть терминов, схожих в плане выражения, совпадающих в плане содержания и присутствующих в трех неблизкородственных языках индоевропейской языковой семьи.

Рассмотренные системные, морфологические, морфемные, семантические, функциональные, прагматические и этимологические особенности англоязычной терминологии уголовного права показывают, насколько многосторонней является терминология юриспруденции в целом и система терминов уголовного права в частности, что, несомненно, дает обширные возможности для их дальнейшего изучения.

§2. Перевод терминов уголовного права в новоанглийский период

Перевод текстов с одного языка на другой был и остается одним из важнейших вопросов прикладной филологии с древнейших времен. С развитием науки и техники, следовательно, и отраслевых терминологий, появились новые сложности перевода, связанные непосредственно с поиском эквивалентов не просто слов общего языка, а особых языковых единиц – терминов. Среди прочих особенностей терминов исследователи выделяют их зависимость от определенной системы взглядов²⁶⁷, кроме того, отмечается кумулятивность терминологической информации²⁶⁸, иными словами – способность накапливать знание. Эти и другие специфические свойства терминов осложняют процесс перевода.

В свое время В.М. Лейчик задал фундаментальный вопрос: «могут ли существовать термины, не зависящие от [определенной] теории?» Он отвечает на него следующим образом: «[могут] в неупорядоченных совокупностях единиц – терминологиях, а в терминосистемах – нет». Таким образом, он разграничивает два важных понятия: стихийно складывающуюся совокупность терминов – терминологию – и сознательно конструируемую совокупность терминов – терминосистему²⁶⁹.

Как было установлено в настоящем исследовании, становление терминосистемы уголовного права в английском языке происходило в три основных периода: изначально речь шла об определенном наборе лексики (древнеанглийский период), которая позднее, в среднеанглийский период, начала приобретать устойчивые системные черты, а еще позднее превратилась в полноценную терминосистему (новоанглийский период). Как совершенно справедливо отмечает В.М. Лейчик, терминология становится терминосистемой, когда сформулирована определенная теория (или теории), которые становятся основой описания соответствующей области знания. В этом случае единицами

²⁶⁷ Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М., КомКнига, 2006. – С. 101; Гвишиани Н. Б. Современный английский язык. Лексикология. Учебник бакалавра. Издание 3-е, переработанное и дополненное. – Юрайт Москва, 2013. – С.13; Анисимова А.Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук. – Saarbrücken. LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING, 2011. – С.5

²⁶⁸ Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – С.22

²⁶⁹ Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М., КомКнига, 2006. – С.104-107

терминологий являются предтермины, единицами терминосистем – термины²⁷⁰. Именно такой процесс был присущ становлению английской терминологии уголовного права, и совершенно неудивительно то, что окончательное складывание этой терминологии как системы произошло уже в современном английском языке и продолжается по сей день, причем именно сейчас наибольшую актуальность приобретает вопрос о том, возможен ли вообще перевод терминов с английского языка на другие.

Ответ на этот вопрос лежит в определенных свойствах термина, играющих ключевую роль в выборе эквивалента. Так, системность термина, его «вписанность» в иерархию и структуру принципиальна в данном случае потому, что в случае перевода юридических текстов с английского на русский речь идет, скорее, об установлении межсистемных соответствий между терминами, чем о переводе отдельных единиц. Кроме того, по словам А.Г. Анисимовой, разграничение научного и бытового толкования понятия принципиально для терминологии гуманитарных наук. Так, у ряда терминов таких наук терминологические свойства выражены недостаточно полно или вовсе отсутствуют²⁷¹.

Помимо системных свойств термина, для перевода оказывается важным также происхождение термина. Как отмечает О.С. Николаева, поскольку в английском языке существует три слоя латинских заимствований, перевод терминов из каждого из них будет обладать своими уникальными особенностями. Исконные термины, которые составляли группу слов с оценочным компонентом в древнеанглийском периоде, также будут обладать своими специфическими чертами, и т.д.

С теоретической точки зрения, возможность перевода термина с одного языка на другой означает, что у термина в языке-источнике (source language) определен четкий эквивалент, то есть инвариант в другом языке (target language).

²⁷⁰ Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. – 2000. – № 2(5). – С.23

²⁷¹ Анисимова А.Г. Теория и практика перевода терминов гуманитарных и общественно-политических наук. – М., Университетская книга, 2008. – С.10

При этом, в идеале, ни значение, ни, следовательно, перевод термина не должны зависеть от контекста. Тем не менее, на практике ситуация зачастую совершенно иная: словари дают многочисленные варианты перевода того или иного термина, что, конечно, противоречит требованию однозначности, однако объясняется в первую очередь тем, что терминам гуманитарных наук зачастую присуще авторское, индивидуальное понимание термина, и, следовательно, его перевод. При этом выбор эквивалента может быть контекстуально обусловлен. Кроме того, существование различных подходов к определению понятий, теорий и системы понятий также может осложнять процесс перевода с одного языка на другой.

В целом существуют разные теории относительно того, как можно переводить термины. Так, в западной науке существуют следующие методы перевода терминов со специфическими коннотациями: использование функционального или понятийного эквивалента (cultural/functional equivalent); буквальный перевод (translating word by word); заимствование оригинального термина языка-источника (transcribing (i.e. borrowing the SL term)); создание неологизма (neologising)²⁷². В российской же традиции существуют следующие способы перевода терминов: подбор лексического эквивалента, беспереводное заимствование, трансформационный перевод, описательный перевод, или интерпретация, и калькирование. Каждый из этих способов применяется для перевода терминов уголовного права с английского языка на русский.

При **нахождении лексического эквивалента** подбирается наиболее близкое по семантике монологемное соответствие для термина, не имеющего в русском языке точных соответствий, а также для перевода английской безэквивалентной лексики²⁷³. Примерами такого способа перевода являются: *murder* – *убийство*, *theft* – *кража*, *corpse* – *труп*, *lawyer* – *юрист*, *crime* – *преступление* и многие другие. Термины, которые переводятся при помощи этого способа, преимущественно являются единицы, которые появились в древне- и среднеанглийский период и обозначают базовые понятия, которые присутствуют

²⁷² Анисимова А.Г. К вопросу о переводе терминов гуманитарных наук // Язык. Сознание. Коммуникация. Выпуск 21, 2002. С. 139-143

²⁷³ Там же. С.142

и в романо-германской правовой системе. Их происхождение может быть при этом как англосаксонским, так и латинским.

Способ беспереводного заимствования терминов реализуется через транскрипцию или транслитерацию. Примерами терминов, которые были введены в русский язык при помощи этого способа являются: *бёрглэри (burglary)*, *фелония (felony)*, *фелон (felon)*, *солиситор (solicitor)*, *коронер (coroner)*, *барристер (barrister)*, *атторней (attorney)* *мисдиминор (misdemeanour)*, а также многочисленные латинские выражения: *ад хок (ad hoc)*, *де-факто (de facto)*, *де-юре (de jure)*. В то время как *burglary*, *felony*, *felon*, *solicitor*, *coroner*, *barrister*, *attorney* и *misdemeanour* являются заимствованиями конца среднеанглийского-начала новоанглийского периода (XII-XVI века) и принадлежат к заимствованиям из старо-, среднефранцузского и латинского, латинские выражения были заимствованы из средневековой латыни в 1879, 1601 и 1611 годах соответственно, т.е. в новоанглийский период.

Данный метод, будучи необходимым в отдельных случаях, тем не менее, не рекомендуется для широкого применения, поскольку часто происходит излишнее заимствование, в то время как в языке уже существует искомый вариант перевода термина. Так, к примеру, термины *bullying* и *mobbing*, означающие *травлю*, *преследование*, часто транслитерируются: *буллинг*, *моббинг*. Другой термин, *stalking*, который чаще всего также транслитерируют, также переводится как *преследование*. Следует отметить, что эти три термина появились в английском языке в период с XVIII по конец XX века, то есть они являются терминами новоанглийского периода. В целом примечательно, что почти все термины, которые переводятся данным способом, являются отражением влияния римского права и латыни на становление английского права и языка.

Трансформационный перевод является весьма распространенной стратегией при поиске эквивалента специфического понятия. В его основе лежит передача изначального смысла при помощи лексических и/или синтаксических изменений первичной структуры термина. Термин *bench warrant* принято переводить как *приказ об аресте*, несмотря на то, что в оригинальном термине

нет слова, означающего арест, и именно в этом и заключается трансформация. *Wrong-doer* соответствует русскому *правонарушитель*, несмотря на то, что в языке-источнике в исходном термине нет слов со значением *право*. Напротив, в английском термине присутствует элемент *wrong-*, а в русском он передан антонимически – *нарушитель порядка*. Еще одним примером трансформационного перевода является *to be wanted* – *находиться в розыске*.

Представляют интерес также следующие примеры терминов:

abjuration – *клятвенное отречение*. Английский монологемный термин переводится словосочетанием;

access to counsel – *право на консультацию со своим адвокатом*. Данный пример интересен сразу по нескольким причинам: несмотря на то, что и оригинальный, и переводной термины являются полилексемными, термин претерпел значительную трансформацию при переводе на русский: *access* (*доступ*) переведен как *право*, кроме того, в переводе присутствует уточнение – *со своим* (адвокатом), чего нет в оригинале.

Термин *bench trial* переводится на русский как *судебный процесс без присяжных*, что также иллюстрирует трансформационный перевод: *bench* подразумевает судью, который будет выносить решение по делу, а в переводе употребляется отрицательная конструкция – *без присяжных*.

Примечательно, что приведенные примеры относятся к терминам, появившимся в английском языке в средне- и новоанглийский период (с XII по XV века), среди них есть как исконные (*wrong-doer*, *wanted*, *bench* в составе терминологических сочетаний), так и латинские (*warrant*, *abjuration*, *access*, *counsel*, *trial*) термины.

Описательный перевод (интерпретация) также широко применяется как способ передачи значения при переводе безэквивалентной лексики, к которой относятся многие термины английского уголовного права. Так, к примеру, для перевода безэквивалентной единицы *barrister* (которую также транслитерируют – *барристер*) в русском существует аналог *адвокат высшего ранга, имеющий право выступать в суде*; *coroner* (также транслитерируемый – *коронер*) – *следователь, в*

компетенцию которого входит расследование случаев насильственной или внезапной смерти. Аналогичным образом, *wayward youth* – несовершеннолетний, проявляющий непослушание (вид делинквентности несовершеннолетних); *appellor* – лицо, обвиняющее кого-либо, преступник, изобличающий своих сообщников. Многие реалии, как, например, *Sheriff's Departments* – Управления шерифов в графствах (местные полицейские формирования в США), невозможно перевести без пояснения, поскольку в русском языке таких понятий не существует. Знаменательно, что происхождение терминов, в переводе которых применяется данный способ, различается. Так, термин *sheriff* является одним из древнейших англосаксонских терминов (появление его в языке отмечается до XI века), в то время как *coroner* появился в языке в XII веке, *wayward (youth)* – в XIV веке, *barrister* и *appellor* – XV и XVI века соответственно. Следует отметить, что *wayward* является среднеанглийским образованием от двух исконных корней – *way-* – *путь* (ср. совр. нем *Weg* – путь) и *ward-* – *направление*, а *barrister* и *appellor* пришли из латыни через старофранцузский^{*3}.

Если выше речь шла о различных способах перевода как моно-, так и полилексемных терминов, под **калькированием** понимается пословный перевод составных частей сложного термина или термина-словосочетания. В этом случае переводятся последовательно все составляющие:

material evidence – *вещественные доказательства*;

summon a witness – *вызвать свидетеля*;

corpus delicti – *«тело»/состав преступления*.

Именно с последним рассмотренным способом перевода, калькированием, связано наибольшее количество сложностей. Это объясняется тем, что, во-первых, до 80-х годов XX века терминами считались в первую очередь однословные единицы, а словосочетания незаслуженно игнорировались. Поэтому, в то время как теория перевода, начав развиваться еще в первой половине прошлого века, рассматривала в основном монологемные термины, термины-словосочетания оказались недостаточно изученными.

К первой особенности (и сложности) перевода словосочетаний относится **многообразие возможных способов перевода**. Как уже было рассмотрено выше, есть ряд полилексемных терминов, которые переводятся более чем одним способом. Чаще всего к таким терминам относятся реалии: профессии (*barrister* – *барристер*, *определенный тип адвоката*), классификация преступлений (*felony* – *фелония*, *тяжкое преступление*, *misdemeanour* – *мисдиминор*, *нетяжкое преступление*), составы преступлений (*burglary* – *бёрглэри*, *кража со взломом*) и отдельные явления, связанные с криминологией (*victim blaming* – *виктимблейминг*, *обвинение жертвы*). Следует отметить, что выбор эквивалента в данном случае зависит от контекста и от предполагаемой аудитории.

Во-вторых, затрудняет задачу переводчика и **многозначность исходного термина**. Так, в случае, когда термин в языке-источнике имеет не одно, а несколько значений, ему будет соответствовать несколько эквивалентов в языке перевода: так, к примеру, *serious injury* – это одновременно и *серьезный ущерб*, и *тяжкое повреждение*. С одной стороны, первый вариант перевода является более общим и подразумевает под собой в том числе и телесные повреждения, с другой – это совершенно разные термины, означающие разные понятия.

Разнообразие конструкций для трансформационного перевода также представляет собой особенность и в наибольшей степени проявляется именно при переводе словосочетаний. Термин *victims of crime Act* – *закон о жертвах насилия* иллюстрирует следующие модели в исходном термине и в переводе:

$$(сущ1 + предлог + сущ 2) сущ 3 = сущ 3 + предлог + сущ 1 (твор. п.) + сущ 2 (род. п.),$$

где заключенная в скобки часть является определением, для сущ 3. В переведенной конструкции такая часть отсутствует.

Juvenile justice department — *отдел по борьбе с подростковой преступностью* иллюстрирует иную модель трансформации:

$$(сущ 1 + сущ 2) сущ 3 = сущ 3 + предлог + сущ 4 (дат. п.) + предлог + прил., \\ произв. от сущ 1 + сущ 5 (твор. п.).$$

Так, в переводе отсутствуют значения терминов, обозначенных сущ 2 и сущ 3, однако введены новые — сущ 4 и сущ 5.

Заслуживают внимания также примеры перевода терминов с аббревиатурами: *NSA surveillance* — *наблюдение национальной службы безопасности*. Модель трансформации здесь следующая:

Аббр + сущ 1 = сущ 1 + прил 1 + сущ 2 (род. п.) + сущ 3 (род. п.),

где в аббревиатуре (аббр) заключены прил 1 + сущ 2 + сущ 3, которые «развернуты» в переводе.

Кроме того, часто применяется стяжение при переводе:

Attorney at law – *адвокат*;

Age of consent – *совершеннолетие*;

Justice court – *суд*.

Или, напротив, добавляются новые слова:

Minor crimes – *преступления малой или средней тяжести*;

Affect punishment – *влиять на определение наказания*;

Drunk and incapable – *пьян и неспособен сознавать преступный характер совершаемых действий или возможность причинения преступных последствий*.

Контекстуальная зависимость перевода словосочетаний (сочетаемость) может быть проиллюстрирована на примере следующих родовых и видовых терминов, иллюстрирующих родовидовую иерархию понятий:

Criminal

Criminal addict – преступник, ставший наркоманом;

Criminal assault – преступное нападение;

Criminal charge – обвинение в преступлении;

Criminal gang – банда преступников.

Несмотря на то, что у всех четырех терминов родовым термином является один и тот же – *criminal* – все четыре термина имеют совершенно разные эквиваленты.

Evidence:

Expert **evidence** – показания экспертизы;

False **evidence** – ложное доказательство;

Indicative **evidence** – указание на способ получения доказательств;

Superficial **evidence** – внешние признаки доказательства.

Аналогичным образом, термины, имеющие одинаковый родовой термин – *evidence* – но отличающиеся видовыми терминами переводятся совершенно различными конструкциями и способами.

Procedure:

Civil **procedure** – гражданский процесс, гражданское процессуальное право;

Court **procedure** – судопроизводство;

Criminal **procedure** – уголовный процесс;

Emergency **procedure** – чрезвычайная процедура.

В данном примере *procedure* переводится как *процесс, процессуальное право, производство* и лишь один раз – как *процедура*.

Таким образом, как видно из приведенных примеров, очень часто при переводе терминов уголовного права на русский язык нет готовых устойчивых конструкций. Кроме того, видовые термины, имеющие общий родовой термин, могут переводиться совершенно различными способами.

Следующими сложностями, с которыми сталкивается переводчик при переводе терминов-словосочетаний, являются особенности образования терминов. Наибольшую сложности при переводе представляют три группы: термины, основанные на метафоре, термины, основанные на метонимии и эвфемизмы.

Как уже было рассмотрено ранее в работе, термины, основанные на метафоре достаточно широко представлены в английской терминологии уголовного права, при этом они часто фиксируются в словарях. Тем не менее, между появлением термина в профессиональной речи и его фиксацией в словаре может пройти до десяти лет. Отсутствие термина в словаре являет собой дополнительную сложность при переводе таких единиц (что, впрочем, может

быть решено при помощи современных средств – поиска в сети Интернет, изучения корпусных данных и т.д.). Однако, даже в случае, если термин зафиксирован в лексикографических источниках, возможны трудности интерпретации, связанные с прямым пониманием составных частей термина. Именно такова ситуация со следующими терминами-идиомами:

arrest of judgement – не арест, а *приостановка исполнения решения*;

fishing expedition/trip – не рыбная прогулка, а *зондирование почвы, сбор компрометирующих документов*;

miscarriages of justice – *судебные ошибки*;

straw purchase – *опосредованное незаконное приобретение оружия*.

Следует отметить, что последний из рассмотренных терминов до сих пор не зафиксирован в англо-русских словарях.

Аналогичным образом выглядит ситуация с переводом терминов, в основе которых лежит метонимический перенос:

cumulative punishment – *совокупность преступлений* (а не наказаний);

the bench and the bar – *судьи и адвокаты*;

bar association – *ассоциация адвокатов*;

bench trial – *судебный процесс без присяжных (т.е. только с судьей)*.

Так, в приведенных примерах *bar* и *bench* означают не непосредственно мебель в судебном зале, а тех, кто находится на ней, то есть, с одной стороны, судью (*bench*), с другой – адвокатов (*bar*).

Наконец, еще одной группой терминов-словосочетаний, которые зачастую вызывают сложности при переводе с английского на русский, являются эвфемизмы.

Существует множество определений термина *эвфемизм*. Среди них, например, такие: «euphemisms are emotionally neutral words or expressions used instead of synonymous offensive, too direct or unpleasant words²⁷⁴». О.С.Ахманова в своем «Словаре лингвистических терминов» определяла этот термин следующим

²⁷⁴ Veisbergs A. Euphemisms in General (Monolingual and Bilingual) Dictionaries / A. Veisbergs // Proceedings of the 9th Euralex International Congress. – Stuttgart: Eurolex. – 2000. – Vol. II. – P. 773-780.

образом: «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягченном обозначении какого-либо предмета²⁷⁵». Как отмечает Шейгал, эвфемистическая номинация являет собой результат компромисса между семантикой и прагматикой, то есть между отражением сущности денотата и интересов говорящего²⁷⁶.

Перечень подобных определений с легкостью можно расширить, однако задачей настоящего исследования является рассмотреть специфические черты эвфемизмов в терминологии уголовного права и особенности их перевода на русский язык.

В целом тот факт, что в терминологии уголовного права любого языка присутствуют многочисленные эвфемизмы, не вызывает удивления, поскольку сфера права зачастую касается не самых приятных, а зачастую – и табуированных концептов, наряду с такими как анатомия и физиология человека, медицина, военное дело и другими. По мнению многих филологов, эвфемизмы являются одной из наиболее динамичных областей в лексике современного английского языка. Причиной повышенной «подвижности» плана выражения эвфемизмов является следующий факт: несмотря на то, что изначально термин, заменяющий некоторый другой, не имеет отрицательных коннотаций, он зачастую склонен к приобретению пейоративного созначения, и, следовательно, возникает потребность во введении в обиход нового эвфемизма.

Что касается первичного формирования эвфемизмов, исследователи приводят различные теории. Так, Б. Воррен утверждает, что процесс эвфемизации связан с двумя видами изменений: плана выражения (*formal innovation*) и плана содержания (*semantic innovation*). В выделенных двух видах изменений существуют также несколько групп. Так, формальные изменения делятся на изменения с помощью словообразовательных средств (*word-formation devices*), фонетических изменений (*phonemic modification*) и заимствований (*loan words*)²⁷⁷.

²⁷⁵ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – С.521

²⁷⁶ Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва: Гнозис, 2004, с.189-324

²⁷⁷ Warren B. What euphemisms tell us about the interpretation of word. – In: *Studia linguistica*. – V. 46. – 1996. № 2. – P.134

Один из крупнейших исследователей эвфемизмов В.П. Москвин приводит несколько иную классификацию способов образования эвфемизмов и делит причины их возникновения на 4 основные группы:

- 1) нарочито двусмысленная речь (металепсис, незамкнутой метафоры, паронимическая замена, антифразис);
- 2) нарочито неясной речи (прономинализация, антономасия, эллипсис, книжность);
- 3) нарочито неточной речи (видовое перенесение, синекдоха, мейозис;
- 4) речь, не отягощённой бытовыми ассоциациями²⁷⁸.

Таким образом, несмотря на актуальность и высокую степень исследованности темы, существует множество теорий, описывающих причины и способы появления эвфемизмов.

Что касается исследования эвфемизации в англоязычной терминологии уголовного права, следует отметить, что наиболее часто данная тема поднимается в смежной тематике – международном уголовном праве. Термины, которые неизменно привлекали внимание как лингвистов-терминологов, так и юристов, это: *ethnic cleansing*, или *disenfection*, а также *collateral damage*. Первые два означают, по сути, одно и то же явление – *геноцид*, *этнические зачистки*, намеренное устранение определенных этнических или национальных групп. Наибольшее распространение эти термины-эвфемизмы получили в 90-е годы во время войны в Косово.

Термин *collateral damage* – *сопутствующий ущерб* – означает жертвы среди гражданского населения в результате военных действий. Это терминологическое словосочетание получило широкое распространение в годы войны в Ираке (2003-2011).

Среди терминов уголовного права Англии также существуют многочисленные эвфемизмы: так, изнасилование (*rape*) чаще всего заменяется термином *sexual assault*, *carnal knowledge*, или моноксемным *ravishment*. В

²⁷⁸ Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования// Вопросы языкознания - 2001. - №3. – С. 88-100

значительной степени распространены термины *capital punishment*, *capital crime*, *capital charge* – смертная казнь; преступление, наказанием за которое является смертная казнь; обвинение в таком преступлении.

Следует отметить также, что часто эвфемизации «помогает» аббревиатура – *VOC (victim of crime)*, *DWI (driving while intoxicated)*, *CPD (city police department)*. В юридическом языке в целом и в уголовном праве в частности аббревиатуры получили высокую степень распространения, поскольку они успешно справляются с задачей создания особого языка, непонятного простым людям. При этом перевод таких единиц может представлять определенные сложности уже хотя бы потому, что для перевода частей аббревиатуры необходимо знать ее полную форму.

Рассмотренные выше трудности перевода терминов-словосочетаний не являются окончательным списком таких особенностей. Кроме того, следует отметить, что подобные трудности встречаются и в переводе монологических терминов. Так, одной из основных сложностей перевода терминов в целом является их многозначность:

abuse (v) – 1. Злоупотреблять; 2. Превышать;

violate – 1. Нарушать; 2. Насиловать;

violence – 1. Насилие; 2. Принуждение; 3. Физическое насилие;

4. Посягательство; 5. Нападение;

testify – 1. Давать показания; 2. Представить доказательства;

3. Утверждать, заявлять;

steal – 1. Воровать; 2. Красть; 3. Похищать;

racket – 1. Рэкет; 2. Шантаж; 3. Вымогательство; 4. Обман;

5. Мошенничество.

Примечательно, что англо-русские словари профессиональных терминов могут давать избыточные определения. Так, в случае термина *violence* определения 3, 4 и 5 в значительной степени близки. Аналогичным образом термин *steal* переводится тремя терминами-синонимами на русский. Подобное

явление принято называть ложной полисемией, которая создается искусственно составителями словарей и также может осложнить перевод терминов.

Несмотря на высокую востребованность перевода с английского языка на русский, по сей день существует значительный список сложностей, сопровождающих этот процесс. Следует отметить, что перевод терминов уголовного права с английского на русский язык обусловлен как типом, так и происхождением термина. Среди структурных видов терминов выделяют моно- и полилексемные. При этом подбор лексического эквивалента, беспереводное заимствование, трансформация и описательный перевод применимы как к однословным, так и к многословным терминам, а калькирование используется исключительно для терминов-словосочетаний.

Что касается перевода моно- и полилексемным терминов, удалось установить некоторые закономерности способа перевода в зависимости от происхождения термина. Так, способ лексического подбора терминов применим преимущественно к терминам, появившимся в английском языке до новоанглийского периода, при этом происхождение терминов различно, присутствуют как англосаксонские, так и латинские термины. Напротив, метод беспереводного заимствования иллюстрирует особенное влияние латыни на английский и русский языки: большинство терминов, переводимых этим способом, пришли в английский в среднеанглийский и новоанглийский период. Латинские термины, заимствованные без изменения, пришли исключительно в новоанглийский период.

Трансформационный перевод применяется как к исконным, так и к заимствованным из французского или латыни терминам, появившимся в средне- и новоанглийский периоды. Наконец, описательный перевод применим к терминам разного происхождения: среди терминов есть англосаксонские термины (древнеанглийский период, среднеанглийский период) и латинские термины (среднеанглийский период, новоанглийский период). Поскольку существует ряд терминов, которые переводятся как беспереводным заимствованием, так и

описательным методом, спектр лексики, к которой эти два способа применимы, во многом совпадает.

Особенности перевода терминов-словосочетаний также predeterminedены, во-первых, отличием английских и русских устойчивых моделей образования терминов, различной лексической сочетаемостью терминов в английском языке (контекстуальная обусловленность). Особняком стоят полисемичные термины: такой тип терминов переводится всегда в зависимости от контекста, что справедливо как для поли-, так и моноксемных полисемантических терминов.

Наиболее сложным для исследователя материалом являются полилексемные термины, образованные в результате метафоризации или метонимии, а также различные типы эвфемизмов. Исследование показало, что термины, основанные на метафоре, практически не сохраняют метафорический образ и экспрессию в переводе, в то время как метонимический перенос вполне успешно осознается в переводе на русский.

Среди эвфемизмов удалось также выделить полнословные термины, а также аббревиатуры, которые успешно выполняют функцию эвфемизма – скрывание основного значения термина. При переводе эвфемизмов необходимо изначально определить исходный, «заменяемый» термин, а в случае аббревиации – расшифровать ее, а затем применить один из рассмотренных выше способов перевода.

Несмотря на рассмотренные выше основные способы перевода терминов уголовного права, переводчики зачастую сталкиваются со сложностями перевода конкретного термина в конкретном контексте, что в некоторой мере обусловлено спецификой терминологии. Кроме того, по сей день нет полного перечня устойчивых конструкций, с помощью которых необходимо переводить терминологические единицы. Наконец, терминология уголовного права, продолжая развиваться, пополняется все новыми и новыми терминами, для которых еще нет вариантов перевода, что также представляет собой сложность для переводчика.

Современные тенденции к глобализации и распространению английского языка как *lingua franca* объясняют актуальность исследований перевода терминов. При этом следует помнить, что в случае терминосистем, к коим относится и терминология уголовного права, изучение способов перевода возможно только после рассмотрения процесса становления терминологии, поскольку в случае поиска эквивалента в русском языке происходит не столько сопоставление и сравнение английского и русского вариантов, сколько сопоставление целых терминосистем.

Одним из ключевых инструментов перевода терминов являются словари, поэтому сложно переоценить важность наличия надежных словарей. Однако, как было показано выше, они не всегда могут помочь переводчику: нередко значение, приведенное в словаре, не совпадает с тем, которое термин приобретает в контексте, либо же термин в принципе отсутствует в словаре. Так, терминологическое сочетание *abuse of office* (*злоупотребление должностными полномочиями*) отсутствует в словаре под ред. Кашкина С.Ю., Мамуляна А.С.²⁷⁹, несмотря на то, что авторы приводят весьма близкие термины, как-то: *abuse of power*, *abuse of process* и другие.

Еще одним примером, иллюстрирующим трудности, сопряженные с переводом терминов уголовного права, является *bond court* (*суд, слушающий дела о возможности поручительства*). В словаре (под ред. Marina Braun) приводится термин *bond bail* (*поручительство, обязательство, долговая расписка*), однако *bond court* отсутствует. При этом термин является одной из реалий современной системы судопроизводства.

Подобных примеров можно было бы привести великое множество, однако цель диссертации – показать, что исследование отраслевых терминологий является фундаментальным вопросом, решение которого важно как для отечественного образования и подготовки профессионалов, способных работать в международном сообществе, так и для осуществления успешной межкультурной коммуникации. Именно поэтому так важно критически относиться к

²⁷⁹ Кашкин С.Ю., Мамулян А.С. Англо-русский полный юридический словарь, Первое издание. – М., 1993. – 389 с.

существующим на сегодняшний день терминологическим словарям и устранить обнаруженные недочеты.

Комментарии к Главе 3

*Некоторые терминоведы (Е.Н. Толикина. *Некоторые лингвистические проблемы изучения термина* // *Лингвистические проблемы научно-технической терминологии*. М.: Наука, 1970; В. І. Пілецький. *Деякі лінгвістичні проблеми українського термінознавства* // *Український правопис і наукова термінологія: проблеми норми та сучасність: матеріали засідань Мовознавчої комісії і Комісії всесвітньої літератури НТШ у Львові 1996-1997 рр.* Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 1997) считают терминологическую синонимию негативным явлением. Другие ученые, к примеру, В.А. Татарinov (*Теория терминоведения. В 3 томах. Т.1: Теория термина: история и современное состояние*. М.: 1996), Е.А. Федина (*Синонимические отношения в медицинской терминологии* // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. №3 (11), 2010) относятся к явлению синонимии положительно и утверждают, что термины-синонимы полезны, поскольку каждый из них по-разному раскрывает содержание понятия. В.М. Лейчик оценивает наличие синонимов в терминологии как закономерный результат развития науки и увеличения объема научного знания об объекте (*Терминоведение: предмет, методы, структура*. М.: КомКнига, 2006). В целом вопрос о синонимии в терминоведении остается открытым, поскольку существует мнение (С.И. Щербина. *К вопросу о терминологической синонимии* // *Русский язык: история, диалекты, современность: Сб. науч. трудов*. М.: Моск. пед. университет, 2000), что в терминологиях могут присутствовать лексические дублиеты, но не синонимы.

*²На примере терминов *sane – insane – non-insane* хорошо видно, насколько в английском языке развита грамматическая антонимия. Помимо пары *sane-insane* существует другая пара: *insane – non-insane*, хотя термины *sane* и *non-insane* имеют одинаковый план содержания.

*³В целом примеры, иллюстрирующие данные способ перевода, также иллюстрируют понятийное соответствие (в сравнении с функциональным соответствием).

Выводы к Главе 3

Несмотря на многообразие подходов к изучению различных современных англоязычных терминосистем, наиболее подходящим для изучения современных английских терминов уголовного права является типологическое исследование терминов. В результате такого исследования удалось установить, что макротерминология уголовного права, начавшая свое формирование еще в древнеанглийский период, и продолжающая развиваться сегодня, является не просто терминологией, а терминосистемой. Данный тезис подтверждается как взаимозависимостью терминов, так и высокой степенью развитости родовидовых отношений терминов, развитыми синонимическими и антонимическими отношениями. Устойчивые модели словообразования, а также повторяющиеся аффиксы подкрепляют тезис о системной природе терминологии уголовного права.

Английские термины уголовного права делятся на две группы с точки зрения плана выражения: они являются моноксемными или полилексемными, при этом некоторые корни обладают высокой деривационной способностью (*law-*, *crim-*, *just-*). Полилексемные термины образуются в основном при помощи номинативных конструкций (приблизительно в 70% случаев). Моноксемные термины часто образуются при помощи аффиксов, придающих корню определенное значение.

Термины уголовного права, рассмотренные с точки зрения плана содержания, делятся на консубстанциональные термины, а также термины, прошедшие разные степени терминологизации. Термины уголовного права также продуктивно образуют отношения синонимии (от двух до шести звеньев) и антонимии, при этом морфологически выраженная антонимия проявляется в свыше 66% всех исследованных случаев антонимических отношений.

Большинство терминов уголовного права является моносемантичными терминами (82%), а некоторое количество терминов (от 20 до 25%, в зависимости от словаря) основаны на метафоре и метонимическом переносе.

С точки зрения прагматики, термины уголовного права также обладают рядом особенностей. Они представлены жаргонизмами, профессионализмами, а также подвержены вариативности, как орфографической, так и лексической.

Перевод современных терминов, а также ряда сохранившихся латинских терминов, присутствующих в терминологии английского уголовного права, зависит от типа термина. В целом перевод как поли-, так и моноксемных терминов являет собой нетривиальную задачу для переводчика по ряду причин: во-первых, несмотря на существование определенных способов перевода, а именно: подбор лексического эквивалента, беспереводное заимствование, калькирование, трансформация и интерпретация, зачастую термин можно перевести несколькими способами (например, заимствованием единицы или интерпретацией). В рамках существующих способов перевода поли- и моноксемных терминов уголовного права удалось установить связь между этимологией термина, а также его типом, и способом перевода. Так, термины, которые присутствуют в английском языке еще с древнейших времен (древнеанглийский период), переводятся в большинстве случаев при помощи подбора лексического эквивалента или описательно, если речь идет о культурной реалии. Термины, пришедшие в английский язык в среднеанглийском периоде, обладают большим разнообразием способов: им также подбирают эквивалент в русском, или, если речь идет о специфической реалии, применяются беспереводное заимствование, трансформация или описательный перевод. Термины новоанглийского периода заимствуются без перевода, но также и трансформируются при переводе или переводятся описательно.

Значительную сложность при переводе терминов создают термины-словосочетания, среди которых также выделены определенные типы: поли- и моносемантические термины, термины, основанные на метафоре, метонимии или в результате эвфемизации, а также термины, построенные по определенной модели словообразования, которая практически никогда не совпадает с моделью перевода в русском. Каждый из типов терминов имеет свои особенности перевода, а такие свойства терминов, как полисемантичность, зависимость термина от контекста, а

также особенности, связанные с планом содержания терминов (термины, основанные на метафоре, метонимии и термины-эвфемизмы), представляют собой наибольшую сложность при переводе. Наконец, новые термины уголовного права, которые продолжают появляться в языке, также требуют внимательного отношения в контексте перевода с английского языка на русский, поскольку далеко не всегда они находят отражение в двуязычных словарях. Кроме того, порой составители словарей усложняют задачу переводчика, помещая туда ложные полисемантические термины, то есть приписывая им дополнительные значения. Данные сложности частично разрешимы при помощи корпусных исследований терминов, а также расширенного поиска терминов в сети Интернет, что, однако, не гарантирует успешного нахождения эквивалента.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Исследование особенностей терминов права в английском языке представляет собой важность как с теоретической, так и с практической точки зрения. В последние десятилетия актуальность межкультурных и межкультурных исследований, а также исследований в сфере языков для специальных целей (LSP) продиктована необходимостью оптимизации процесса межкультурной коммуникации и подготовки высококвалифицированных кадров в данной области. Для решения этих фундаментальных задач рассматриваются такие вопросы, как отбор терминов для изучения, оптимизация процесса перевода терминов с английского языка на русский и с русского на английский, а также исследуется становление и типологические особенности английской терминологии права. При этом, несмотря на то, что термины уголовного права являются интегральной частью правовой терминологии, они обладают рядом отличительных особенностей, присущих только им, что объясняется как общими особенностями становления терминологии уголовного права в английском языке, так и специфическими чертами современных типов терминов.

Английская терминология уголовного права начала свое становление в древнеанглийский период развития общего языка, что было предопределено, с одной стороны, завоеванием острова англосаксами и последующим развитием государственности, с другой – сложившимся социальным порядком и иерархией древнеанглийского общества, которая в большой степени способствовала развитию правовых отношений. Базой для будущей терминологии стала лексика, описывающая реалии данного периода (предтермины), а главным источником специальной лексики являлся процесс сужения значения лексики общего языка, в результате чего уже в V-X веках у англосаксов существовали фундаментальные понятия современного уголовного и наказательного права, которые составляли четыре устойчивые семантические группы: прототермины, обозначающие преступления, преступника, участников судебного процесса и виды наказания.

Значительная часть терминов уголовного права сформировалась также в результате морфологического, лексико-морфологического и синтаксического способов образования лексики, причем прототермины-словосочетания составляли лишь 10% от общего числа терминов.

Исследование показало, что древнеанглийский период становления терминологии уголовного права характеризуется центробежными тенденциями в силу разнообразия региональных диалектов английского языка, а также из-за развитости терминообразования, и, как следствие, появления внутри- и межсловной вариативности. Несмотря на то, что в древнейший период речь идет о стихийном формировании лексики уголовного права, установлены отдельные проявления системности: антонимические отношения терминов (в 70% случаев выражены морфологически), устойчивые модели словообразования, частотные аффиксы, а также установлена реализация принципа *genus proximum et differentia specifica*.

Среднеанглийский период становления английской терминологии уголовного права характеризовался наиболее активным во всей истории английского языка пополнением как общей, так и специальной лексики латинскими и французскими (нормандскими) терминами права. Данное явление привело к ряду лексических замен исконной лексики новыми единицами, латинизации существующих терминов, а также к процессу конверсионного терминообразования. Большую часть терминов-конверсиров (более 75%) составляла специальная лексика, причем наибольшая часть (88%) приходилась на заимствованные единицы.

В XI-XV веках наблюдаются две противоположные тенденции в становлении терминологии уголовного права: стремление к унификации права, а значит, и стандартизации лексики, с одной стороны, и попытки сохранения региональных диалектов, с другой. Именно в этот период в терминологии уголовного права начинает устойчиво проявляться системность, что выражалось в активной аффиксации, морфологической антонимии, наличии устойчивых

моделей словообразования, большего разнообразия синтаксических моделей по сравнению с древнеанглийским периодом в силу усиления аналитизма.

Английская терминология уголовного права в полной мере трансформировалась в терминосистему в новоанглийский период развития языка. Именно в этот период, отмеченный множеством важнейших экстралингвистических обстоятельств, которые в целом способствовали центростремительным тенденциям в языке, происходит утверждение английского языка как национального. Впоследствии на его базе активно стали развиваться профессиональные языки.

В ранненовоанглийский период и в современные периоды становления терминологии наблюдается наибольшее разнообразие способов терминообразования: терминологизация единиц общего языка, аффиксация, конверсия, усечение основ. Особое значение (начиная с XIX века) приобретает синтаксический способ образования терминов. В новоанглийский период наблюдается складывание фонда интернациональных терминов, а также активное взаимовлияние уголовного права Англии и международного уголовного права, что также находит отражение в лексическом составе языка.

Пройдя длительный путь становления, терминология уголовного права в английском языке продолжает формироваться и изменяться по сей день, что определяется в первую очередь экстралингвистическими причинами, а именно – криминализацией и декриминализацией определенных деяний. Наблюдается активное взаимодействие английской и американской терминологии уголовного права, причем, несмотря на то, что ранее английская терминология была базой для американской, сегодня имеет место обратный процесс, когда множество американских терминологических единиц активно вводятся в британский юридический дискурс.

Структурно-семантический и прагматический анализ современных типов терминов возможен лишь на базе результатов изучения исторического складывания терминологии уголовного права во всех периодах становления общего языка. Планы выражения и содержания, а также прагматические

особенности терминов тесно переплетены между собой и определяют прикладные особенности терминологических исследований, в первую очередь – процесс перевода терминов уголовного права.

Важнейшее значение для перевода терминов уголовного права играет их системная природа. Встроенность в иерархию, способность образовывать отношения противоположности и взаимообусловленность терминологических единиц, с одной стороны, определяют специфику поиска межязыковых эквивалентов, с другой – свидетельствуют о существовании определенной теории, лежащей в основе профессиональной терминологии.

Несмотря на существование ряда традиционных способов перевода терминов (подбор лексического эквивалента, беспереводного заимствования, трансформационного перевода, интерпретации и калькирования), зачастую перевод конкретных единиц терминологии уголовного права с английского языка на русский представляет существенную сложность. При этом существует корреляция между происхождением термина и его типом (поли- или моноксемный термин) и способом перевода, применимым к нему. Способ перевода обуславливает как особенность плана содержания (многозначность единиц, зависимость термина от контекста, особенности образования терминов и другие), так и плана выражения (поли- и моноксемность терминов). Также в силу постоянного пополнения терминологии уголовного права новыми терминами, что происходит из-за появления новых составов преступления, словари зачастую не успевают фиксировать адекватный перевод того или иного термина.

Значительный интерес для переводчика и исследователя составляют особенности прагматики терминов уголовного права, поскольку термины, основанные на метафоре, метонимическом переносе, а также эвфемизмы создают определенные трудности в попытке установления эквивалентности с единицами в русском языке.

В результате проведенного исследования были установлены наиболее важные особенности и тенденции становления терминосистемы уголовного права

в английском языке; определены типы терминов с точки зрения разных аспектов и изучена взаимосвязь типа и происхождения термина и его перевода с английского языка на русский.

Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших лингвистических, исторических и типологических исследований в сфере терминоведения, а также для оптимизации таких процессов, как преподавание языков для специальных целей и юридического перевода.

Перспективами дальнейших исследований в данной области является, во-первых, изучение особенностей функционирования терминов уголовного права в разных жанрах. Кроме того, соотношение консерватизма и инновации в рассматриваемой системе также требует более детального рассмотрения. Частные вопросы, как-то: моно- и полисексемность как специфическая черта терминов английского уголовного права, консубстанциональные и неконсубстанциональные термины в составе терминологии, а также проблема наличия «ложных друзей переводчика» в английской терминосистеме уголовного права также видятся весьма перспективными для будущих научных изысканий.

Список использованных источников

1. Авакова О.В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 208 с.
2. Агабалиева И.Э. Формирование американской правовой системы // Актуальные вопросы юридических наук: материалы международной научной конференции. Челябинск: Два комсомольца. – 2012. – С. 102-105
3. Алимуратов О.А., Лату М.Н. Особенности терминологической номинации: когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств) // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. – 2008. – № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. – С. 13-18
4. Анисимова А. Г., Капшутарь Е. С. Об особенностях становления англоязычной терминологии уголовного права: лексико-семантический аспект // Вестник Чувашского университета. Филологические науки. Языкознание. – 2015. – № 4. – С. 215-222
5. Анисимова А. Г., Капшутарь Е. С. Особенности становления английской терминологии уголовного права в v-х веках // Научный диалог. – 2016. – № 10 (58). – С. 9-20
6. Анисимова А.Г. К вопросу о переводе терминов гуманитарных наук // Язык. Сознание. Коммуникация. – 2002. – №21. – С. 139-143
7. Анисимова А.Г. Методология отбора терминов при обучении языку для специальных целей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С.98-107
8. Анисимова А.Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук. – Saarbrücken. LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING, 2011. – 371 с.
9. Анисимова А.Г. Теория и практика перевода терминов гуманитарных и общественно-политических наук. – М., Университетская книга, 2008. – 238 с.

- 10.Анисимова А.Г. Типология терминов англоязычного искусствоведения: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 149 с.
- 11.Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка: учеб. пособие для студ. пед. вузов. -М., 2007. – 287 с.
- 12.Аракин В.Д. История английского языка: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов - 2-е изд. М., 2001. – 266 с.
- 13.Арбекова Т.И. Лексикология английского языка. – М.: Высшая школа, 1977. – 240 с.
- 14.Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
- 15.Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.
- 16.Бондарева Н.А. Прикладные аспекты моделирования терминологии уголовного права: Дисс. ... канд. филол. наук. – Спб., 2004. – 213 с.
- 17.Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.; Л.: Русский язык, 1986. – 720 с.
- 18.Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. – М., 1939. – С. 3-54.
- 19.Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 128 с.
- 20.Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 112 С.
- 21.Володина М.Н. Теория терминологической номинации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 180 с.
- 22.Володина М. Н. Термин как средство специальной информации // Русский Филологический Вестник. – 1996. – № 1. – С. 73-76.

23. Вольное сетевое сообщество Диссернет. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissernet.org/publications/theme/andrijanovgate/>
24. Гак В.Г. Асимметрия лингвистического знака и некоторые общие проблемы терминологии // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч. I. М., 1971. – С. 68-71.
25. Гак В.Г., Лейчик В. М. Субституция термина в синтагматическом аспекте // Терминология и культура речи. М., 1981. – С. 47-57.
26. Гвишиани Н. Б. Современный английский язык. Лексикология. Учебник бакалавра. Издание 3-е, переработанное и дополненное. – Юрайт Москва, 2013. – 273 с.
27. Гвишиани Н. Б. Современный английский язык. Лексикология. Учебное пособие по курсу лекций. – Издательство Московского университета Москва, 2000. – 221 с.
28. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения (вопросы методологии). Монография. Издание второе, исправленное. – Издательство ЛКИ URSS Москва, 2008. – 280 с.
29. Герд А.С. Еще раз о значении термина // Лингвистические аспекты терминологии. – Воронеж, 1980. – С. 3-6.
30. Гринёв С.В. Терминологические заимствования: Краткий обзор современного состояния вопроса. – М.: Издательство «Наука», 1982. – 150 с.
31. Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминоведение. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.
32. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. Учебное пособие. Изд. 3-е, доп. – М., Книжный дом Либроком, 2009. – 224 с.
33. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
34. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 400 с.

35. Данилов К.В. Репрезентация концептов CRIME и PUNISHMENT в британской и американской юридической терминологии: Дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – 209 с.
36. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 446 с.
37. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М, 2001. – 790 с.
38. Железновская Г.И. Ретерминологизация как способ формирования терминов в языке современной дидактики // Известия Саратовского университета, Том 10, Серия Философия. Психология. Педагогика. 2010. – №4, том 10. – С.104-106
39. Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2014. – 496 с.
40. Иконникова В.А. Метафора и метонимия при образовании терминов-эпонимов (на материале англоязычной юридической терминологии) // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). – 2011. - № 10 (13). – С. 214–222.
41. Канделаки Т.Л. Об одном типе словаря международных терминологических элементов // Филологические науки. – № 2. – 1967. – С. 37–49
42. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. – М.: Наука, 1977. – 167 с.
43. Капшутарь Е. С., Берсенева Н. С. К вопросу о влиянии латинского языка на деривацию англоязычных терминов естественных и гуманитарных наук (на примере терминов оптики, астрономии, литературоведения и уголовного права) // Казанский педагогический журнал. – 2015. – Т. 2, № 6. – С. 459-461
44. Капшутарь Е. С. К тезису о системной природе термина на примере англоязычных терминов уголовного права // Вектор науки Тольяттинского

- государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2016. – № 1 (35). – С. 89-94
- 45.Капшутарь Е.С. Метафоризация как средство терминообразования на примере англоязычной терминологии уголовного права // Преподаватель XXI век. – 2016. - №2, том 2. – С. 321-326
- 46.Капшутарь Е.С. О некоторых особенностях становления англоязычной терминологии уголовного права в среднеанглийский период // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 1 (27). – С. 250-253.
- 47.Капшутарь Е.С. Функционирование англоязычных терминов уголовного права в непрофессиональном дискурсе (на примере британских и американских legal news) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2013» / М.: МАКС Пресс, 2013.
- 48.Капшутарь Е. С., Филиппова М. М. Особенности перевода современных англоязычных терминов права // Научный диалог. – 2016. – № 10 (58). – С. 41-53.
- 49.Капшутарь Е. С. English criminal law terms: Typological approach // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Vol. 1, no. 3. – P. 120-123
- 50.Каращук П.М. Словообразование английского языка: Уч. пособие для вузов по спец. «Романо-германские языки и литература». – М.: Высшая школа, 1977. – 303 с.
- 51.Кашкин С.Ю., Мамулян А.С. Англо-русский полный юридический словарь, Первое издание. – М., 1993. – 389 с.
- 52.Колонтаевская И.Ф. Англо-русский криминально-юридический словарь. – М., 2000. – 192 с.
- 53.Лантюхова Н.Н., Загоровская О.В., Литвинова Т. А. Термин: определение понятия и его сущностные признаки // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. – 2013. – № 1 (6). – С. 42-45
- 54.Лейчик В.М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. – 1981. – №2. – С.63-73

- 55.Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. – 2000. – № 2(5). – С.20-30
- 56.Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М., КомКнига, 2006. – 256 с.
- 57.Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.
- 58.Максименко Е.С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем: на материале английской и американской юридической терминологии: Дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2002. – 194 с.
- 59.Марчук Ю.Н. Основы терминографии: Методическое пособие. Методическое пособие. – М.: ЦИИМГУ, 1992. – 76 с.
- 60.Мельникова Е.В. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. – 106 с.
- 61.Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования// Вопросы языкознания - 2001. - №3. – С. 88-100.
- 62.Некрасова Т.П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 24 с.
- 63.Николаева О.С. Методика обучения переводу научных текстов на основе учета этимологической составляющей терминов: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 215 с.
- 64.Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. – М, 1973. – 290 с.
- 65.Реформатский А.А. О некоторых вопросах терминологии // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. – Вып. IV. – 1974. – С. 142-157.
- 66.Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. // Вопросы терминологии. – 1961. – С. 46-54.
- 67.Реформатский, А.А. Введение в языковедение: учебник для студентов филолог. спец. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 536 с.

68. Рыженкова Т.В. Специфика процесса транsterминологизации в отраслевой терминосистеме (на материале русской и английской терминологии правоведения): Дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 187 с.
69. Сандалова Н.В. Вариологические аспекты юридических терминов в русском и английском языках: Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 281 с.
70. Сердюк Е.И. Наименования лиц в языке древнегерманского права. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 194 с.
71. Словари на Академике. [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15676>
72. Смирницкий А. И. Лекции по истории английского языка. – М.: Добросвет, КДУ, 2011. – 236 с.
73. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М., филологический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 319 с.
74. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Московский Государственный Университет, 1998. – 260 с.
75. Ступникова Л.В. Оптимизация процесса овладения терминологией права при обучении англоязычному дискурсу студентов юридических вузов // Российский Внешнеэкономический вестник. Внешнеторговое консультирование. – 2011. – №12. – С.89-93
76. Суперанская А.В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 248 с.
77. Татаринов В.А. Теория терминоведения. Т. 1: Теория термина: История и современное состояние. – Московский Лицей Москва, 1996. – 311 с.
78. Фомина И.Н. Семантическая деривация в формировании английской политической терминологии: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 189 с.
79. Хасина Л.И. Место и специфика глагольных лексем и словосочетаний в отраслевой терминосистеме: на материале русской и английской юридической терминологии: Дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003. – 168 с.

- 80.Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. – М.: Инфра-М, 2012. – 320 с.
- 81.Черри Р. Развитие карательной власти в древних общинах. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 110 с.
- 82.Шабардина С.В. Становление терминосистемы права в английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 183 с.
- 83.Шарапова Т.Н. Исследование интернациональных компонентов в немецкой терминологии бионики // Омский научный вестник. – №4 (131). – 2014. – С.87-90
- 84.Шелов С.Д. Логическое и лингвистическое в определении терминов: Об одном синтаксическом правиле определения // Известия; Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. – 1987. – Т. 46. № 2. – С. 111-122
- 85.Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы: К проблеме классификации специальной лексики // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С.76-87
- 86.Юсупова Р.Р. Концептуальная карта ядра семантических полей английских и русских терминов уголовного права: Дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2010. – 170 с.
- 87.Яблокова М.В. Конверсия как активный способ словообразования в современном английском языке // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – №1, Том I. – С.197-201
- 88.Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XV века. Москва. 1985. – 250 с.
- 89.Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.; Ленинград, 1960. – 194 с.
- 90.Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
- 91.Akhmanova O.S., Agarova G.N., Nalepin V.L. Terminology: Theory and Method. – Moscow: MGU, 1974. – 205 pp.

92. Badinter Robert. Anglo-American Legal English, Concepts and Terminology. – École de Formation Professionnelle des Barreaux du Ressort de la Cour d'Appel de Paris, 2014. – 307 pp.
93. Baugh C. Albert, Cable Thomas, A History of the English Language, Fifth edition. – London: Pearson Education, 2002. – 459 pp.
94. Björkman Erik. Scandinavian loanwords in Middle English. Halle, 1900. – 207 pp.
95. British National Corpus. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bnc.phon.ox.ac.uk/transcripts-html/KRP.html>
96. Bond F. Donald. The Law and Lawyers in English Proverbs // American Bar Association Journal. – Vol. 21, No. 11. 1935. – Pp.724-727. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/25711962>
97. British Royal Family History. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.britroyals.com/rulers.htm>
98. Cassella D. Stefan. Reverse Money Laundering // Journal of Money Laundering control. – Vol.7, №1, 2003. – Pp.92-94
99. Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary Clark Hall R. John. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz/036410>
100. Conway Lawrence. A Brief History of the British Police. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cheltjules.wordpress.com/2011/06/29/a-brief-history-of-the-british-police/>
101. Criminal Law Act 1967. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58/pdfs/ukpga_19670058_en.pdf
102. Crystal David. The Story of English in 100 Words. – Profile, 2011. – 140 pp.
103. Duhaime's Law Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duhaime.org/LegalDictionary/Category/Latin Law Terms Dictionary.aspx>
104. Dunlop Douglas Morton. The British Isles According to Medieval Arabic Authors // Islamic Quarterly, 1957, Vol. 4. – Pp. 11-28

105. Durkin Philip. The Oxford Guide to Etymology. – Oxford, 2009. – 247 pp.
106. Early English Laws. Æthelberht's code. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/texts/abt/view/#edition,1/commentary,10_c_7
107. Electronic Middle English Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>
108. Braun Marina, Clothier Galina. English-Russian Dictionary of Criminal Law. – London, 1998. – 350 pp.
109. CNN. [Электронный ресурс]. – URL: <http://edition.cnn.com/2014/04/14/opinion/frum-ukraine/>
110. Coulthard Malcolm, Johnson. Alison The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. – Routledge, 2010. – 704 pp.
111. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages / Ed. By Michiel Arnoud Cor de Vaan. – Brill, 2008. – 825 pp.
112. Fanning Steven. Bede, Imperium and the Bretwaldas // Speculum, Vol.66, No. 1. – Pp.1-26
113. Federal Bureau of Investigation. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fbi.gov/about-us/investigate/white_collar
114. Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophische Kritik, 1892. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uni-konstanz.de/philosophie/files/frege.pdf>
115. Friedman M. Lawrence. A History of American Law. 1st ed. – NY, 2005. – 655 pp.
116. Friedman M. Lawrence. A History of American Law. 2nd ed. – NY, 2007. – 781 pp.
117. Garner A. Bryan. A Dictionary of Modern Legal Usage. – New York, NY: Oxford University Press, 2001. – 953 p.
118. Gifis H. Steven. Law Dictionary. – N.Y.: Barron's. – 595 pp.
119. Gvishiani Natalya. Terminology in English Language Teaching. – M.: Vyssaja Skola, 1993. – 157 pp.

120. Henry of Huntingdon. *Henrici archidiaconi huntendunensis Historia Anglorum*. Edited by Arnold Thomas. – London, 1879. – 476 pp.
121. Hickman v. Taylor, U.S., 1947. [Электронный ресурс]. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/329/495/case.html>
122. Galdia Marcus. *Legal Linguistics*. – Peter Lang, 2009. – 434 pp.
123. Gate suffix reached Arabic. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lughat.blogspot.ru/2006/06/gate-suffix-reaches-arabic.html>
124. Huscroft Richard. *Ruling England, 1042-1217*. – Pearson Education, 2005. – 268 pp.
125. Jenks E. *A short history of English law: from the end of the year 1919, Third Edition*. – London, 1924. – 444 pp. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/shorthistoryofen00jenk>
126. Jespersen Otto. *Growth and structure of the English language*. London, 1935. – 278 pp.
127. Joseph D. Brian. More on -gate Words: A Perspective from Abroad // *American Speech*. – 67 (1992). – Pp. 222-223. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ling.ohio-state.edu/~bjoseph/publications/1992gate.pdf>
128. König G. Daniel. *Arabic-Islamic Views of the Latin West: Tracing the Emergence of Medieval Europe*. Oxford, 2015. – 448 pp.
129. Kluge Friedrich. *An Etymological Dictionary of the German Language*. London, 1891. – 478 pp.
130. *Language training on the vocabulary of judicial cooperation in criminal matters: Handbook by Scuola Superiore della Magistratura, Scandicci, Italy*, April 18, 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ejtn.eu/Documents/About%20EJTN/Linguistics%20Project/EJTN%20Linguistics%20Handbook%20-%20Manuel%20-%20Eng-FR-ebook.pdf>
131. *Leges Henrici Primi*. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ibdp-history-medieval.wikispaces.com/Leges+Henrici+Primi>

132. Manerko L.A. English etymology through the history of the British people. – М., МГУ, филологический факультет, 2010. – 272 pp.
133. Mattila E.S. Heikki. Comparative Legal Linguistics. – London, Ashgate Publishing Company, 2006. – 364 pp.
134. McClure B. James. Overview of the Old and New Testament. Geelong, 2012. – 261 p;
135. McColl Miller Robert. English Historical Sociolinguistics. – Edinburgh University Press, 2012. – 240 pp.
136. Melinkoff D. The Language of the Law. – Boston & Toronto: Little, Brown and Co., 1963. – 540 pp.
137. Merriam Webster Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/bait%20and%20switch>
138. Microsoft Security. What is phishing? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.microsoft.com/en-us/safety/online-privacy/phishing-symptoms.aspx>
139. New York State Penal Law. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.criminaljustice.ny.gov/missing/graphics/nyspenallaw-custodialinterference.pdf>
140. New York State Unified Court System. [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.nycourts.gov/judges/cji/2-PenalLaw/240/240-70\(1\)\(d\).pdf](http://www.nycourts.gov/judges/cji/2-PenalLaw/240/240-70(1)(d).pdf)
141. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://etymonline.com/>
142. Oxford Dictionaries. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>
143. Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://public.oed.com/aspects-of-english/english-in-use/the-gate-suffix/>
144. Palmatier A. Robert. Speaking of Animals: A Dictionary of Animal Metaphors. – Santa Barbara, 1995. – 472 pp.
145. Pieńkos Jerzy. Podstawy juryslingwistyki. Język w prawie – Prawo w języku. – Warsaw: Muza, 1999. – 231 pp.
146. Rastorgueva T.A. A History of English. – М., 1983. – 347 pp.

147. Rowbotham Judith. Miscarriage of Justice? Postcolonial Reflections on the 'Trial' of the Maharajah of Baroda, 1875 // Liverpool Law Review, November 2007. – Volume 28, Issue 3. – PP. 377-403
148. Sanford Schane. Language and the Law: With a Foreword by Roger W. Shuy. – Bloomsberry Publishing, 2006. – 228 pp.
149. Schwyter R. Jürg. Old English Legal Language: The lexical field of theft. – Odense, 1996. – 197 pp.
150. Simpson A.W.B. On the laws and customs of England: essays in honor of Samuel E. Thorne. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.law.harvard.edu/faculty/cdonahue/courses/lhsemelh/materials/Mats2D_2F.pdf
151. Stephen James Fitzjames. A History of the Criminal Law of England. Volume 1. – London, 1883. – 521 pp. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/ahistorycrimina01unkngoog>
152. Stephen John Henry. Stephen's Commentaries on the laws of England. Volume 3. – London, 1950. – 580 pp.
153. The Good Wife. Season 1, Episode 1, 00:27:08,867-00:27:12,900 (subtitles)
154. Thorpe Benjamin. Ancient laws and institutes of England: comprising laws enacted under the Anglo-Saxon kings from Æthelbirht to Cnut. – England, 1840. – 674 pp.
155. Tiersma Peter. The Nature of Legal Language. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.languageandlaw.org/NATURE.HTM>
156. Trauma Informed Criminal Justice Terminology Guide. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.traumainformed.org/criminal-justice-terminology-guide/>
157. Treason Act 1351. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/aep/Edw3Stat5/25/2/section/II>

158. Turning a scandal into a '-gate' // By Alex Campbell, BBC News. 11 May 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-22464422>
159. United States Courts. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uscourts.gov/forms/habeas-corpus-petitions/petition-writ-habeas-corpus-under-28-usc-ss-2241>
160. Veisbergs A. Euphemisms in General (Monolingual and Bilingual) Dictionaries / A. Veisbergs // Proceedings of the 9th Euralex International Congress. – Stuttgart: Eurolex. – 2000. – Vol. II. – Pp. 773-780
161. Yorke Barbara. Reading the Anglo-Saxon Chronicle: Language, Literature, History. Brepols, 2010. – 344 p.
162. Warren B. What euphemisms tell us about the interpretation of word. – In: Studia linguistica. – V. 46. – 1996. № 2. – Pp. 128-172
163. Wormald Patrick, Baxter Stephen. The Times of Bede: Studies in Early English Christian Society and its Historian. Wiley-Blackwell. Hoboken, 2006. – 310 p.
164. Wormald Patrick. Papers Preparatory to The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century Volume II From God's Law to Common Law. – London, 2014. – 315 pp.
165. Wüster E. Einführung in die allgemeine Terminologielehre und terminologische Lexikographie. Hrsg. von o. Univ. Prof. Dipl. Ing. Dr L. Bauer. T. 1-2. Wien: New-York: Springer Verlag, 1979. 2. Aufl.-Kopenhagen: HEPU-tryk, 1985. 213 s.; 3. Aufl. Bonn: Romanischer Verlag, 1991. – 239 pp.